

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации
Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

**РЕФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ
ДОГОВОРНЫХ И ВНЕДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
В ЭПОХУ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЫ**

**Всероссийская научно-практическая конференция
(14 мая 2021 г.)**

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2021

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2021
ISBN 978-5-9694-1050-3

УДК 347
ББК 67.404
Р45

Рецензенты:

начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин
Омской академии МВД России
кандидат юридических наук, доцент **К. В. Карпов**;
начальник кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин
Орловского юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова кандидат юридических наук, доцент **С. К. Жилыева**

Составитель *А. В. Тумаков*

Р45 Реформирование правовой модели договорных и внедоговорных обязательств в эпоху создания национальной цифровой экосистемы : Всероссийская научно-практическая конференция, 14 мая 2021 г. : сборник научных трудов / [сост. А. В. Тумаков]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. – 205 с. – 1 электронный опт. диск (CD-R). – Систем. требования : CUP 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.
ISBN 978-5-9694-1050-3

В сборнике по итогам Всероссийской научно-практической конференции (14 мая 2021 г.) представлены материалы, анализирующие проблемы регулирования договорных и внедоговорных обязательств в эпоху создания национальной цифровой экосистемы.

Предназначен для педагогических работников, адъюнктов образовательных организаций МВД России и педагогических работников, аспирантов иных образовательных организаций.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CUP 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

Корректор *Лосева О. С.*
Компьютерная верстка *Лосева О. С.*

Подписано к изданию 30.12.2021
Объем издания: 2 025 Кб
1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1050-3

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
<https://мосу.мвд.рф>, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Агаджанян А. А., Поваров Ю. С.</i> Принцип добросовестности в обязательственно-правовой сфере	8
<i>Александрина М. А.</i> Принципы международного частного права в условиях применения цифровых технологий.....	12
<i>Александрова Н. С.</i> О некоторых актуальных вопросах обязательств с цифровыми финансовыми активами	21
<i>Анохин С. А.</i> Внедоговорные основания приобретения права собственности на земельные участки.....	25
<i>Арзуманян Д. А.</i> Адвокатский контроль за возможными ошибками нотариуса при проверке законности нотариально удостоверяемой сделки.....	29
<i>Ахмедова З. Т.</i> Баланс интересов субъектов при установлении происхождения суррогатных детей.....	32
<i>Гук В. А.</i> Особенности правового регулирования персональных данных физических лиц в цифровой среде. Гражданско-правовой аспект	36
<i>Денисова О. В.</i> Защита имущественных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.....	40
<i>Журило П. И.</i> Многоквартирный дом как единый объект права собственности и проблема развития жилого фонда	47
<i>Иваненко А. В., Яковлева-Чернышева А. Ю.</i> Социально-экономические и правовые аспекты применения искусственного интеллекта	51
<i>Иловайский И. Б., Щепетнова Д. С.</i> Дистанционный нотариат и удостоверение сделок двумя и более нотариусами: отдельные неоднозначные вопросы	55
<i>Казаченок О. П., Степанова И. А.</i> Влияние цифровых технологий на защиту прав потребителей на международном уровне	60
<i>Калиниченко Ю. П.</i> Использование виртуальной валюты на территории Российской Федерации (теоретико-практический характер)	63

<i>Копылова Т. А.</i>	
Гражданско-правовой статус информационных посредников	66
<i>Крысанова-Кирсанова И. Г.</i>	
Проблемы правового регулирования применения искусственного интеллекта	70
<i>Колбасова Е. А.</i>	
Проблемы заключения договора купли-продажи в сети Интернет	75
<i>Коровин Н. А.</i>	
Договорное регулирование деятельности территориального общественного самоуправления на современном этапе развития гражданского права	78
<i>Крюкова Е. С., Кудашева П. С.</i>	
Медицинские услуги в условиях информатизации	84
<i>Кулешова А. Н.</i>	
Договор поставки нефти и нефтепродуктов: его особенности и отличительные черты	89
<i>Левкина Е. С.</i>	
Особенности заключения трудового договора с работниками, не достигшими возраста 18 лет	91
<i>Мородумов Р. Н., Малахов И. М.</i>	
Правомерность навязывания услуг нотариусами	98
<i>Мальшева Н. А.</i>	
Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, в системе внедоговорных обязательств	102
<i>Мирошниченко К. Г.</i>	
Создание цифровых технологий в сфере государственно-частного партнерства	106
<i>Низаметдинов Р. А.</i>	
Правовое регулирование производства следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи	111
<i>Никитин М. И.</i>	
Фонд как некоммерческая унитарная организация	115
<i>Острякова Т. В.</i>	
Правовое регулирование дистанционного банковского обслуживания в России	119
<i>Пагава Т. Л.</i>	
Применение компенсации морального вреда при нарушении имущественных прав потребителей	125

<i>Петухова М. Р.</i> Договор счета эскроу как новый способ обеспечения исполнения обязательств	127
<i>Поваров Ю. С.</i> Законодательные модели согласования кредитором перевода долга.....	131
<i>Пономарченко А. Е.</i> Смарт-контракт: функции и сфера применения.....	136
<i>Прасковьян Д. А., Бураков И. С.</i> Смарт-контракты как новый этап развития договорных отношений	140
<i>Рамазанова К. К.</i> Правовые и морально-этические нормы как основа создания и использования искусственного интеллекта: комплексный подход	144
<i>Рахманина Н. В.</i> Предоставление страховых услуг гражданам в сети Интернет: проблемы и перспективы.....	148
<i>Самойлова А. К.</i> К вопросу признания виртуальных объектов предметом хищения по российскому уголовному законодательству	154
<i>Сафронова С. С., Мородумов Р. Н.</i> Искусственный интеллект в правоохранительной деятельности.....	158
<i>Севостьянов М. В.</i> Концепт «культура» в системе гражданского права России	161
<i>Семёнова Е. Г.</i> Оптимизация договорных конструкций в сфере оборота цифровых объектов в условиях национальной цифровизации	168
<i>Устимова С. А., Рассказова Е. Н.</i> Новеллы гражданского законодательства в сфере цифровых объектов	172
<i>Фёдорова Ю. А.</i> Современные правовые проблемы возмещения вреда, причиненного органами внутренних дел Российской Федерации	176
<i>Филиппова А. И.</i> Гомеостаз правового регулирования экосистемы в сфере закупок	180
<i>Фуженкова С. М.</i> Права детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на жилье: пути и способы их реализации	184
<i>Шаймарданов Т. Р.</i> Незаконное предпринимательство: гражданско-правовой и уголовно-правовой аспекты.....	187

Шаповалов Я. А.

Оказание услуг по антитеррористической защите
объектов как предмет договора 191

Яготинцева Т. Ю.

Правовая природа механизма возмещения вреда,
причиненного коррупционными действиями
должностных лиц органов государственной власти..... 198

Ягунова Е. Е.

Правовая природа цифрового рубля и перспективы
его правового регулирования 202

*Агаджанян А. А.¹,
студентка юридического института
Самарского национального исследовательского университета
имени академика С.П. Королева*

*Поваров Ю. С.²,
доцент кафедры гражданского
и предпринимательского права
Самарского национального исследовательского университета
имени академика С.П. Королева,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

Системное регулирующее воздействие права на общественные отношения осуществляется при наличии общего, исходного, ведущего, наиболее абстрактного начала. Этим началом являются принципы права (принципы правового регулирования). Они, основываясь на правовых аксиомах, могут быть условно разделены на такие группы, как универсальные (общеправовые) принципы права, межотраслевые принципы права и отраслевые (специальные) принципы права. Принципы гражданского права являются отраслевыми принципами, так как они характерны именно для данной отрасли российского права.

До сих пор дискуссионным остается вопрос о необходимости формального закрепления принципов права для их идентификации в качестве принципов как таковых. Решение этого вопроса зависит от еще одного не менее спорного момента: нужно ли считать принцип права нормой права со всеми вытекающими из этого последствиями. Так, с одной стороны, принципы гражданского права могут определяться как «наиболее общие по своему содержанию гражданско-правовые нормы, составляющие основу регулирования отношений, входящих в предмет гражданского права [2, с. 22]», а с другой – как общие идеи, лежащие в основе права [5, с. 144] и оказывающие влияние на гражданское правотворчество и гражданское правоприменение независимо от их закрепления в том или ином формальном источнике права. Во втором случае категория «принцип права» занимает исключительно доктринальное положение. В связи с этим, как представляется, на законодательном уровне употребляется словосочетание «основные начала».

Гармоничное объединение двух подходов позволяет законодателю придать некоторым основным идеям гражданского права форму гражданско-правовых норм-принципов, при этом не умаляя значения иных основных идей, не упомянутых в формальных источниках гражданского права.

В этой работе отраслевые гражданско-правовые принципы понимаются в узком смысле, т. е. как нормы-принципы, отраженные в статьях Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) (ст.ст. 1, 2, 6).

¹ © Агаджанян А. А., 2021.

² © Поваров Ю. С., 2021.

Пункт 3 ст. 1 ГК РФ содержит положение о том, что «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно» [4]. С тем, чтобы подчеркнуть значимость добросовестного поведения, законодатель в ч. 4 этой же статьи устанавливает, что «никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения» [4].

В теории гражданского права нет единства мнений по вопросу определения сущностной принадлежности категории «добросовестность». Так, добросовестность рассматривается как принцип, презумпция, категория, оценочная категория, принцип и оценочная категория одновременно, требование [1, с. 90]. Однако путем системного толкования положений ст. первой 1 ГК РФ можно установить, что на законодательном уровне добросовестность признается основным началом или отраслевым принципом права.

Морально-нравственная категория добросовестности, получая закрепление в формальных источниках права, приобретает правовое значение. Добросовестность упоминается в нормах гражданского права в различных контекстах, при этом точное определение данного принципа гражданского права вполне обоснованно законодателем не дается. Эти факты обуславливают вариативность трактовок категории добросовестности в каждом отдельном случае ее применения.

Что же понимается под принципом добросовестности? Какое значение приобретает данный принцип в обязательственных правоотношениях? Именно в определении понятия добросовестности и ее правовой природы видится основная задача исследования.

В качестве установленного законом критерия поведения лица в конкретном правоотношении добросовестность нашла свое закрепление во многих статьях ГК РФ (например, в ст.ст. 51, 53.1, 60.2, 145, 167, 220, 234, 302). Особый интерес представляет ст. 307 ГК РФ. Пункт 3 данной статьи устанавливает, что стороны обязательства должны действовать добросовестно: при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны учитывать права и законные интересы друг друга, взаимно оказывать необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставлять друг другу необходимую информацию [4].

Пленум Верховного суда Российской Федерации [3, п. 1] указывает, что добросовестное поведение – это такое поведение, которое ожидается от любого участника гражданского оборота, учитывает права и законные интересы другой стороны, содействует ей, в том числе в получении необходимой информации.

Анализ статей ГК РФ и положений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации позволяет определить сущность принципа добросовестности как оценочной правовой категории. Добросовестность можно определить как совокупность свойств или качеств участника гражданско-правовых отношений, содержанием которой является такое поведение участника гражданских правоотношений, которое учитывает права и законные интересы других участников гражданских правоотношений. При этом согласно п. 5

ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений предполагается, пока не доказано иное [4].

Значительное влияние принцип добросовестности оказывает на регулирование обязательственных правоотношений. Пункт 3 ст. 307 ГК РФ дублирует принцип добросовестности применительно к обязательственному праву. Этот факт подчеркивает значимость отраслевого принципа для регулирования обязательно-правовых отношений.

ГК РФ содержит ряд положений, устанавливающих модели добросовестного поведения лица путем описания деяний, считающихся недобросовестными. Например, ст. 434.1, регулируя поведение сторон на этапе переговоров о заключении договора, определяет некоторые действия, которые предполагаются недобросовестными. Это, во-первых, допущение вступления в переговоры о заключении договора или их продолжения при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной. Во-вторых, это предоставление стороне неполной или недостоверной информации. В-третьих, это внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать [4].

Принцип добросовестности раскрывается и во многих других нормах гражданского права, регулирующих взаимодействие участников обязательственных правоотношений, что свидетельствует о важности данного принципа в обязательно-правовой сфере. В данном контексте актуально мнение М. А. Цакоевой о том, что очевидное внимание законодателя к данной проблеме демонстрирует важность для стабильности гражданского оборота соблюдения требования добросовестного поведения именно участниками обязательственных правоотношений. Недобросовестность одной из сторон обязательства не только влечет за собой негативные последствия для другой стороны и устойчивости существующей между ними правовой связи, но и, как правило, затрагивает интересы и иных участников гражданского оборота, особенно если речь идет об обусловленности одного обязательства другим [6].

Итак, критерии добросовестного поведения, содержащиеся в различных статьях ГК РФ, раскрывают сущность добросовестности как отраслевого принципа гражданского права. Отсутствие законодательной дефиниции добросовестности восполняется законодательным определением некоторых случаев, когда действия участника гражданского правового отношения необходимо считать недобросовестными.

Также стоит отметить, что принцип добросовестности имеет значение и при рассмотрении дела судом. Он по своей инициативе при очевидном отклонении действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения может признать поведение этого участника недобросовестным. На это указывает Пленум Верховного суда Российской Федерации [3]. В своем Постановлении суд также отмечает, что при установлении недобросовестного поведения одной из сторон в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения суд отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие

защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны.

Таким образом, отраслевой принцип добросовестности, имея универсальное значение и занимая существенное место в механизме гражданско-правового регулирования, приобретает особое значение в сфере обязательственных правоотношений. Законодатель, используя оценочную категорию и не давая точного определения данного понятия, раскрывает сущность добросовестности во многих статьях ГК РФ. Закрепление добросовестности в качестве принципа гражданского права позволяет применять меры правовой защиты при недобросовестном поведении участников гражданско-правовых отношений.

Библиографический список

1. Брисов, Ю. В. Добросовестность в гражданском праве // *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*. № 45 (1). С. 88–97. – URL: <https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-45-1-88-97>.
2. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. М. : Проспект, 2020.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации*. 2015. № 8.
4. Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
5. Рыженков А. Я. Основные начала (принципы) российского гражданского законодательства и смежных отраслей права : монография. М. : Юрлитинформ, 2015.
6. Цакоева М. А. К вопросу о формах реализации принципа добросовестности в обязательственных правоотношениях в свете новелл Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/104560-voprosu-formakh-realizacii-principa-dobrosovestnosti-obyazatelstvennykh-pravootnosheniyakh>.

*Александрина М. А.¹,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Астраханского филиала
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук*

ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Интенсивное развитие цифровых технологий предопределило формирование нового так называемого информационного цифрового общества, требующего соответствующих изменений в правовом регулировании. Структурная и содержательная реконструкция всей правовой системы предполагает не только адаптацию действующих правовых норм к особенностям общественных отношений в условиях цифрового общества (включая расширительное толкование их содержания), но и дальнейшее формирование цифрового права как самостоятельной отрасли. Поскольку цифровое пространство, отношения в условиях цифрового общества нередко выходят за рамки одного государства, на первом плане стоит проблема международно-правового регулирования в данной сфере. Международное частное право способно ранее других отраслей адаптироваться к новым условиям цифрового развития государства, общества, экономики, так как характеризуется более гибкими методами регулирования, отсутствием в большинстве случаев жесткой привязки к национальному праву, возможностью негосударственного регулирования отношений в соответствии с принципами свободы договора и автономии воли сторон. В этой связи большое теоретическое и практическое значение приобретает исследование проблемы трансформации принципов международного частного права в условиях цифрового развития государства, общества и экономики.

Принципы международного частного права – это складывающиеся в процессе развития частноправовых отношений международного характера и вытекающие из содержания отраслевых источников и их общего смысла доктринально сформулированные базовые идеи, которые способствуют достижению целей правового регулирования международных частноправовых отношений и в соответствии с которыми осуществляются функции международного частного права.

К отраслевым принципам международного частного права в различных источниках относят: во-первых, традиционно признаваемые в научной литературе и закрепленные в правовых нормах – принцип автономии воли сторон международных частноправовых отношений (*lex voluntatis*) [5, с. 13–14; 22, с. 47], принцип наиболее тесной связи правоотношения [5, с. 14; 3, с. 19] (одновременно являются одними из основных принципов коллизионного регулирования) и принцип свободы договора (последний носит конкретизирующий характер по отношению к принципу автономии воли), территориальный принцип (принцип применения судом собственного права (*lex fori*) [2, с. 12]; принцип

¹ © Александрина М. А., 2021.

коллизийного регулирования частноправовых отношений с иностранным элементом [25], принцип приоритета норм международных договоров над национально-правовыми нормами [25] и обязательности их исполнения [3, с. 19], а также – принцип двойственности источников международного частного права, т. е. комплексного регулирования частноправовых отношений с иностранным элементом на основе источников международно-правового и национально-правового характера (в литературе выделяется принцип сочетания международного и национального регулирования) [19, с. 15]; принцип диспозитивности (закрепленная в международно-правовых источниках возможность для сторон частноправовых отношений с иностранным элементом отказаться от их применения в качестве регуляторов данных конкретных отношений); принцип сочетания государственных и негосударственных форм регулирования международных частноправовых отношений (т. е. «заведенного порядка», действующего в течение долгого периода (*lex mercatoria*) (например, Н. В. Оксютчик формулирует принцип применения негосударственных форм регулирования правоотношений) [19, с. 15], однако признание *lex mercatoria* правовым регулятором на сегодняшний день не получило массового распространения и носит спорный характер [18, с. 59–63]; в-четвертых, принцип равенства государства как участника международных частноправовых отношений и других субъектов международного частного права в соответствии с концепцией функционального иммунитета; в-пятых, принцип применения норм иностранного права на основе коллизийных норм или соглашения сторон с учетом ограничений, установленных в императивных нормах национального права и оговорки о публичном порядке [23, с. 153–158]; (В. А. Барышев выделяет два самостоятельных принципа: принцип обязательного применения иностранного права, если этого требуют коллизийные нормы или стороны избрали его для регулирования правоотношения и принцип защиты национального правопорядка от норм иностранного права, несовместимых с устоявшимися общественным правосознанием и моралью [3, с. 19]; Г. К. Дмитриева выделяет принцип защиты отечественного правопорядка [8, с. 32–33]; Ю. М. Акимова выделяет два взаимосвязанных принципа: принцип применения иностранного права и принцип защиты отечественного правопорядка) [1, с. 604]; принцип предоставления определенных режимов и принцип взаимности [5, с. 14]; принцип обеспечения исполнения международных частноправовых обязательств (обеспечение свободы перемещения товаров и финансовых средств; соблюдение гарантий иностранным инвесторам) и принцип добросовестного исполнения международных частноправовых обязательств (равенство участников частноправовых отношений; добросовестная конкуренция и соблюдение норм антимонопольного законодательства); принцип охраны персональных данных и защиты информации.

В условиях развития цифровых технологий наиболее очевидно трансформация принципов прослеживается в процессе заключения и исполнения смарт-контрактов.

Смарт-контракт («интеллектуальный» контракт, «умный» контракт) представляет собой самоисполняемый договор, базирующийся на платформе блокчейн, заключаемый в электронной форме, в котором для ввода в блокчейн всех

условий договора используется математический код. Таким образом, в блокчейне содержится специальный алгоритм, который позволяет автоматически отслеживать исполнение участниками (подписантами) их обязательств.

Смарт-контракт совершенно не вписывается в традиционные критерии определения ни гражданско-правового договора, ни внешнеэкономической сделки. Отсутствует единообразное правовое понимание данного явления. Впервые термин «смарт-контракт» получил законодательное закрепление в Декрете Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики». Практическое применение смарт-контрактов пока остается вне правового поля в силу их специфики, а выделить правовые признаки компьютерной программы невозможно. Поэтому регулированию подлежит изначальное соглашение сторон, содержащее основные условия, которое приобрело вид цифрового кода. Поэтому на основе анализа зарубежного законодательства и практики в литературе предлагается закрепить статус смарт-контракта как способа оформления договорных обязательств в нормативных правовых актах о договорах одновременно с внесением изменений в процессуальное законодательство и нормативные правовые акты об информационных технологиях [11]. В Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не дается определение смарт-контракта [26]. Однако в проекте указанного нормативного правового акта смарт-контракт определялся как договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств.

Смарт-контракты происходят не от сторон, а в результате создания программы на основе цифровых технологий. В их создании, контроле, исполнении и подтверждении транзакций участвуют третьи лица, имеющие специальные наименования и особые функции. Стороны лишь заключают смарт-контракт, одновременно подтверждая свою личность (а иногда даже этого не требуется). Остается не ясным вопрос механизма формирования условий смарт-контракта. Место заключения, личный закон участников, место исполнения сложно определить. Проблема определения применимого права к таким контрактам связана с адаптированностью известных коллизионных принципов исключительно к традиционным гражданско-правовым договорам. Проблемы определения места заключения смарт-контракта, места исполнения, права страны, с которой он наиболее тесно связан, особенно характерны для такого рода контрактов. Распределительный характер обязательства, содержащегося в смарт-контракте, предполагает применение личного закона каждого из участников в равной мере, а также участника блокчейна [16, с. 176]. Поэтому традиционные принципы (принцип коллизионного регулирования, принцип автономии воли сторон, базирующийся на коллизионном принципе определения применимого права *lex voluntatis*, принцип диспозитивности, предполагающий возможность исключения применения некоторых норм международных договоров и международных

обычаев, а также принцип сочетания государственных и негосударственных форм регулирования международных частноправовых отношений, заключающийся в возможности использования деловых обыкновений в целях регулирования договорных отношений, т. е. так называемого заведенного порядка, действующего в течение долгого периода (*lex mercatoria*) как основа правового регулирования применительно к смарт-контрактам трансформируются в один общий принцип автоматизированного определения более благоприятного права для смарт-контракта и автономного наднационального регулирования. И в таком виде указанные принципы предпочтительнее заложить в алгоритм определения применимого права при формулировании условий смарт-контракта. При этом допускается существование так называемой системы саморегулирования отношений в сети Интернет *lex electronica*, основанной в том числе на технологии блокчейн [13, с. 28].

Поскольку, в первую очередь, так же, как и в случае заключения традиционного сложного или непоименованного контракта, в связи с квалификацией его как международной коммерческой (трансграничной) сделки может возникнуть коллизиянная проблема [15, с. 145]. Подобная проблема может сопровождать и смарт-контракты. На практике стороны смарт-контрактов в соответствии с принципом автономии воли чаще избирают наиболее предпочтительные правовые системы, максимально благоприятные к смарт-контрактам. Но в случае нахождения узлов сети распределительного реестра в зонах действия различных юрисдикций имеет место расщепление договорного статута, что значительно затрудняет выбор применимого права [14, с. 103]. Построение строгого алгоритма формулирования условий смарт-контракта делает этот процесс более простым и быстрым, а также позволяет решить коллизиянную проблему. Но для этого в алгоритм должен быть заложен принцип автоматизированного определения более благоприятного права для смарт-контракта (в том числе ввиду возможного использования смарт-контрактов для обеспечения соблюдения юридических контрактов). Однако сначала «необходимо решить многие технико-правовые вопросы, которые потребуют времени и междисциплинарного обсуждения между юристами и разработчиками программного обеспечения» [26].

Качество договора определяется, в первую очередь, использованием четких и однозначных терминов, фразеологических конструкций, исключающих возможность двусмысленного толкования. Произвольная интерпретация некоторых нормативных предписаний, на основе которых строится содержание договора, и его условий становятся невозможными в случае использования смарт-контрактов [15, с. 7].

Квалификация смарт-контрактов как договоров присоединения, совершаемых под отлагательным условием, [7, с. 114] не лишает их кардинальных отличий от традиционных гражданско-правовых договоров. В данном случае, ввиду отсутствия единого текстового выражения контракта, не позволяющего воспроизвести содержание сделки в привычном нам виде, формулирование и фиксация условий договора в обычных пределах не представляются реальными. Таким образом, основополагающие постулаты, и, прежде всего, принцип свободы договора, не находят своего выражения в традиционном понимании. Этим

объясняется необходимость более конкретного определения границ договорного регулирования отношений, возникающих на основе цифровых технологий, в отличие от традиционных договорных отношений [9, с. 54].

Глобальный характер и в целом единство цифровых технологий, применяемых в том числе и для создания смарт-контрактов, могут способствовать формированию принципа унифицированного международно-правового регулирования отношений в сфере цифрового пространства на основе следующих принципов международного частного права: принципа приоритета норм международных договоров над национально-правовыми нормами и обязательности их исполнения, а также принципа двойственности источников международного частного права, т. е. комплексного регулирования частноправовых отношений с иностранным элементом на основе источников международно-правового и национально-правового характера (иными словами, принцип сочетания международного и национального регулирования).

Реализация в рамках цифрового пространства принципа равенства государства как участника международных частноправовых отношений и других субъектов международного частного права в соответствии с концепцией функционального иммунитета не вызывает особых проблем. Программа не предоставляет различный правовой режим для пользователей, а иногда деперсонифицирует их.

Принцип обеспечения исполнения международных частноправовых обязательств (особенно, в плане обеспечения свободы перемещения товаров и финансовых средств) и принцип добросовестного исполнения международных частноправовых обязательств в смарт-контрактах получают максимально гарантированную реализацию благодаря особенностям их исполнения. Смарт-контракты носят характер самоисполняемых договоров. При выполнении определенных в договоре условий производится автоматическая транзакция. Платформа блокчейн строится по распределительному принципу. И даже если произошла утрата данных о произведенной транзакции по каким-либо техническим причинам, полностью информация не исчезает и платеж может быть подтвержден другими участниками. Это обеспечивается благодаря соединению транзакций в группы-блоки, из которых впоследствии формируется непрерывающаяся цепочка. При этом для ведения учета активов и их движения наиболее приемлем распределительный реестр [4, с. 13, 16]. При условии правильной реализации смарт-контрактов они могут обеспечить безопасность транзакций, превосходящую традиционное договорное право. Тем самым снижаются затраты на координацию аудита и обеспечение соблюдения таких соглашений [27]. Поэтому вышеназванные принципы реализуются в том числе посредством характерного для цифрового права свойства самоисполняемости обязательств, основанного на системе распределительного реестра.

Относительно способа оплаты в традиционном договоре предусматриваются возможные его варианты: оплата производится путем передачи продавцу (исполнителю и т. п.) наличных денежных средств; внесением средств в депозит нотариуса; по безналичному расчету (платежными поручениями, по аккредитиву, по инкассо, чеками и т. д.). Кроме того, в договоре может определяться момент исполнения плательщиком обязанности по оплате товаров (работ,

услуг): момент зачисления денежных средств на корреспондентский счет банка получателя, момент списания денежных средств с расчетного счета плательщика, момент зачисления денежных средств на расчетный счет получателя. В этом проявляется одно из отличий от смарт-контрактов, которые могут работать только с активами, находящимися в цифровой экосистеме. А отсутствие правового регулирования оборота криптовалют является причиной ограничения их оборота. По этой же причине не сложилась соответствующая единообразная судебная практика [6, с. 59]. Справедливости ради, следует отметить, что первые шаги в этом направлении на национальном уровне предпринимаются. С 1 января 2021 г. введен в действие Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [26]. Однако он не содержит понятие смарт-контракта. И в этой связи выше названные принципы обеспечения исполнения международных частноправовых обязательств (особенно, в плане обеспечения свободы перемещения товаров и финансовых средств) и добросовестного исполнения международных частноправовых обязательств находят свое выражение и реализацию в том числе в нормах, закрепляющих требования к деятельности операторов информационных систем и операторов обмена цифровых финансовых активов (ст. 6, ст. 10 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Следует отметить, что в последнее время использование криптовалют ставится под сомнение, биткоин подвергается жесткой критике из-за постоянного увеличения стоимости содержания лежащей в его основе системы блокчейн [12, с. 83]. Среди других недостатков криптовалют называются: отсутствие официальных обменных процедур, невозможность аннулирования транзакций и возврата средств в случае мошенничества, уязвимость для взломов криптовалютных платежных систем, отсутствие гарантий исполнения сделок [20, с. 59]. Кроме того, как показала практика, отсутствуют какие-либо критерии, на основе которых можно хотя бы приблизительно рассчитать возможный курс криптовалют. Но, с другой стороны, такой способ оплаты более удобный и быстрый в настоящее время применительно к смарт-контрактам. Особенно его привлекательность очевидна в случае осуществления цепочки поставок.

Продолжают развиваться платежные системы, основанные на блокчейн-технологии. Наиболее известна банковская расчетная система SWIFT. Однако в последнее время она проявила уязвимость для хакерских атак. Можно назвать систему GPSG, которая рассматривается как конкурент SWIFT, новую платформу CLS Not и др. [21, с. 116–117]. В этой связи актуальным становится осуществление международных расчетов на основе принципа свободы и безопасности перемещения финансовых средств.

Таким образом, все указанные меры, направленные на оптимизацию правоприменительного процесса в сфере построения содержания, заключения и исполнения международных коммерческих сделок (в том числе, с использованием цифровых технологий), осуществляются на основе принципов

международного частного права, которые, в свою очередь, формулируются и преобразуются в соответствии с потребностями практики.

В цифровую эпоху на первый план также выходят проблемы, связанные с защитой персональной информации, идентификацией субъектов отношений, возникающих посредством использования сети Интернет. Определенные шаги в этом направлении были предприняты на национальном уровне принятием Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» и Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [26]. На международном уровне принцип охраны персональных данных находит свою реализацию в положениях Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 г. (с изменениями от 15 июня 1999 г.) [10], где закреплено, что любому лицу должна быть предоставлена возможность знать о существовании автоматизированного файла персональных данных и название, место проживания или место нахождения контролера файла, получать подтверждение того, хранятся ли его данные в автоматизированном файле, добиваться в случае необходимости исправления или уничтожения таких данных, прибегать к средствам правовой защиты в случаях нарушения прав в данной сфере (ст. 8 Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Страсбург, 28 января 1981 г.) (с поправками от 15 июня 1999 г.) [10]. В целом Конвенция направлена на защиту физических лиц от злоупотреблений при сборе и обработке персональных данных и на регулирование трансграничного потока персональных данных. Россия присоединилась к данной Конвенции, подписав Протокол к ней 10 октября 2018 г. И в настоящее время Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 г. (с поправками от 15 июня 1999 г.), известная как «Конвенция 108», остается единственным глобальным международным договором в сфере защиты персональных данных.

На основе принципа защиты персональных данных должна решаться проблема идентификации субъектов: в каких случаях идентификация возможна и необходима; право на использование псевдонима (сетевое имя); право на забвение и «цифровую смерть». В литературе предлагается два варианта решения данной проблемы: признать виртуальную личность, которую невозможно идентифицировать, самостоятельным субъектом частноправовых отношений, возникающих в сети Интернет; признать объектом гражданского права персональные данные [24, с. 7].

Система принципов международного частного права, реализация и трансформация отдельных принципов в соответствии с современными тенденциями развития цифровых технологий и применения их в различных частноправовых сферах требуют специального исследования. Современные потребности определяют создание совершенно новой системы правовых норм, регулирующих отношения, которые основаны на цифровых технологиях. И, поскольку специфика современных трансграничных частноправовых отношений довольно часто предполагает использование цифровых технологий, нормы цифрового права должны создаваться и на международном уровне. Содержание таких

норм строится (наряду с другими отраслевыми категориями) на основе принципов международного частного права, которые, в свою очередь, трансформируются в связи с потребностями современного развития цифровых технологий и соответствуют им.

Библиографический список

1. Акимова Ю. М. Методология классификации принципов международного частного права // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 5 (30). С. 600–606.
2. Асосков А. В. Основы коллизионного права. М. : Логос, 2017 // URL: <https://m-lawbooks.ru/wp-content/uploads/2020/02/kniga-028-kollizionnoe-pravo1.pdf>.
3. Барышев В. А. Международное частное право. Минск : Вышейшая школа, 2019.
4. Вобленко Е. В. Бухгалтерский учет цифровых транзакций : дис. ... канд. экономич. наук : 08.00.12. СПб. : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020.
5. Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право: краткий курс лекций. М. : Юрайт, 2014.
6. Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex Russica. 2019. № 8 (153). С. 51–62.
7. Давыдова М. Л., Козлова М. Ю. Некоторые тенденции развития юридического языка современного гражданско-правового договора // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 3 (47). С. 113–118.
8. Дмитриева Г. К. Международное частное право / отв. ред. Г. К. Дмитриева. М. : Проспект, 2010.
9. Ефимов А. В. Конкретизация норм об исполнении обязательств, возникающих из корпоративных договоров в условиях цифровой экономике // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 52–63.
10. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 г. (с изм. от 15 июня 1999 г.).
11. Крысенкова Н. Б. Смарт-контракты в иностранном правовом пространстве // URL: https://urfac.ru/?p=2730#_ftn3.
12. Липницкий Д. В. Возможности и вызовы для блокчейн в новой индустриализации // Экономика промышленности. 2019. № 1. С. 82–100.
13. Лукьянов Н. В. Правовые аспекты заключения, изменения и прекращения смарт-контрактов // Юридические исследования. 2018. № 11. С. 28–35. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28115.
14. Мажорина М. В. О коллизии права и «неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // Lex Russica. 2019. № 7. С. 93–107.
15. Мажорина М. В. Трансграничные договорные обязательства: проблема правовой квалификации // Право. Журнал высшей школы экономики. 2016. № 2. С. 143–157.
16. Мажорина М. В., Терентьева Л. В., Шахназаров Б. А. Международное частное право в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 161–189.

17. Мамаева Н. В. Смарт-контракты и их особенности // Наука и образование сегодня. 2018. № 2 (25). С. 6–7.
18. Новикова А. Н. Lex mercatoria как источник международного частного права // Научный диалог. 2013. № 12 (24). С. 59–63.
19. Оксютич Н. В. Принципы международного частного права: вопросы доктринального определения и нормативного закрепления // Журнал международного права и международных отношений. 2018. № 1–2 (84–85). С. 13–17.
20. Перцева С. Ю. Криптоиндустрия и платежные системы // Государственный советник. 2019. № 2. С. 58–63.
21. Пономаренко В. Е. Мировой опыт внедрения технологии распределенного реестра в платежной индустрии // Юридическая наука. 2017. № 5. С. 113–121.
22. Стригунова Д. П. Пределы действия принципа автономии воли сторон в правовом регулировании международных коммерческих договоров // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 47–51.
23. Стригунова Д. П. Реализация принципа автономии воли сторон в международных коммерческих договорах // Современное право. М. : Новый Индекс, 2014. № 4. С. 153–158.
24. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.
25. Толочко О. Н. Принципы международного частного права // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2001. № 2. URL: <http://evolutio.info/ru/journal-menu/2001-2/2001-2-tolochko>.
26. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/.
27. Sherman Voshmgir Token Economy: How the Web 3 reinvents the Internet (English) Taschenbuch – 5. Juni 2020 // URL: <https://blockchainhub.net/blog/blog/token-economy-book-shermin-voshmgir/>.

*Александрова Н. С.¹,
аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградского института
управления – филиала РАНХиГС*

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ С ЦИФРОВЫМИ ФИНАНСОВЫМИ АКТИВАМИ

1 января 2021 г. вступил в силу один из самых обсуждаемых и неоднозначных нормативных правовых актов Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [2]. Термин «цифровой финансовый актив» (далее – ЦФА) не употреблялся в юридической литературе до момента принятия указанного закона и явился новым для дискуссии относительно цифровых прав, что обуславливает актуальность вопроса. Закон называет ЦФА цифровыми правами, а именно: денежными требованиями, права по эмиссионным ценным бумагам, право участия в непубличных акционерных обществах. При этом осуществление названных возможно исключительно с помощью информационной системы на основе распределенного реестра. Несмотря на очевидную связь с расчетными средствами, законом предусматривается, что криптовалюта, являющаяся одним из воплощений ЦФА, имеет имущественную природу (признается имуществом) и не является денежной единицей. Объектом настоящей работы является правовая природа ЦФА, предметом исследования послужили труды отечественных цивилистов, а также нормативно-правовая база. Целью работы является анализ правовых норм, направленный на определение правовой природы ЦФА. Достижению цели служат диалектический метод, метод системного анализа.

Дискуссия об отнесении криптовалют, цифровых финансовых активов к уже известным категориям гражданского права либо о возможности выделения принципиально нового объекта гражданских прав, а также о сущности цифрового права вообще является весьма популярной в отечественной цивилистике. Следует отметить, что вопрос о наличии оснований полагать о появлении нового объекта гражданских прав схож с научной дискуссией почти тридцатилетней давности, на заре интеграции в деловой оборот безналичных расчетов. С появлением и распространением бездокументарных ценных бумаг некоторые авторы, придерживаясь консервативных взглядов, настаивали на отсутствии зависимости правового регулирования от формы выражения прав (имелись ввиду наличные и безналичные деньги, признаваемые вещами) [7]. Указанная точка зрения коррелировала с подходом сложноструктурной модели права собственности, предполагающим разновидности содержания этого права. В примере с безналичными деньгами клиент банка, имеющий на счету денежные средства, представлялся верховным собственником, а банк, в структуре счетов которого содержалась запись об этом праве, – подчиненным собственником [6, с. 123].

Им противостоял подход, предложенный, к примеру, В. Беловым [5], состоящий в концепции отсутствия оснований для признания бездокументарных

¹ © Александрова Н. С., 2021.

ценных бумаг и безналичных денежных средств объектом права собственности ввиду того, что представляют собой лишь запись об имущественных правах, содержащуюся в реестре третьего лица – банка. Приведенный спор соотносим с современными обсуждениями криптовалюты, фактически существующей лишь в виде записи в распределенном реестре, созданном в информационной системе. Е. А. Суханов, Л. А. Новосёлова, критикуя концепцию сложноструктурированного права собственности и поддерживая первый из описанных подходов, отмечали, что после зачисления денежных средств на расчетный счет, вещное право трансформируется в обязательственное, при этом, переводя деньги в безналичную форму, право собственности прекращается ввиду отсутствия объекта [9, с. 37; 10].

Учитывая сегодняшнюю редакцию ст. 128 ГК РФ [1], наличные деньги являются самостоятельным объектом гражданских прав, в то время как безналичные – имущественными правами, относимыми к категории «иное имущество». Таким образом, законодатель отграничил безналичные деньги от вещей, придав им окрас обязательства.

Вернемся к ЦФА и криптовалюте. Нетрудно заметить схожесть споров относительно правовой природы указанных понятий. Как и в случае с безналичными денежными средствами, запись о денежном требовании (или об обязательстве), связанном с ЦФА, находится в реестре записей третьего лица – оператора информационной системы. Итак, ЦФА выражен в цифровых правах денежного требования, прав по эмиссионным бумагам либо правами участия в непубличных акционерных обществах. По мнению автора, не приходится говорить о применимости сложноструктурированного права собственности в отношениях между оператором информационной системы и (первым) обладателем ЦФА, исходя из редакции ст. 5 Федерального закона «О цифровых финансовых активах», предусматривающей администрирующую роль оператора информационной системы. Учитывая характер ЦФА на базе блокчейн, а именно наличие записей обо всех транзакциях, проведенных с ЦФА, в настоящее время сложно представить себе деятельность оператора по созданию капитала путем использования имеющихся в его владении активов (по аналогии с банковской деятельностью). По мнению автора, в конечном итоге, отношение с ЦФА сводится к обязательственному правоотношению. Говорить же о вещно-правовой природе ЦФА представляется затруднительным.

Думается, дискуссия о правовой природе ЦФА существенно осложняется отсутствием единого подхода к формированию категориального аппарата новелл гражданского законодательства. Разобщенность терминологии, посвященной цифровым правам, создает путаницу в толковании правовых норм, препятствует соотнесению вводимых понятий с существующими правовыми институтами. Так, в ст. 128 ГК РФ цифровые права упомянуты в перечне объектов гражданских прав после безналичных денежных средств и бездокументарных ценных бумаг, относясь к имущественным правам. Статья 141.1 ГК РФ, посвященная цифровым правам, также расположена после ст. 140, определяющей деньги либо валюту, а также ст. 141, характеризующей валютные ценности. Такое положение в системе правовых норм ГК РФ дает основание пола-

гать, что цифровые права тяготеют по своей правовой природе к понятию денег и ценных бумаг. При этом понятия цифровых прав ГК РФ не содержит, однако характеризует их как «обязательственные или иные права».

Учитывая, что обязательственные права в известном смысле конкурируют с вещными, такая характеристика неизбежно влечет за собой проблему в определении природы цифровых прав.

Далее, в Федеральном законе от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] приводится характеристика утилитарных цифровых прав (права требовать передачи вещи, исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выполнения работ либо оказания услуг). При этом утилитарными перечисленные права признаются лишь в случае изначального возникновения в качестве цифровых прав на основании договора с инвестиционной платформой. Как замечает Е. Н. Агibalова, все три разновидности утилитарных цифровых прав (право требовать передачи вещи, исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выполнения работы или оказания услуг) являются разновидностью обязательственных прав [4].

Более-менее определенно можно высказаться на тему формы существования цифрового права – оно всегда зафиксировано на электронной платформе (инвестиционной либо информационной системе). Такие положения содержатся и в ст. 141.1 ГК РФ, и в Федеральном законе о цифровых финансовых активах, и в Федеральном законе, посвященном инвестиционным платформам. Однако представляется, что названный критерий является слишком обобщенным и ясности не вносит.

Как справедливо замечают Т. В. Дерюгина, В. Ф. Борисова [8], доступность информации в эпоху современности значительно влияет на жизнь общества, поскольку информационные технологии задействованы во всех сферах государства, от социальных вопросов до вопросов безопасности. Внесение ясности в категориальный аппарат института цифровых, разрешение вопроса о его правовой природе являются важнейшими задачами, разрешение которых позволит эффективное администрирование указанных сфер государственного администрирования.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 5018.
3. Федеральном законе от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 31. Ст. 4418.

4. Агибалова Е. Н. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-v-sisteme-obektov-grazhdanskih-prav>.
5. Белов В. А. Юридическая природа «бездokumentарных ценных бумаг» и «безналичных денежных средств» // Рынок ценных бумаг. 1997. № 5.
6. Венедиктов А. В. Правовая природа государственных предприятий. М., 1928.
7. Демушкина Е. Безналичные ценные бумаги – фикция или реальность? // Рынок ценных бумаг. 1996. С. 18–20.
8. Дерюгина Т. В., Борисова В. Ф. Информационная Россия 2019: стратегия формирования правовых механизмов создания национальной цифровой экосистемы // Legal Concept. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-rossiya-2019-strategiya-formirovaniya-pravovyh-mehanizmov-sozdaniya-natsionalnoy-tsifrovoy-ekosistemy>.
9. Новоселова Л. А. Денежные расчеты в предпринимательской деятельности. М., 1996.
10. Суханов Е. А. Заем и кредит. Финансирование под уступку денежного требования. Банковский вклад. Банковский счет // Хозяйство и право. 1996. № 7. С. 21–22.

*Анохин С. А.¹,
доцент кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ВНЕДОГОВОРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ

Возникновение права собственности на землю из актов органов государственной власти и местного самоуправления является одним из наиболее распространенных внедоговорных оснований возникновения прав на землю.

Данное основание имеет ряд отличий от договора и иных оснований. Главным отличием является наличие у одного из субъектов властных полномочий по отношению к другим субъектам. Еще одно отличие связано с отсутствием согласованности воли субъектов. И последнее отличие заключается в том, что возможность участия определенных категорий субъектов в таких правоотношениях предопределяется нормами права. Именно эти отличия позволяют выделить правоотношения, возникающие из актов органов государственной власти и местного самоуправления в особую группу – административные основания получения земельных участков на праве собственности [1, с. 169].

В настоящее время приобретение права собственности на земельный участок описанным выше способом осложнено признанием права публичной собственности на нее, в условиях которой не может быть ничейной земли. В связи с таким признанием акт чистого завладения не имеет юридического значения для приобретения права частной собственности на землю. Поэтому приобретение права частной собственности на нее всегда происходит в рамках некоторого юридического состава.

Завладение само по себе часто выступает элементом данного юридического состава и образует отдельную группу оснований приобретения права собственности на земельные участки. К этой группе относятся такие основания приобретения права собственности, как приобретательная давность (ст. 234 ГК РФ), приобретение права собственности на земельный участок собственником недвижимости, находящейся на этом земельном участке, в случаях и порядке, установленных законом (ст.ст. 271–272 ГК РФ), приобретение права собственности на земельный участок добросовестным приобретателем (п. 2 ст. 223 ГК РФ) [2, с. 112].

К способу приобретения права собственности, связанному с завладением, целесообразно отнести приобретение права муниципальной собственности на бесхозяйную недвижимую вещь (пп. 3–4 ст. 225 ГК РФ). Данный способ приобретения права собственности, не вписывается в общую логику построения законодательства о приобретении и прекращении права собственности. Статья 225 ГК расположена в главе 14 ГК РФ, посвященной приобретению права соб-

¹ © Анохин С. А., 2021.

ственности, при этом она, в отличие от всех остальных способов приобретения права собственности, касается приобретения права публичной собственности, а именно муниципальной собственности на земельные участки. Действующий ГК РФ связывает приобретение права собственности с приобретением именно частной собственности, а прекращение права собственности в отношении земельных участков – с приобретением публичной собственности на них (прекращением права частной собственности). Таким образом, положения пп. 3–4 ст. 225 ГК РФ должны были бы располагаться в гл. 15 ГК РФ и формулироваться как основания прекращения частной собственности на земельные участки (недвижимое имущество).

Длительное отсутствие собственника на земельном участке приводит к ухудшению состояния последнего, а также в крайних случаях к невозможности использования этого участка по назначению. Именно для таких случаев в том числе, видимо, и существует институт приобретательной давности [3, с. 39]. На место отсутствующего собственника приходит владелец, имеющий намерение пользоваться земельным участком. В итоге происходит достижение публичного интереса, состоящего в необходимости в вовлеченности как можно большего числа земельных участков в экономический оборот.

Предоставление земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в собственность граждан и юридических лиц осуществляется за плату или бесплатно в случаях, предусмотренных Земельным кодексом, федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации [4, с. 35].

Иностранцам, гражданам, лицам без гражданства и иностранным юридическим лицам земельные участки предоставляются в собственность только за плату, размер которой устанавливается Земельным Кодексом.

Предметом торгов (конкурсов, аукционов) может быть земельный участок с установленными границами:

- в качестве продавца – исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления;
- в качестве организатора торгов (конкурсов, аукционов) – собственник или действующая на основании договора с ним специализированная организация.

Собственник земельного участка определяет форму проведения торгов (конкурсов, аукционов), начальную цену предмета торгов (конкурсов, аукционов) и сумму задатка.

Не могут быть переданы в частную собственность (приватизированы) земельные участки (п. 2 ст. 27 ЗК РФ):

- отнесенные к землям, изъятым из оборота;
- отнесенные к ограниченным в обороте, не предоставляются в частную собственность, за исключением случаев, установленных федеральными законами;
- земельные участки, изъятые из оборота;
- земельные участки, ограниченные в обороте.

Граждане, имеющие трех и более детей, имеют право приобрести бесплатно, в том числе для индивидуального жилищного строительства, без торгов и предва-

рительного согласования мест размещения объектов находящиеся в государственной или муниципальной собственности земельные участки в случаях и в порядке, которые установлены законами субъектов Российской Федерации [7, с. 5].

Не допускается отказ в предоставлении в собственность граждан и юридических лиц земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, за исключением случаев:

- изъятия земельных участков из оборота;
- установленного федеральным законом запрета на приватизацию земельных участков;
- резервирования земель для государственных или муниципальных нужд.

Не допускается отказ в предоставлении в собственность граждан и юридических лиц земельных участков, ограниченных в обороте и находящихся в государственной или муниципальной собственности, если федеральным законом разрешено предоставлять их в собственность граждан и юридических лиц.

Предоставление гражданам и юридическим лицам земельных участков из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, осуществляется на основании решения исполнительных органов государственной власти или органов местного самоуправления, обладающих правом предоставления соответствующих земельных участков в пределах их компетенции.

Предоставление земельных участков на основании решения органа государственной власти или местного самоуправления может осуществляться для строительства, а также для иных целей, не связанных со строительством. Также по решению названных органов земельные участки предоставляются собственникам объектов недвижимости, расположенных на этих участках.

Одной из важнейших стадий предоставления земельного участка является проведение государственного кадастрового учета. Государственный кадастровый учет земельных участков – это описание и индивидуализация в Едином государственном реестре земель (далее – ЕГРЗ) земельных участков, в результате чего каждый земельный участок получает такие характеристики, которые позволяют однозначно выделить его из других земельных участков и осуществить его качественную и экономическую оценки. Кадастровый учет осуществляется за счет заинтересованных физических и юридических лиц земельными кадастровыми палатами, создаваемыми в субъектах Российской Федерации.

Для проведения кадастрового учета земельного участка заинтересованные лица подают в Земельную Кадастровую палату субъекта Российской Федерации по месту нахождения земельного участка заявку о проведении кадастрового учета, правоустанавливающие документы и документы о межевании земельного участка [5, с. 143].

Процедура государственного кадастрового учета включает в себя проверку представленных документов, составление описания земельного участка в ЕГРЗ, присвоении ему индивидуального кадастрового номера, изготовление кадастровой карты (плана) земельного участка и формирование кадастрового дела.

Моментом внесения соответствующей записи в ЕГРЗ процедура формирования земельного участка заканчивается. С этого времени земельный участок

считается возникшим как объект недвижимости, и в дальнейшем он может быть предоставлен гражданам и юридическим лицам в собственность или на ином праве.

Предоставление земельных участков для целей, не связанных со строительством объектов недвижимости, осуществляется на основании заявления, подаваемого гражданином или юридическим лицом, в исполнительный орган государственной власти или местного самоуправления. Закон предусматривает для таких случаев упрощенный порядок предоставления земельного участка [6, с. 37].

Граждане, имеющие в пожизненном наследуемом владении или в постоянном (бессрочном) пользовании земельные участки, имеют право однократно бесплатно переоформить эти участки в собственность.

Для указанных случаев установлен упрощенный порядок переоформления, состоящий из следующих юридических фактов: подача заявления, принятие органом государственной власти или местного самоуправления в двухнедельный срок решения, государственная регистрация права собственности.

Библиографический список

1. Багаев В. А. Значение добросовестности владения для приобретательной давности // Закон. 2013. № 12. С. 163–174.
2. Бетхер В. А. Самовольное создание и изменение объектов недвижимости в Российской Федерации (гражданско-правовой аспект) : монография. М. : Юстицинформ, 2017.
3. Иванов А. А. О презумпции права государственной собственности на землю в России // Закон. 2016. № 6. С. 35–41.
4. Тоточенко Д. А. О признании права собственности на земельные участки в силу приобретательной давности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 8. С. 32–39.
5. Жмурко С. Е. Земельные участки и строения: вступление в права владения. М. : Редакция «Российской газеты», 2019. Вып. 10.
6. Зобова Е. П. О расходах на приобретение права на земельные участки // Налог на прибыль: учет доходов и расходов. 2019. № 8. С. 36–43.
7. Барбашова Т. П., Майстренко А. Г. Земля как социальное благо для многодетной семьи // Семейное и жилищное право. 2017. № 6. С. 4–7.

Арзуманян Д. А.¹,

консультант нотариальной конторы г. Москвы

АДВОКАТСКИЙ КОНТРОЛЬ ЗА ВОЗМОЖНЫМИ ОШИБКАМИ НОТАРИУСА ПРИ ПРОВЕРКЕ ЗАКОННОСТИ НОТАРИАЛЬНО УДОСТОВЕРЯЕМОЙ СДЕЛКИ

Наиболее сложным нотариальным действием с точки зрения законодательного регулирования является удостоверение сделок. Процедура нотариального удостоверения сделок в юридической науке понимается уже – говоря об удостоверении уполномоченным органом гражданско-правовых сделок.

Законодательством определен перечень субъектов, имеющих право удостоверить сделки. К ним относятся нотариусы и должностные лица консульских учреждений (в случае нахождения объектам правоотношений за пределами Российской Федерации).

Рассматривая сущность нотариального действия по удостоверению сделки, следует отметить, что нотариус осуществляет проверку и правовой анализ документов, которые предоставляются ему в рамках совершения нотариального действия сторонами. Заявители не вправе препятствовать нотариусу в реализации императивных предписаний норм закона.

При определении участия адвоката в процедуре нотариального удостоверения договора, мы будем понимать его в качестве лица, оказывающего квалифицированную юридическую помощь и действующего от имени своего доверителя, являющегося стороной сделки. Адвокатский контроль будет заключаться в проверке соблюдения нотариусом обязательных требований закона, в том числе касающихся сбора и анализа документов по сделке [3, с. 246].

На наш взгляд, следует выделить следующие организационные меры, которые обязательно должны быть осуществлены нотариусом, и наличие которых может проверить адвокат, как представитель своего доверителя.

Нотариус устанавливает личность гражданина по документу, удостоверяющему личность и его возраст. В случае возникновения сомнений в дееспособности, нотариусом задаются некоторое количество общих вопросов, например, о месте рождении, а также конкретные вопросы – о каком нотариальном действии ходатайствует заявитель. Нотариус внешне осматривает заявителя, удостоверяется в отсутствии алкогольного опьянения, имеется ли логика в изложении мыслей.

Нами предлагается внести изменения в Основы законодательства о нотариате, расширяющие полномочия нотариуса в сфере назначения официальной психиатрической экспертизы.

Самым распространенным случаем оспаривания завещаний заинтересованными сторонами является обоснование, что завещатель не понимал характера и последствий совершаемого действия. После судом назначается посмертная экспертиза, которая значительно растягивает судебный процесс. Для решения вопроса разгрузки судов, нами предлагается возможность назначения психиатрической экспертизы по постановлению нотариуса.

¹ © Арзуманян Д. А., 2021.

Далее рассмотрим вопрос о процедуре, проводимой нотариусом перед совершением нотариального действия. Основной вопрос состоит в установлении правоспособности и дееспособности заявителя.

Нотариус устанавливает дееспособность лица по результатам личной беседы. В случае возникновения сомнений о понимании лицом значения своих действий, нотариус обязан отложить совершение нотариального действия и выяснить о наличии судебного решения о признании лица недееспособным.

Законодатель возложил полномочия по внесению и хранению перечня недееспособных лиц на Федеральную службу регистрации, кадастра и картографии (далее – Росреестр).

Нотариус оформляет запрос в отношении конкретного лица и направляет ее в Росреестр. Форма запроса может быть как на бумажном носителе, так и в электронной форме путем отправки в рамках межведомственного взаимодействия через систему ЕИС. В первом случае сведения предоставляются в течение 3 рабочих дней, а во втором – не позднее следующего рабочего дня.

Первым этапом проверки законности сделки является установление нотариусом личности лиц, установление их дееспособности и проверка правоспособности юридических лиц – участников сделки, а также полномочия их представителей.

Нотариус удостоверяет сделку только при личном присутствии стороны или его доверенного лица.

К установлению личности Регламент совершения нотариальных действий относит определение фамилии, имени и отчества, даты и места рождения. Для его установления нотариус может использовать документы, которые исключают возникновение любых сомнений в отношении конкретного лица.

Обращаясь за оказанием квалифицированной юридической помощи к адвокатам, доверители могут ходатайствовать о составлении проекта различных договоров. И возникает логичный вопрос: зачем удостоверять договор, составленный адвокатом и не требующий обязательной нотариальной формы?

Можем выделить следующие преимущества нотариального удостоверения:

1. Особая доказательственная сила нотариального акта.

Принцип одного окна при заключении сделок с недвижимостью.

- получение нотариусом выписки из ЕГРН до сделки;
- подача нотариусом документов государственную регистрацию в электронном виде (бесплатно);
- получение у нотариуса выписки, подтверждающей произведенную государственную регистрацию.

2. Возможность использования публичного депозитного счета нотариуса при расчетах по сделке за невысокий фиксированный тариф.

3. Возможность в дальнейшем прибегнуть к исполнительной надписи нотариуса для взыскания задолженности, истребования имущества или обращения взыскания на заложенное имущество.

4. Возможность узнать позицию коллеги и разделить с ним ответственность за сделку.

Реализация обязанности нотариуса по проверке законности сделки имеет фундаментальное значение в вопросах придания повышенной доказательственной силы нотариального акта и предотвращения возникновения судебных споров в будущем.

Нотариальное удостоверение сделок по объему предоставленных сторонам гарантий намного выше тех гарантий, которые предоставляются государственным регистратором при заключении договора в простой письменной форме.

Установление личности лица нотариусом практически исключает возможность совершения сделки под чужим именем и устраняет вероятность заблуждения в тождественности личности стороны по сделке.

Информация о сторонах, предмете сделки и иных юридически значимых обстоятельствах первоначально собирается адвокатом, в качестве представителя лица, после чего предоставляется в подлинниках нотариусу для совершения нотариального действия.

Резюмируя вышесказанное, мы приходим к выводу, что распространенная практика составления договоров в простой письменной форме влечет за собой снижение уровня защиты имущественных прав и законных интересов участников сделки.

Диссертантом придерживается точка зрения, согласно которой в законодательство Российской Федерации должно быть возвращено обязательное нотариальное удостоверение сделок с объектами недвижимости.

Библиографический список

1. Вершинин А. П. Способы защиты гражданских прав в суде. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997.
2. Игнатов С. Д. Адвокатская деятельность и проблемы ее совершенствования в условиях судебно-правовой реформы. Ижевск, 2000.
3. Кашурин И. Н. Нотариат в правовой системе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. Наук : 12.00.01. М., 2005.
4. Рагулин А. В. Организация деятельности адвоката-защитника: совершенствование регламентации и реализации профессиональных прав : монография. М., Юрлитинформ, 2013.
5. Шагиев Б. В. Нотариат и адвокатура как правозащитные органы России // Нотариус. 2012. № 5.

Ахмедова З. Т.¹,

студент Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС

Научный руководитель: Богданова Т. Д.,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС,

кандидат юридических наук

БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СУРРОГАТНЫХ ДЕТЕЙ

Суррогатное материнство как особый вид вспомогательных репродуктивных технологий наиболее остро ставит вопрос о происхождении суррогатных детей.

В соответствии с п. 4 ст. 51 Семейного кодекса Российской Федерации [5] (далее – СК РФ) супруги, давшие согласие на вынашивание ребенка суррогатной матерью, могут быть записаны родителями такого ребенка только с согласия суррогатной матери. Согласно п. 1 ст. 48 СК РФ происхождение ребенка от матери (материнство) основывается на факте рождения его женщиной независимо от наличия генетического родства между ними.

Анализируя оба абзаца п. 4 ст. 51 СК РФ, можно проследить интересную особенность. Женщина и мужчина без каких-либо предварительных условий могут приобрести родительские права на ребенка, зачатого с использованием донорского материала, но рожденного в результате экстракорпорального оплодотворения, однако не могут беспрепятственно стать родителями ребенка, генетически связанного с ними, но рожденного суррогатной матерью.

Считаем, что сложившееся правовое регулирование вопроса об установлении происхождения суррогатного ребенка не отвечает интересам самого ребенка и потенциальных родителей.

В соответствии со ст. 38 Конституции Российской Федерации [3] материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции Российской Федерации). Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц. Считаем, что требование о наличии согласия суррогатной матери при записи мужчины и женщины родителями ребенка не может быть квалифицировано как соразмерное ограничение, направленное на защиту прав и законных интересов других лиц, поскольку в таком случае обеспечивается защита прав и законных интересов суррогатной матери в ущерб интересам потенциальных родителей и родившегося ребенка.

Законодателю следует учитывать, что при суррогатном материнстве необходимо установить баланс интересов: между заказчиками услуг суррогатного материнства и суррогатной матерью; между ребенком и суррогатной матерью. В рамках настоящей статьи предпримем попытку сбалансировать интересы всех участников суррогатного материнства.

¹ © Ахмедова З. Т., 2021.

Наиболее близкой для автора является правовое регулирование рассматриваемого вопроса в Греции, где сложился наиболее прогрессивный режим суррогатного материнства. В Законе Греции № 3089/2002 о медицинской помощи человеку в репродукции установлена обязанность суррогатной матери передать ребенка родителям сразу после рождения. В случае, если она отказывается передать ребенка, родители вправе принудить ее в судебном порядке. Одновременно законная мать вправе потребовать компенсацию в связи с нарушением условий договора суррогатного материнства [7].

Вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой методы лечения бесплодия. Отечественный законодатель, принимая сторону суррогатной матери, фактически меняет сущность и предназначение суррогатного материнства. В таком случае суррогатное материнство представляет собой соглашение, согласно которому суррогатная мать должна родить ребенка с использованием половых клеток другой стороны соглашения и становится его матерью, если не примет решения о передаче его другой стороне. Автор намеренно не называет другую сторону, поскольку и заказчиками, и потенциальными родителями их назвать нельзя.

А. П. Кокорин в качестве основной причины приоритета интересов суррогатной матери в вопросе установления родительских прав является возникновение у суррогатной матери в отношении родившегося ребенка материнских чувств [1].

А как же материнские чувства женщины, которая прибегла к услугам суррогатной матери и находится в ожидании долгожданного ребенка?

Считаем, что материнские чувства суррогатной матери являются первичными и недолговечными. Спустя некоторое время после родов суррогатная мать может осознать, что ребенок по отношению к ней и ее семье является генетически чужим и у нее возникнет иное отношение к нему по сравнению с ее родным ребенком.

Отправной точкой суррогатного материнства является желание мужчины и женщины стать родителями путем излечения от бесплодия. Однако при сложившемся правовом регулировании получаем, что «выздоровление» мужчины и женщины, которые страдают бесплодием, зависит от желания суррогатной матери. Нельзя забывать, что суррогатная мать уже является матерью как минимум одного ребенка, а для мужчины и женщины, страдающими бесплодием, суррогатное материнство является последним шансом стать родителями собственного ребенка. Это обстоятельство может стать причиной разлада между бесплодными мужчиной и женщиной. Подобной позиции придерживается И. А. Михайлова, которая в качестве одного из неблагоприятных последствий отказа суррогатной матери передать родительские права биологическим родителям называет прекращение брака [4, с. 12–15]. Сохранение за суррогатной матерью, у которой есть супруг, права на запись себя матерью ребенка тоже может стать причиной расторжения брака, поскольку мужчина может быть против принятия такого ребенка в семью.

Учитывая все изложенное, в вопросе установления родительских прав в отношении суррогатного ребенка перевес идет в сторону мужчины и женщины, использующих последний шанс стать родителями собственного ребенка.

Интересы ребенка в правовой системе любого государства играют особое значение в правоотношениях с участием детей. В соответствии со ст. 3 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. [2] во всех действиях в отношении детей независимо от того, кем они предпринимаются в первоочередном порядке должно уделяться внимание наилучшему обеспечению интересов ребенка.

Особенностью суррогатного материнства является то, что ребенок находится за пределами отношений, складывающихся между потенциальными родителями и суррогатной матерью, но его интересы непосредственно затрагиваются этими отношениями. Правило о зависимости родительских прав мужчины и женщины на ребенка от согласия суррогатной матери нарушает права ребенка международного и национального характера.

В соответствии с ранее упомянутой конвенцией ребенок вправе, насколько это возможно, знать своих родителей, а также имеет право на их заботу. Сходное положение закреплено в действующем семейном кодексе.

В соответствии со ст. 54 СК РФ каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, право на совместное проживание с родителями, за исключением случаев, когда это не отвечает его интересам.

Однако, если суррогатная мать записывает себя в качестве родителя ребенка, то последний лишается возможности реализовать в полной мере вышеуказанные права. Во-первых, ребенок не будет знать генетически родных ему родителей. Во-вторых, зачастую суррогатными матерями становятся одинокие женщины, следовательно, ребенок лишается возможности расти и воспитываться в полной семье.

Считаем, что ребенок, рожденный суррогатной матерью, должен восприниматься как ребенок мужчины и женщины, которые вынуждены прибегнуть к этому методу лечения бесплодия. Если такие мужчина и женщина не хотят быть записаны родителями ребенка, то он не должен автоматический переходить в руки суррогатной матери. Совсем иную позицию отстаивает Е. Р. Сухарева, которая считает, что в законе должно быть закреплено право суррогатной матери на приобретение родительских прав в отношении ребенка только после отказа биологических родителей от него [6, с. 155–160]. Считаем, что такой отказ должен быть оформлен в общем установленном законом порядке и суррогатная мать вправе приобрести родительские права в отношении этого ребенка лишь после прохождения процедуры усыновления.

На основании вышеизложенного предлагаем пересмотреть содержание п. 1 ст. 48 и абз. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ, изложив их в следующей редакции.

Пункт 1 ст. 48 СК РФ: «Происхождение ребенка от матери (материнство) устанавливается на основании документов, подтверждающих рождение ребенка матерью в медицинской организации, а в случае рождения ребенка вне медицинской организации на основании медицинских документов, свидетельских показаний или на основании иных доказательств, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом».

Абзац 2 п. 4 ст. 51 СК РФ: «Лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, записываются его родителями в книге записей рождений».

Именно при таком регулировании автор считает, что будет достигнут баланс интересов бесплодных мужчины и женщины, суррогатной матери и ребенка. Следует не забывать, что основная роль, отведенная суррогатной матери, – оказание помощи мужчине и женщине, имеющим бесплодие, стать родителями собственного ребенка.

Библиографический список

1. Кокорин А. П. Правовая природа отношений между суррогатной матерью и рожденным ею ребенком // Медицинское право. 2012. № 5.
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Выпуск XLVI.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
4. Михайлова И. А. Законодательство, регламентирующее установление происхождения детей, нуждается в корректировке // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. № 2. С. 12–15.
5. Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ «Семейный кодекс Российской Федерации» (ред. от 06.02.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
6. Сухарева Е. Р. Проблемы правового регулирования происхождения ребенка в условиях применения репродуктивных технологий: реалии времени и христианские ценности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2018. № 1. С. 155–160. URL: <https://e-lanbook-com.ezproxy.-ru:2443/journal/issue/307351>.
7. Brunet L., D. King A Comparative Study on the Regime of Surrogacy in EU Member States, Policy Department C: Citizens' Rights and Constitutional Affairs. 2013. P. 290–291. URL: <http://europarl.europa.eu/studies>.

*Гук В. А.¹,
доцент кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Физические лица как субъекты гражданских правоотношений наряду с юридическими лицами обладают рядом специфических признаков, обеспечивающих их идентификацию в имущественном обороте (гл. 3 ГК РФ). Индивидуализация гражданина – это совокупность правовых средств, позволяющих отличать одного гражданина-участника гражданских правоотношений – от другого [1, с. 9]. При этом индивидуализация гражданина как участника гражданских правоотношений является проявлением естественных особенностей личности с точки зрения правовой системы любого государства.

В условиях современной цифровой экспансии в гражданском обороте появляется необходимость в защите неимущественных прав субъектов, участвующих в гражданско-правовых обязательствах. Это связано, в первую очередь, с осуществлением тех или иных гражданских прав и исполнением обязанностей граждан в рамках функционирования информационной цифровой среды. Многоаспектность этого общественно-правового явления (цифровой среды) велика, она порождает с одной стороны проблемы правового регулирования уже осуществляемой деятельности субъектов гражданского права, к примеру, в предпринимательской сфере, с другой стороны формирование глобальной доктринальной концепции, формулирования сущности ее элементов как гражданско-правовых институтов, присутствующих в цифровом пространстве и упорядочению системы прав, реализуемых участниками гражданских правоотношений в этой среде.

При этом персональные данные как правовой институт регулируется нормами публичного права, гражданско-правовому регулированию согласно нормам ГК РФ фактически подлежат служебная и коммерческая тайна (ст. 139 ГК РФ), а также личная и семейная тайна (ст. 150 ГК РФ). Однако идентификация личности в цифровом пространстве связана с охраной ее личных нематериальных благ.

В настоящее время в связи с процессом цифровизации различных областей имущественного оборота законодателем уже принят ряд значительных новелл законодательства, касающихся объектов гражданских прав, особенностей заключения сделок с помощью электронных и технических средств, цифровых активов и пр.

В этой связи хотелось бы заметить, что правоспособность лица, являясь абстрактной предпосылкой, основой реализации гражданских прав и обязанно-

¹ © Гук В. А., 2021.

стей позволяет нам предположить, что цифровые права личности, в широком смысле слова, как совокупность возможностей пользования цифровыми инструментами (например, онлайн-сервисами, внутри которых возможно использование алгоритмов систем искусственного интеллекта) являются еще одним правомочием субъекта права. При этом физическое лицо, действуя в виртуальном пространстве, не приобретает качества лица фикции, а лишь реализует одно из возможных правомочий, гарантированных ст. 18 ГК РФ.

В 2019 г. законодатель внес изменения в п. 1 ст. 141.1 ГК РФ, в котором обозначил цифровые права как названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Эти права отнесены законодателем к виду имущественных прав, следовательно, они могут удовлетворять имущественный интерес субъектов гражданских правоотношений. Подобная «осторожная» трактовка цифровых прав предположительно связана с отсутствием системного подхода к классификации элементов этой новой правовой категории.

Однако, на наш взгляд, основополагающим аспектом является вопрос охраны и защиты нематериальных благ, а именно совокупности персональных данных физического лица, как носителя гражданских прав и обязанностей.

Важной задачей государства является защита персональных данных физических лиц при реализации ими субъективных прав в условиях цифрового взаимодействия субъектов, например, заключении гражданско-правовых сделок в информационной телекоммуникационной сети Интернет (далее – ИТКС).

Согласно нормам действующего законодательства персональные данные это – любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) [3]. 1 марта 2021 г. вступившие в силу изменения в данный Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» установили новое понятие «персональные данные, разрешенные для распространения» [4]. Данное нововведение позволяет ограничить неконтролируемое использование персональных данных, размещенных на сайтах и в других открытых источниках. Это, безусловно, поможет снизить количество нарушений прав лиц, которые предоставляли такие данные другому субъекту. В связи с этим для обработки персональных данных, разрешенных для распространения, нужно получать отдельное согласие лица, предоставившего такие данные. Однако открытым остается вопрос о выборе способов обработки персональных данных конкретного субъекта персональных данных. В действительности, определить, как онлайн-сервисы производят обработку персональных данных непросто, поскольку выбор этих способов для клиента не конкретизирован. Соответственно, при заключении гражданско-правовых сделок лицо вынуждено согласиться на обработку своих персональных данных, предполагая высокий уровень защиты таковых, исходя из правового интереса к предмету сделки (например, розничной купли-продажи). Иными словами, уровень приватности в той или иной системе не стабильно одинаковый, а в каждом конкретном случае специфичный, например виды персональных данных и способы их обработки при онлайн заказе продуктов пита-

ния посредством ИТКС Интернет с использованием геолокации, отличны от персональных данных, которые предоставляет субъект при заключении договора возмездного оказания финансовых услуг в той же сети.

На наш взгляд, решение подобных проблем следует решать путем конкретизации видов персональных данных и контроля за деятельностью субъекта, который обязан в соответствии с законом обрабатывать персональные данные участников имущественного оборота.

При осуществлении гражданско-правовых действий в цифровой среде субъекты правоотношений так или иначе проходят идентификацию в рамках конкретного правоотношения, при этом персональные данные не обозначены законодателем как объект гражданских прав, хотя, по сути, некоторые виды информации о лице, например, имя гражданина (возможно использование нарушителем имени добросовестного лица) охраняются нормами ГК РФ как нематериальные блага.

Позиция судов по вопросу выбора между гражданским и административным судопроизводством в связи с неоднозначностью формулировки законодательства в связи с защитой прав субъектов персональных данных представляется противоречивой.

Верховный Суд Российской Федерации опубликовал определение от 14 июля 2020 г. № 58-КГ20-2, в котором разъяснил, что Роскомнадзор вправе обращаться в суд с исковыми заявлениями в защиту прав субъектов персональных данных, в том числе прав неопределенного круга лиц, и представлять интересы этих субъектов в суде.

В определении ВС РФ указано, что согласно ч. 6.1 ст. 29 ГПК РФ иски о защите прав субъекта персональных данных, включая возмещение убытков и (или) компенсацию морального вреда, могут предъявляться также в суд по месту жительства истца. «Анализ вышеприведенных положений законодательных актов позволяет сделать вывод о том, что иски о защите прав субъекта персональных данных подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, что прямо следует из ч. 6.1 ст. 29 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [1].

Подводя итог, следует отметить, что ГК РФ содержит ряд базовых статей, гарантирующих защиту личных неимущественных прав граждан [2], однако, если учесть объемы данных о лице, которые возможно аккумулировать и обрабатывать с помощью современных технологий искусственного интеллекта, думается, что формирование отдельного нормативно-правового акта, содержащего нормы по информационной безопасности субъектов гражданского права, принесет значительную пользу.

Библиографический список

1. Верховный Суд Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1901166.
2. Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.

3. Кириченко О. В., Долганова И. В., Накушнова Е. В. Граждане как субъекты гражданских правоотношений: учебно-методическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2018.

4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/.

6. Чеговадзе Л. А., Куприянова А. А. Квалификация договора: право сторон или обязанность суда? // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 165–168.

Денисова О. В.¹,

аспирант Волгоградского государственного университета

ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, ЛИЦ ИЗ ЧИСЛА ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Актуальность темы обусловлена потребностью в разработке новых и совершенствовании действующих моделей правового регулирования в области защиты имущественных прав и интересов детей. Это имеет значение для социального развития государства, надлежащей реализации гражданских прав и свобод.

Много веков складывались и использовались юридические конструкции необходимые для обеспечения защиты прав и интересов граждан, не имеющих возможность самостоятельно участвовать в гражданском обороте и осуществлять свои права [6, с. 16].

В течение последних лет продолжается реализация широкого комплекса мер, направленных на защиту и поддержку детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Государственная политика в отношении детей направлена: на максимально возможное, в рамках имеющихся ресурсов, сохранение базовых гарантий обеспечения их жизнедеятельности и развития, минимизацию потерь в уровне жизни; создание новых механизмов профилактики и социальной реабилитации детей в условиях возникновения новых социальных рисков; законодательное обеспечение прав детей. С целью реализации государственной политики в отношении прав и интересов несовершеннолетних определяются и внедряются в жизнь стратегии, ориентированные на разные категории детей.

Государство устанавливает и нормативно закрепляет перечень гарантий с целью защиты прав и интересов детей. **Целью** работы является проведение анализа законодательства в области защиты прав и жилищных интересов данной категории граждан, выявления пробелов в законодательстве и сложностей реализации на практике. Для ее достижения необходимо решить научные **задачи**: 1) выявить способы защиты имущественных прав и интересов детей; 2) исследовать роль гражданского права в регулировании защиты имущественных прав несовершеннолетних; 3) определить проблемы в изучаемой области и предложить пути их разрешения.

В системе права принято считать, что семья является высшей ценностью для развития общества, именно при правильном восприятии семейных ценностей формируется здоровое общество и воспитывается достойное поколение. В случаях, когда ребенок лишается воспитания в кровных семьях, государство берет заботу о нем с целью замены семейного воспитания и защиты его прав и интересов.

Основная обязанность по защите и реализации имущественных прав несовершеннолетних возлагается на его родителей или лиц их заменяющих. Следовательно, осуществление прав несовершеннолетних зависит от надлежащего исполнения обязанностей законными представителями [9, с. 39].

¹ © Денисова О. В., 2021.

В настоящее время в обыденной речи и в теоретических исследованиях широко используются следующие понятия: сирота (сиротство) и дети, оставшиеся без попечения родителей.

Дети-сироты – это лица в возрасте от 0 до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель.

Дети, оставшиеся без попечения родителей, – это лица в возрасте от 0 до 18 лет, родители или единственный родитель которых лишены или ограничены в родительских правах, признаны судом недееспособными, отбывают наказание в местах лишения свободы или уклоняются от воспитания детей.

Лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, – это лица от 18 до 23 лет, которые до 18 лет включительно относились к категориям детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Рассматривая защиту имущественных прав детей, необходимо обратить внимание на разделение имущественных прав на имущественные, т. е. возникающие по поводу имущества, и неимущественные, лишенные экономического содержания. Такая классификация имеет практическую ценность прежде всего для уяснения особенностей механизмов защиты того или иного вида гражданских прав.

Имущественными правами обладают не только совершеннолетние, но и несовершеннолетние. Если в прошлые столетия они рассматривались как будущие члены общества и лишь как объекты воспитательного воздействия, то сегодня дети признаются равноправными обладателями субъективных прав. Однако имущественные права ребенка отличаются от таких же прав взрослого человека, так как ребенок в силу своей незащищенности, обусловленной полной или частичной физической, психической, социальной незрелостью, не может жить самостоятельно, сам себя обеспечивать, заботиться о себе. Ребенок не способен действовать осмысленно и ответственно. Поэтому на законных представителей возлагается охрана, защита, а также в известной мере реализация прав и интересов несовершеннолетнего, включая имущественные [3, с. 52].

Отдельного вопроса заслуживает охрана и защита жилищных прав детей и лиц из числа детей, для подробного изучения данного вопроса обратимся к понятию термина «охрана» в работах цивилистов.

Встречаются работы, когда термины «охрана» и «защита» употребляют как идентичные. Например, О. А. Снежко характеризует защиту как противодействие незаконным действиям, предотвращение нарушений, а также возмещение вреда [10, с. 58]. Такой подход сложно признать верным, так как противодействие и предотвращение нарушений являются охранительными мерами, а защита связана с восстановлением нарушенного права и возмещением вреда. В. А. Мусияка полагает, что охрана права существует лишь до правонарушения, а после него имеет место уже защита нарушенного права [7, с. 19]. На мой взгляд, и эта позиция неточна, поскольку и охранительные и защитительные меры могут применяться одновременно, по мере необходимости, что усиливает эффект гарантированности прав личности.

С. А. Шаронов отмечает правовое содержание «охраны» как совокупность: 1) действий, направленных на защиту объектов охраны; 2) лиц, осуществляющих эти действия, и лиц, в отношении которых совершаются действия; 3) мате-

риальных и нематериальных благ, по поводу которых возникают действия; 4) специальных способов и приемов осуществления действия; 5) законодательного оформления указанных элементов [13, с. 44]. Данное понятие термина «охрана», является наиболее точным и емким.

Соотнося понятие «охрана» и «защита» разных авторов, ученый говорит о том, что охрана – это фактические действия субъектов, направленные на защиту объектов от противоправных посягательств, осуществляемые при помощи правовых средств [15, с. 142]. Иными словами, понятие «охрана» является более широким чем понятие «защита» и имеет предупредительный, превентивный характер. Вместе с тем «защита» является составным элементом субъективного права, что нельзя сказать о термине «охрана».

Защита имущественных прав несовершеннолетних представляет собой целый комплекс правовых способов и средств, направленных на профилактику правонарушений, охрану и обеспечение прав и свобод.

Гражданскими разработаны различные подходы к определению понятия «форма защиты» как соответствующий порядок защиты прав и интересов несовершеннолетних, осуществляемый юрисдикционными органами федерального и регионального уровней.

Наиболее полным по своему содержанию имущественным правом, предусмотренным гражданским законодательством, является право собственности. В Конституции Российской Федерации закреплено право иметь в собственности и распоряжаться имуществом [4].

Важное значение имеет понимание категории «имущество». Г. Ф. Шершеневич под имуществом в юридическом смысле понимал «совокупность имущественных юридических отношений, в которых находится известное лицо» [14, с. 83]. По мнению П. Ю. Костина, концепции Г. Ф. Шершеневича соответствует тезис о том, что на объект, не являющийся имуществом, могут существовать имущественные права, в связи, с чем классифицируются на имущественные и неимущественные не объекты субъективных гражданских прав, а сами субъективные гражданские права [5, с. 19].

В гражданско-правовой науке право собственности традиционно рассматривается как вещное право, право, оформляющее и закрепляющее принадлежность определенному лицу материальных вещей.

Рассмотрение вопросов, связанных с имущественными правами несовершеннолетних затруднено тем, что нормы действующего гражданского, семейного и жилищного законодательства не всегда соотносятся по регулированию прав несовершеннолетних в имущественных правоотношениях, что, в свою очередь, вносит проблемы в механизм защиты этих прав.

Еще одной особенностью имущественных прав несовершеннолетних является их так называемая обеспечительная функция, т. е. данные права обеспечивают реализацию личных неимущественных прав несовершеннолетних, например создают условия для развития личности. Обладание имущественными правами позволяет полнее реализовать право: на образование, здоровье, информацию и др. Неслучайно в ГК РФ говорится о том, что регулируются личные неимущественные отношения, основанные на имущественной самостоя-

тельности участников [2]. Таким образом, законодатель подчеркивает, что личные неимущественные права в гражданском праве в основе своей имеют имущественную составляющую [1, с. 49].

Поэтому можно утверждать о концептуальном значении имущественных прав несовершеннолетних.

Рассмотрев понятия «охрана» и «защита», «имущественные права несовершеннолетних», можно говорить о реализации такой защиты двумя способами:

1. Законный – являющийся императивным, так как его реализация установлена действующим законодательством.

2. Договорный – является диспозитивным. Законным представителем несовершеннолетнего или лицом из числа детей возможно заключение договора об оказании охранных услуг с организацией, предоставляющей такого вида услуги.

При реализации защиты имущественных прав несовершеннолетних путем заключения договора снижается риск нарушения имущественных прав несовершеннолетних, в связи с чем является приоритетным для охраны имущества несовершеннолетних до момента достижения им полной дееспособности.

Например, договор оказания охранных услуг содействует решению государственной задачи «Жилище», составной частью которого является и обеспечение жильем детей. Иными словами, жилищные права несовершеннолетних могут защищаться не только государством, но и договором на оказание охранных услуг.

При этом жилище – это объект охраны, который может находиться как в собственности, так и в доверительном управлении [14, с. 29].

С целью проведения детального анализа защиты прав и интересов детей и лиц из числа детей рассмотрим две основные гарантии государства в сфере жилья.

Сохранение права пользования: жилыми помещением нанимателями или членами семьи нанимателя, которого они являются и собственниками, сосособственниками которых они являются [12].

Законодательство устанавливает необходимость контроля за вышеуказанными жилыми помещениями органами опеки и попечительства. Но на практике при осуществлении контроля выявляются пробелы в действующем законодательстве, устранение которых необходимо для всесторонней защиты прав и жилищных интересов детей. Основной проблемой является проживание в жилом помещении на законных основаниях лиц, которые не поддерживают техническое и санитарное состояние жилого помещения и не оплачивают жилищно-коммунальные услуги. Деньги, выплачиваемые законным представителям на содержание несовершеннолетних, имеют целевое назначение и не предусматривают оплату жилищно-коммунальных услуг или проведение ремонта в жилых помещениях, в которых несовершеннолетний не проживает. Конечно, законный представитель, заботясь о судьбе своего подопечного, может принимать меры по погашению задолженностей или проведению ремонта. Но это носит добровольный характер. В связи с чем по достижению возраста совершеннолетия лицо из числа детей зачастую сталкивается с взысканием с его дохода задолженности за жилищно-коммунальные услуги исполнительным органом, а также вынужденным проживанием в жилом помещении, требующим проведения ремонтных работ.

В связи с вышеизложенным считаю целесообразным устранения пробелов действующего законодательства в области защиты прав и жилищных интересов детей и лиц из числа детей:

- путем отмены обязанностей по оплате жилищно-коммунальных услуг в отношении детей с момента приобретения данного статуса до достижения полной дееспособности;

- рассмотреть вопрос о закреплении за законными представителями обязанности по сохранению жилых помещений подопечных, а также закрепить необходимость оказания содействия в приведение жилых помещений в удовлетворительное санитарно-техническое состояние.

Предоставление жилого помещения лицам из числа детей.

Согласно действующему законодательству определен круг лиц, имеющих право на получение гражданско-правовой меры социальной защиты в виде предоставления жилого помещения по достижению совершеннолетия.

Жилое помещение предоставляется лицам из числа детей, которые не являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками или сособственниками жилых помещений.

Лицам из числа детей, которые являются нанимателями или членами семьи нанимателя, собственниками, сособственниками жилых помещений, также предоставляется жилое помещение по достижению совершеннолетия, если их проживание в ранее занимаемых жилых помещениях признается невозможным органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, на территории которого оно находится [11].

Факт признания невозможности проживания в жилом помещении устанавливается субъектом Российской Федерации, на территории которого находится жилое помещение. Основанием для рассмотрения вопроса об установлении вышеуказанного факта является заявление законного представителя ребенка-сироты, ребенка, оставшегося без попечения родителей по достижению 14-летнего возраста или заявления лица из числа детей [8].

Законные представители детей при достижении их подопечному 14-летнего возраста подают заявление в органы опеки и попечительства о включении несовершеннолетнего в список для предоставления жилого помещения с приложением установленных законом документов.

В результате рассмотрения документов уполномоченный орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации принимает решение о включении или отказе во включении в список несовершеннолетнего и издается соответствующий приказ, выписка из которого направляется заявителю.

Дети, оставшиеся без попечения родителей, состоят в списке до получения жилого помещения согласно очередности. С момента включения в список до момента предоставления жилого помещения уполномоченный орган контролирует наличие обстоятельств, необходимых для получения данной гарантии, если такие обстоятельства пропадают, то выносится решение об исключении лица из списка. С момента включения в список и до достижения полной дееспособности дети состоят в списке без присвоения номера. Номер очередности присваивается по достижению полной дееспособности.

Жилые помещения предоставляются лицам из числа детей на основании договора найма специализированного жилого помещения, срок действия договора составляет пять лет. В этот период уполномоченным органом контролируется использование данных жилых помещений и оказывается содействие в преодолении сложных жизненных ситуаций данных лиц.

Проблемой в реализации гарантии на предоставления жилого помещения в практике является тот фактор, что жилые помещения предоставляются ежегодно в количестве, которое не обеспечивает всех нуждающихся лиц из числа детей сразу по достижении полной дееспособности.

На сегодняшний день часть лиц, включенных в список по достижении полной дееспособности, подают иск в суд о внеочередном предоставлении жилых помещений и суд удовлетворяет данный иск. Таким образом, эти лица имеют преимущественное право на предоставление жилого помещения, и образуются так называемая очередь над очередью. Решением данной проблемы может служить только решение суда по таким искам в виде «предоставления жилого помещения согласно очередности».

Создание и эффективность деятельности соответствующей службы будет напрямую зависеть от разработки надлежащих правовых оснований для ее деятельности: установление объективных критериев для осуществления вмешательства на ранних этапах. Именно органы местного самоуправления или учреждения, подотчетного органам местного самоуправления, являются наиболее подходящей моделью для функционирования таких служб [13, с. 44].

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы.

В законодательстве Российской Федерации уделяется большое защите прав и жилищных интересов детей и лиц из числа детей с целью их социализации в обществе. В случае отсутствия данной защиты лица из числа детей могут быть обречены на невозможность социальной адаптации, что приведет к ведению антиобщественного образа жизни. Наличие жилья является отрывной точкой для достойной жизнедеятельности данных лиц.

Рассмотренная в работе классификация способов защиты имущественных прав несовершеннолетних устанавливает, то, что сочетание этих способов позволяет повысить эффективность защиты имущественных прав и интересов детей и лиц из числа детей.

Нормы, регулирующие отношения, возникающие при защите жилищных прав и интересов детей и лиц из числа детей, не действуют автономно, а являются единым комплексом взаимодействующих и взаимосвязанных правовых элементов. Вследствие такой комплексности устанавливается единый порядок регулирования защиты жилищных интересов детей, а также достигается целостность правового воздействия.

Несмотря на комплексный характер правового регулирования исследуемых отношений, защита жилищных прав в виде предоставления жилых помещений лицам из числа детей базируется на основных положениях гражданского права, т. е. содержит ярко выраженные цивилистические аспекты, включая гражданско-правовые способы защиты и охраны, жилищных прав исследуемой категории лиц.

Библиографический список

1. Ворожейкин Е. М. Правовые основы брака и семьи. М. : Юридическая литература, 1969.
2. Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
3. Грибков А. М. Договорное регулирование отношений по устройству детей, оставшихся без попечения родителей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2010.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.): в ред. Закона Российской Федерации 21.07.2014 № 11-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
5. Костин П. Ю. О независимости имущественного или неимущественного характера субъективного гражданского права от его объекта // Юрист. 2012. № 3. С. 18–21.
6. Магдесян Г. А. Теоретические аспекты гражданско-правового регулирования опеки и попечительства в Российской Федерации : дис... канд. юрид. Наук : 12.00.03. М., 2009.
7. Мусияка В. А. Солидарная ответственность за причинение вреда : автореф. ... дис... канд. юрид. Наук : 12.00.03. Харьков, 1976.
8. Постановление правительства волгоградской области от 19 марта 2013 г. № 109-п «О мерах по реализации Закона Волгоградской области от 5 февраля 2013 г. № 5-ОД „Об обеспечении дополнительных гарантий прав на жилое помещение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Волгоградской области”» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Ростовская И. В. Гражданско-правовая защита имущественных прав несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. Наук : 12.00.0303. М., 2013.
10. Снежко О. А. Проблемы государственной защиты материнства в Российской Федерации // Наука. 2010. № 10. С. 58–60.
11. Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 52. Ст. 5880.
12. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 17. Ст. 1755.
13. Шаронов С. А. Гражданско-правовое регулирование охранной деятельности в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. Волгоград, 2015.
14. Шаронов С. А. Классификация объектов охраны // Академический юридический журнал. 2014. № 3. С. 29–37.
15. Шаронов С. А. Проблемы правового регулирования охранной деятельности как разновидности предпринимательства // Власть закона. 2019. № 4. С. 137–155.
16. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. 9-е изд. М. : издание Бр. Башмаковых, 1911.

Журило П. И.¹,

*адъюнкт кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

МНОГОКВАРТИРНЫЙ ДОМ КАК ЕДИНЫЙ ОБЪЕКТ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ЖИЛОГО ФОНДА

Изучение вопроса реновации жилого фонда в городе Москве [4], а в последствии и программы комплексного развития территории Российской Федерации [3] показало, что существуют проблемы в реализации правоотношений, предусматривающих переход права собственности не на конкретные жилые помещения, а на весь многоквартирный дом. В ходе реализации такого соглашения, безусловно, заключаются индивидуальные договоры с каждым собственником (нанимателем) жилого помещения, однако решение об участии в программе реновации (в Москве) или в комплексном развитии территории жилой застройки (в остальных субъектах Российской Федерации) принимается на основании не до конца проработанной правовой базы.

Одной из ключевых правовых проблем, в процессе обновления жилого фонда можно считать отсутствие единого подхода к определению многоквартирного дома как единого объекта. В. Е. Пажедаев [7, с. 141] определил ряд мнений к определению статуса многоквартирного дома. При этом невозможно не согласиться, что Гражданский кодекс Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ) имеет предпосылки к определению единого жилого комплекса (аналогия к предусмотренному ст. 133.1 ГК РФ «Единому недвижимому комплексу»).

Определение статуса многоквартирного дома как единого объекта и определение порядка регистрации права собственности на него позволит надлежащим образом реализовывать право распоряжаться многоквартирным домом в целом. В настоящий момент законодательство не содержит норм, напрямую определяющих такой порядок. Вместо него практикуется ситуация, когда такие полномочия реализуют граждане – собственники помещений в многоквартирном доме, обладающие правом распоряжения только своим помещением, но не помещением своего соседа. Федеральным законом № 4802-І «О статусе столицы Российской Федерации» [5] в ст. 7.1. «Выявление и учет мнения собственников помещений и нанимателей жилых помещений при формировании и реализации программы реновации. Информирование по вопросам осуществления реновации» содержит нормы, отсылающие к постановлению Правительства Москвы от 2 мая 2017 г. № 245-ПП «Об учете мнения населения по проекту реновации жилищного фонда в городе Москве» [8]. Указанное постановление определяет, в своей сути, порядок распоряжения многоквартирным домом как единым объектом. При этом для определения судьбы многоквартирного дома достаточно 2/3 голосов общего собрания собственников помещений.

¹ © Журило П. И., 2021.

Так, 2/3 всех собственников жилых помещений полномочны решать вопросы, ответ на которые должен быть единогласным решением собственников всего многоквартирного дома.

Представляется, что отсутствие нормы, определяющей статус многоквартирного дома, позволяет упростить многие процедуры, что, безусловно, на руку заинтересованным лицам в целях реализации программы реновации.

Комплексное территориальное развитие в сфере прав собственности на многоквартирный дом, оперирует теми же принципами, что реновация жилого фонда в Москве. Однако вместе с этим комплексные изменения законодательства, внесенные Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 494-ФЗ [3], дополнили Жилищный кодекс Российской Федерации [2] п. 4.6 ч. 2 ст. 44 «Общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме», определив, что в сферу таких полномочий входит принятие решения о включении многоквартирного дома в границы территории жилой застройки, подлежащей комплексному развитию в соответствии с проектом решения о комплексном развитии такой территории, а также принятие решения об исключении многоквартирного дома из границ такой территории, из проекта решения о комплексном развитии территории жилой застройки или из решения о комплексном развитии территории жилой застройки.

Как и в рассмотренном ранее случае, полномочия по распоряжению имуществом не коррелируются с наличием таких прав.

Одновременно с этим происходит обратная ситуация, при регистрации многоквартирного дома как единого объекта недвижимости возникают проблемы с реализацией права конкретного собственника жилого помещения, так как продается «часть» единого объекта недвижимости, что налагает определенные требования ГК РФ к сособственникам имущества.

Представляется, что комплексное развитие, равно как и реновация жилого фонда в Москве должны представлять собой комплекс договорных правоотношений, предусматривающих более тщательное обсуждение параметров соглашения. В частности, должны быть соблюдены все принципы законодательства Российской Федерации, а также базовые нормы гражданского и жилищного законодательства, определяющие положения о праве собственности вообще и праве собственности на жилое помещение.

Стоит отметить, что существующая на сегодняшний день цифровизация правоотношений позволяет упростить порядок взаимодействия с собственниками, а значит и упростить процесс достижения соглашения по поводу перехода прав собственности. В это же время можно говорить о примирительности принципов предварительного договора в рамках развития жилого фонда. Представляется, что наиболее сдерживающий для любого собственника фактор – неизвестность. В рамках рассматриваемых выше программ собственники заключают договор о переходе права собственности намного позже проведения собраний собственников многоквартирного дома (либо иных форм выражения мнения), и фактически не имеют понятия, каким им представляется будущее их жилого помещения.

На сегодняшний день комплексное развитие территории в Российской Федерации лишь набирает обороты, в то время как программа реновации уже полным ходом реализуется и дает первые результаты. Одним из таких результатов можно рассматривать и судебную практику.

Решение Тверского районного суда города Москвы от 16 июня 2020 г. по делу № 02-0700/2020 наглядно демонстрирует недостатки правового регулирования и отсутствие надлежащего использования договорных конструкций. Суть спора сводится к несогласию гражданина на предоставленное жилое помещение, не отвечающее требованиям реновации. Вместе с тем можно заключить, что в процессе реновации граждане одного многоквартирного дома, будучи владельцами доли в общем имуществе многоквартирного дома, а судя предыдущим измышлениям – владельцами доли единого объекта права – многоквартирного дома, перестают таковыми быть, уменьшая долю своего участия, ввиду того что, согласно параметрам Московской реновации, строящиеся многоквартирные дома имеют большую этажность, нежели дома, включаемые в реновацию.

На лицо определенный дисбаланс, не только правовой, но и в какой-то мере – экономический. Допускаем, что введение института многоквартирного дома как единого объекта права – мера не своевременная, требующая глубокой проработки, а также имеющая сложности в реализации, но в то же время законодателем не в полной мере использованы возможности предварительного договора как способа предотвращения правовых споров.

Возможности же цифровых технологий, как указывалось ранее, намного упрощают планирование таких соглашений. Не говоря о неюридической составляющей (планы, проспекты, визуализация будущего жилья), развитие этого направления позволит многократно усовершенствовать существующий механизм оборота жилого фонда.

В большинстве положений рассмотренные программы в сфере гражданско-правовых механизмов – идентичны, но в то же время их разделяет неправовые параметры, такие как экономическая база, технические требования и многое другое. В это же время есть еще один фактор, который, безусловно, объединяет эти процессы – криминогенная составляющая.

Исследования показывают [6], что основная группа лиц, признанных потерпевшими по уголовным делам, связанным с мошенническими действиями в отношении жилой недвижимости, являются люди, желающие улучшить свои жилищные условия, а также лица из групп риска (одиноким пенсионеры, инвалиды, лица с психологическими заболеваниями).

При этом символично и то, что с 2015 г. число мошенничеств с недвижимостью возросло на 33 % [11], учитывая, что в ближайшее время ожидается всплеск активности в сфере строительства, а также купли-продажи недвижимости – можно смело ожидать продолжающуюся тенденцию к росту.

Учитывая положения ст. 151 УПК РФ [9], определяющие посредственность уголовных дел, возбуждаемых по основаниям, указанным в ст. 159 УК РФ [10] – следователями органов внутренних дел Российской Федерации, что особенно показательным в рамках подготовки кадров для органов внутренних дел.

Как итог можно заключить, что на сегодняшний день развитие жилого фонда в Российской Федерации определило правовой механизм, позволяющий в довольно упрощенном порядке реализовывать масштабные проекты, но в то же время такой порядок имеет свои недоработки и возражения.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
2. Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ «Жилищный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/.
3. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372677/.
4. Постановление Правительства Москвы № 497-ПП от 1 августа 2017 г. «О Программе реновации жилищного фонда в городе Москве» // Официальный сайт Мэра Москвы. URL: mos.ru.
5. Закон Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4802-1 «О статусе столицы Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 19. Ст. 683.
6. Огарь Т. А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика мошенничества в сфере оборота недвижимости : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009.
7. Пажидаев В. Е. Многоквартирный дом как объект права собственности: основные подходы и проблемы правового статуса // Право и политика. 2018. № 8. С. 141–142.
8. Постановление Правительства Москвы от 2 мая 2017 г. № 245-ПП «Об учете мнения населения по проекту реновации жилищного фонда в городе Москве».
9. Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
10. Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ «Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
11. URL: <https://tass.ru/nedvizhimost/10722905>.

Иваненко А. В.¹,

заместитель директора

по учебной и воспитательной работе

Сочинского филиала Всероссийского государственного

университета юстиции (РПА Минюста России),

кандидат юридических наук, доцент

Яковлева-Чернышева А. Ю.²,

главный научный сотрудник

отдела научных исследований

Сочинского филиала Всероссийского государственного

университета юстиции (РПА Минюста России),

доктор экономических наук, доцент

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В условиях четвертой промышленной революции, когда в различные сферы жизни общества проникают такие инновационные технологии, как «большие данные», «интернет вещей», «виртуальная и дополненная реальность», «3D-печать», «блокчейн» и другие, немаловажное место отводится применению искусственного интеллекта (далее – ИИ).

Внедрение технологий искусственного интеллекта порождает множество эффектов экономической, социальной, правовой и иной направленности, а также влечет за собой последствия, прогнозировать которые в полной мере не представляется возможным. Так, с точки зрения экономики обоснованность широкого применения ИИ определяется тем, что оно способствует росту производительности труда, экономии времени и издержек. Применение искусственного интеллекта позволяет оптимизировать многие бизнес-процессы, в том числе связанные с принятием решений. Особенно впечатляющим является экономический эффект в тех областях производственной и управленческой деятельности, где постоянно происходит обработка значительных массивов данных. В качестве примеров здесь можно привести банковские, страховые, бухгалтерские, аудиторские, юридические услуги. Все более значительную роль играет применение искусственного интеллекта и в процессах цифровизации государственного управления.

Сейчас уже не подвергается сомнению, что применение ИИ необходимо практически во всех социально-экономических сферах для повышения качества жизни населения и благосостояния общества. Не случайно распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р утверждена концепция, предусматривающая развитие регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г. [1]. К развитию искусственного интеллекта в России привлекаются крупнейшие государственные и частные компании. Так, между Правительством

¹ © Иваненко А. В., 2021.

² © Яковлева-Чернышева А. Ю., 2021.

Российской Федерации и ПАО «Сбербанк» подписано соглашение о намерениях, предусматривающее разработку «дорожной карты» по внедрению решений в сфере ИИ. Ведущие российские технологические компании создали Альянс по искусственному интеллекту, в который вошли Яндекс, Mail.ru Group, Сбербанк, МТС, «Газпромнефть» и Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) [3].

Однако было бы неверным рассматривать искусственный интеллект всего лишь как одну из технологических инноваций, предназначенных для обеспечения человека высокопроизводительным инструментарием осуществления его повседневной деятельности в самых разных областях. Не менее важным является то, что технологии ИИ превратились в фактор изменения человеческих отношений, трансформации общественных связей, формирования новых типов поведения, видов деятельности, привычек, образа жизни и, в конечном счете, образа мышления [6].

Это означает, что стремительное проникновение инновационных технологий, и в том числе ИИ, в различные сферы жизнедеятельности общества неизбежно вызывает и социальные эффекты. Особенно отчетливо указанные тенденции усилились в период пандемии коронавируса, когда цифровизация стала развиваться форсированными темпами, еще более ускоряя внедрение технологий искусственного интеллекта. Все более широкое распространение получают голосовые помощники, телемедицина, дистанционное обучение. Взаимодействие человека с носителями искусственного интеллекта, происходящее все чаще в самых разных ситуациях, в итоге формирует принципиально новую структуру социально-экономических отношений. Среди уже сегодня наметившихся проблем можно выделить структурную безработицу, вызванную постепенным сокращением вакансий бухгалтеров, юристов, диспетчеров, продавцов и др. Вместе с тем растет потребность в представителях новых профессий, порождаемых цифровой трансформацией бизнеса и государственного управления.

Еще одним социальным эффектом, обусловленным применением технологий ИИ и развитием новейших средств коммуникаций, является изменение направлений миграционных потоков. Для многих профессий выполнение трудовых функций становится независимым от местонахождения сотрудника. Следовательно, уже давно ставшие привычными процессы миграции населения из сельской местности в города, из провинции в столицу в значительной мере утрачивают свою актуальность. Причем это происходит не только в масштабах отдельных стран, но и глобально.

Особо следует отметить, что применение ИИ способствует все более тесному переплетению реального мира с виртуальным, материального с цифровым. С одной стороны, это способствует более точной адаптации окружающего мира к нуждам и предпочтениям каждого человека, поскольку взаимодействие вещей становится системным, т. е. может быть ориентировано на конкретного потребителя. С другой стороны, человек, все его действия становятся все более оцифрованными, что делает его более доступным для учета, анализа, прогнозирования, а значит и более уязвимым. Если же принять во внимание, что в настоящее время во многих странах мира реализуются платформенные стратегии внедрения искусственного интеллекта во все сферы социально-

экономических отношений, то это многократно усиливает риски, связанные с получением несанкционированного доступа к большим массивам социальных данных [5].

Наконец, применение искусственного интеллекта неминуемо привело к возникновению правовых эффектов, заключающихся в развитии правотворчества и правоприменения. Направления указанного развития соответствуют новым общественным отношениям, которые не укладываются в рамки правопорядка, сложившегося в прошлом столетии.

С учетом вышеизложенного особую актуальность на современном этапе приобрели вопросы правового регулирования применения искусственного интеллекта. Перед юридической наукой поставлены принципиально новые задачи, которые требуют скорейшего решения. Однако на сегодняшний день в сфере правового регулирования применения искусственного интеллекта остается достаточно много пробелов. И это объясняется рядом причин. Например, до сих пор нет общепринятого подхода к трактовке понятия «искусственный интеллект», определения его как объекта или субъекта права [2, с. 25; 4, с. 44; 7, с. 91]. Некоторые ученые рассматривают ИИ как субъект права, наделяемый специальной правосубъектностью. Относительно недавно, в связи с этим, в научный оборот было введено понятие «электронное лицо» [8]. Тем не менее проведенный анализ литературных источников показывает, что по мнению большинства исследователей, на сегодняшний день ИИ является объектом права и правового регулирования. При этом исследование вопросов, связанных с обоснованием или опровержением правосубъектности искусственного интеллекта, отнюдь не носит исключительно теоретико-методологический характер. Если обратиться к правоприменительной практике, то на сегодняшний день актуальны, как минимум, две проблемы, решение которых непосредственно вытекает из трактовки искусственного интеллекта как объекта или субъекта права: распределение ответственности за вред, причиненный действиями ИИ, и признание авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные ИИ.

Думается, что проведение исследования по правоприменению в области особенностей деятельности искусственного интеллекта, в случае окончательного признания ИИ субъектом права, является актуальным и необходимым. Появление искусственного интеллекта, несомненно, влечет за собой изменения законодательной базы и налагает отпечаток на правовую культуру общества.

Разрабатывая нормативно-правовую базу, регулирующую сферы деятельности искусственного интеллекта, не стоит забывать о проблемах укрепления общепринятых основ существующей правовой культуры. Современное общество никак не может выйти на новый виток развития в этих вопросах. Поэтому, создавая прецеденты новых субъектов права, законодатель должен учитывать и особенности формирования у них правового сознания, а также выстроить траекторию его развития, минимизировав риски распространения всепоглощающего правового нигилизма.

Таким образом, мы рассмотрели лишь некоторые экономические, социальные и правовые аспекты активного внедрения технологий искусственного интеллекта, происходящего на современном этапе развития общества. Представ-

ляется, что комплексный подход к исследованию эффектов и последствий применения искусственного интеллекта является одним из необходимых условий гармоничного развития всех сфер общественных отношений.

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Васильев А. А., Шпопер Д. Искусственный интеллект: правовые аспекты // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6. С. 23–26.
3. Дмитрию Чернышенко представили проекты по использованию искусственного интеллекта в федеральных органах исполнительной власти // URL: <http://government.ru/news/40542/>.
4. Камышанский В. П., Корецкий А. В. Понятие и правовой статус носителя искусственного интеллекта // Власть закона. 2019. № 1. С. 42–50.
5. Крамарова Е. Искусственный интеллект и социальные последствия его внедрения // URL: <https://riss.ru/article/16141/>.
6. Миловидов В. Развитие технологий искусственного интеллекта и трансформация геополитики // URL: <https://riss.ru/article/15865/>.
7. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.
8. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 36–55.

Иловайский И. Б.¹,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС,
кандидат юридических наук, доцент

Щепетнова Д. С.²,

студентка юридического факультета
Волгоградского института
управления – филиала РАНХиГС

ДИСТАНЦИОННЫЙ НОТАРИАТ И УДОСТОВЕРЕНИЕ СДЕЛОК ДВУМЯ И БОЛЕЕ НОТАРИУСАМИ: ОТДЕЛЬНЫЕ НЕОДНОЗНАЧНЫЕ ВОПРОСЫ

*Как будто по ступенькам, все выше и вперед,
Из детства постепенно нас юность уведет.
И, стоя на пороге, решать куда шагнуть...*

Еще каких-то тридцать лет тому назад вряд ли кому-то и в страшном фантастическом сне могло привидеться, что в мире может появиться такое явление, которое объединит в себе одновременно и книгу, и газету, и театр, и телевизор, и средство общения, и переписки, и игры, и творчества, и развлечения, и заработка денег и т. п. Между тем в настоящее время подобная штука существует и называется Интернет или всемирная глобальная сеть. Она настолько глубоко и многогранно вошла в жизнь цивилизованного общества, что вряд ли с ходу можно дать определение этому «нечто» и определить его значение для каждого, кто им пользуется. Однако действительность требует не только житейских оценок, чем для нас является Интернет, но и правового анализа осуществляемых в его недрах правоотношений.

Не остался в стороне от процесса освоения пространств глобальной сети и такой консервативный (в лучшем смысле этого слова!) и стабильный государственный институт, как нотариат, а Федеральная нотариальная палата Российской Федерации (далее – ФНП) была активным участником правительственной программы «Цифровая экономика» [3]. На основе деятельности отечественного нотариата, иногда и благодаря нему, в гражданский оборот были введены такие понятия, как электронная подпись, и ее более сложный вариант квалифицированная электронная подпись нотариуса, единая информационная система нотариата (далее – ЕИС) и т. п. Работает такая база данных на основе Интернета. С ее помощью согласно ст. 34.3 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (далее – Основы), неограниченный круг лиц (как правило, заинтересованных) свободно могут получить: информацию о выданных и удостоверенных нотариусами в Российской Федерации доверенностях, о залоге движимого имущества, о совершенных отказах в осуществлении нотариальных действий и иные сведения [1].

¹ © Иловайский И. Б., 2021.

² © Щепетнова Д. С., 2021.

Более того, с 29 декабря 2020 г. стали доступны и отдельные нотариальные действия, которые нотариус или несколько нотариусов могут осуществлять удаленно [2]. В юридической литературе подобную деятельность стали называть «дистанционным нотариатом» [9, с. 7], в состав которого прежде всего необходимо отнести удостоверение сделок с привлечением нескольких нотариусов из разных субъектов Российской Федерации, если в совершении такой сделки участвуют два и более лица без их совместного присутствия (ст. 53.1 Основ). В условиях рынка такая необходимость возникает довольно часто у предпринимателей и юридических лиц, осуществляющие свою деятельность в разных регионах Российской Федерации, и не имеющих возможности встретиться. Да и у обычных физических лиц, ведущих активный с точки зрения передвижения по стране образ жизни может возникнуть интерес к реализации такого рода нотариального действия. По нашему мнению, были бы востребованы такие услуги и при осуществлении трансграничных обязательств.

Рассматриваемая процедура, как уже было упомянуто, потенциально осуществляется в случаях, когда одновременное присутствие сторон сделки в определенном месте невозможно. Оно проводится путем последовательной цепочки действий. Первоначально стороны обращаются к нотариусам в своих регионах, которые при помощи ЕИС подготавливают проект договора и согласовывают его условия между контрагентами. Неизменность текста подготовленного документа обеспечивается техническими средствами ЕИС. Далее участники обязательства должны его подписать как электронный вариант документа (простой электронной подписью), который будет храниться в ЕИС, так и экземпляр на бумажном носителе, который останется в делах нотариальной конторы. Электронный экземпляр сделки с совершенной удостоверительной надписью подписывается удостоверившими ее нотариусами квалифицированными электронными подписями.

Актуальность, востребованность и жизнеспособность подобной нотариальной услуги наглядно подтверждает и текущее состояние мировой пандемии Covid-19, во время которой такие юридические действия были весьма популярными [8, с. 17].

Успехи в развитии дистанционного нотариата дали основу для обсуждения более радикальных мер, а именно удаленное совершение нотариальных действий, т. е. без личной явки клиента к нотариусу в целом. Например, удаленное удостоверение доверенностей или даже завещаний и т. п. Их реализация так же планируется через ЕИС нотариата и государственный портал «Госуслуги». Посредством этих информационных систем заявитель сможет заполнить, подписать усиленной квалифицированной электронной подписью и направить обращение в ФНП, а затем получить требуемую услугу [7, с. 201].

В целом ведение «дистанционного нотариата» представляется логичным явлением в условиях развития цифровых технологий, но в то же время этот процесс несет в себе и отдельные проблемы, разрешение которых требуется для правомерного проведения указанных процедур.

К таким, на наш взгляд, относится вопрос соблюдения тайны нотариальных действий, гарантированных в ст. 5 Основ. Поскольку сеть Интернет не может в полной мере обеспечить ее соблюдение, то нет ясности, каким образом нотари-

усам следует выполнить предписания закона. Общеизвестно, что Интернет, посредством которого работает ЕИС, является весьма шаткой и нестабильной системой, которой можно недобросовестно воспользоваться, и путем блокирования ее работы, и путем незаконно доступа к ее информационным ресурсам и разглашения конфиденциальной информации.

Аспектом подобной проблематики, является неразвитая в настоящий момент система идентификации и аутентификации личности. Так как перед нотариусом стоит задача по непосредственной проверке лица для совершения нотариальных действий, возникает злободневная необходимость разработать развитую совокупность способов опознавания физического лица, которые позволят отбросить любые сомнения нотариуса по этому поводу. К таким мерам мы бы отнесли, сбор, хранение и использование биометрических данных физических лиц. А. П. Макаров и М. А. Мещерякова, оценивая вышеизложенное, резонно отмечают, что «...при всех высокотехнологичных новшествах, многократно ускоряющих гражданский оборот, необходимо обеспечить его стабильность, защитить права граждан и право собственности, предоставляя качественно новый сервис и скорость реагирования» [6, с. 45].

Некоторые исследователи утверждают, что цифровизация должна поспособствовать созданию единого цифрового нотариального архива, обосновывая это защитой от утери и фальсификации документов [8, с. 43]. При этом как-то умалчивается проблема того, что введение ЕИС в целом, как минимум, удваивает работу рядового нотариуса, так как одновременно требуется наполнение информацией этой системы, а также параллельное ведение бумажного делопроизводства. Параллельное ведение нотариального бумажного и электронного архивов представляется нам не вполне рациональным. Решить такой вопрос, т. е. установить баланс ведения разных видов документооборота, можно только соответствующим актом Министерства юстиции Российской Федерации, в компетенцию которого входят подобные вопросы. Свое веское мнение в этом случае должны и рядовые нотариусы, и отечественная нотариальная палата.

Отдельным элементом рассматриваемых вопросов, как уже указывалось, является появившаяся перспектива использовать удостоверение сделки двумя и более нотариусами, если в совершении такой сделки участвуют два и более лица без их совместного присутствия, при осуществлении трансграничных обязательств. Например, при покупке недвижимости в Италии или во Франции, или иной стране. Впрочем предметом сделки за границей может быть любое имущество или объект гражданских прав. В любом случае при подобной ситуации одновременно возникает несколько проблем. Так, ЕИС исключительно национальная отечественная система, работа которой, пока, не предполагает взаимодействие с аналогичными информационными ресурсами других стран. Тем не менее такой процесс возможен, особенно между государствами, чья правовая система сходна с отечественным правопорядком. Например, такими странами, по нашему мнению, является Белоруссия, Казахстан и иные государства СНГ, а в далеком будущем и страны с латинской нотариальной системой. Осуществление такого сотрудничества возможно только на основе международных соглашений как коллизионного, так и материально-правового характера. В актах

подобного уровня будет необходимо установить и единообразный порядок ведения национальных информационных нотариальных систем, и режим доступа к каждой из них представителями других стран, и решение вопросов применимого права (т. е. решение коллизионной проблемы), и способы разрешения возможных конфликтов [4, с. 175]. Все перечисленные меры предполагают иную, чем сейчас, степень доверия между государствами и иной уровень сотрудничества в области унификации и гармонизации норм права между ними.

Подводя итог и резюмируя изложенное, можно сделать следующие выводы. Во-первых, цифровизации в области нотариальной деятельности способствует оперативному, современному и удобному получению услуг, которые экономят время и средства клиентов. Необходимо признать, что отечественный нотариат активно внедряет цифровые технологии в свою деятельность, а это дает основания говорить о начальном этапе создания, так называемого дистанционного нотариата. Однако, и это, во-вторых, возникает потребность на уровне Российской Федерации в решении ряда взаимозависимых проблем: технических, связанных с безопасностью использования информационных систем и идентификацией (аутентификацией) личности при осуществлении дистанционных нотариальных действий; делопроизводственных, которые требуют оптимизации ведения нотариального бумажного и электронного архивов; активного развития международного сотрудничества на постсоветском пространстве и в целом в системе латинского нотариата. Указанный путь, наверное, осилит идущий, как в песне И. В. Кахановского «...как будто по ступенькам все выше и вперед...» [5, с. 71], а иначе придется согласиться с высказыванием декана юридического факультета доктора Аде Саптомо Университета Панкасила (Джакарта, Индонезия), что «...если вас нет в цифровом пространстве, то вы не существуете».

Библиографический список

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 30.12.2020) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.
2. Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 52 (часть I). Ст. 7798.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы „Цифровая экономика Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 32. Ст. 5138.
4. Иловайский И. Б., Гусейнов Т. А. Выбор применимого права при заключении договоров в киберпространстве: за и против // Парадигмы управления, экономики и права. Волгоград : Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, 2020. С. 173–179.
5. Кахановский И. В. Как будто по ступенькам // Несовпадение. – М. : Геликон Плюс, 2012.

6. Макаров А. П., Мещерякова М. А. Развитие системы нотариата в современной России: вызовы и перспективы // Закон. 2019. № 7.

7. Смиренская Е. В. Electronic notary in modern Russia: a new juridical significant form of documents // Studies in Computational Intelligence. 2019. Т. 826. С. 195–203.

8. Тымчук Ю. А. Нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью двумя и более нотариусами: преимущества и перспективы // Нотариус. 2020. № 4. С. 15–18.

9. Углицких Д. В. К вопросу «электронного нотариата»: правовые аспекты регулирования и проблемы практики // Нотариус. 2020. № 3. С. 40–44.

10. Ярков В.В. Тенденции развития латинского нотариата на нашей планете: цифровизация в условиях соревнования правовых систем // Нотариус. 2020. № 3. С. 3–7.

Казаченок О. П.¹,

доцент кафедры гражданского

и международного частного права

Волгоградского государственного университета,

кандидат юридических наук, доцент

Степанова И. А.²,

доцент кафедры гражданского

и международного частного права

Волгоградского государственного университета,

кандидат юридических наук

ВЛИЯНИЕ ЦИРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЗАЩИТУ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ

Торговля с использованием интернет-технологий открывает новые горизонты для развития бизнеса и одновременно порождает новые проблемы не только юридического, но и экономического, информационного и социального характера [1].

Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул актуальность данного вопроса и отметил, что «цифровая грамотность – ключевой элемент защиты прав потребителей в электронной коммерции» [6].

Активное развитие цифровых технологий влияет на все сферы жизни современного общества.

Особенно актуальным в свете развития цифровизации становится обеспечение защиты прав потребителей в современном цифровом обществе, которое отражает потребности общества и тенденции в экономике [2].

Как показывает статистика, в настоящее время наблюдается активный рост электронной торговли между потребителями и коммерческими организациями, следовательно, вопросы защиты прав потребителей в контексте цифровизации требуют пристального внимания со стороны правоохранительных органов и законодателя.

Среди проблем защиты прав потребителей, вызванных ростом использования электронных торговых площадок: защита персональных данных потребителей, безопасность онлайн платежей, отсутствие согласованных на международном уровне правил контроля за исполнением контрактов, заключенных при помощи блокчейн-технологий и др. Кроме того, этот документ адресован в том числе и электронным торговым площадкам [3].

Примечательна практика ЕС по созданию ассоциации Ecommerce Europe, в которую входят компании, занимающиеся онлайн торговлей.

На международном уровне следует, в первую очередь, отметить принципы Организации Объединенных Наций [5], которые разработаны с целью обеспечения защиты прав потребителей.

Как показывают исследования, практически все государства – члены Организации Объединенных Наций разрабатывают законодательство в указанной

¹ © Казаченок О. П., 2021.

² © Степанова И. А., 2021.

сфере, и на данный момент самым актуальным вопросом является электронная торговля.

Участниками электронной торговли активно используются цифровые платформы, которые набирают огромную популярность среди потребителей [4].

Представляется необходимым урегулировать на законодательном уровне ответственность торгового посредника в сложившейся ситуации. Полагаем, интернет-платформы в контексте защиты прав потребителей участников внешне-торговой оборота должны нести определенные обязательства по отношению к потребителям с целью защиты их интересов и повышения безопасности их использования, при этом особый акцент следует сделать на степени участия платформы в сделке. Обеспечив комплексную защиту прав потребителей при использовании интернет-платформ, необходимо обеспечить правовые гарантии как для предприятия, так и для интересов потребителей.

Как следует из принципов Организации Объединенных Наций в сфере защиты прав потребителей, немаловажным вопросом является также обеспечение защиты личных данных о потребителях.

По нашему мнению, такой инструмент защиты прав потребителей, как интернет-рейды, наиболее эффективен в контексте взаимодействия между разными странами мира. Мероприятия в форме интернет-рейда проводит Европейская комиссия совместно с Международной сетью защиты прав потребителей.

Для проведения специального расследования должна поступить жалоба потребителя, либо публикация в средствах массовой информации о нарушении. К примеру, во Франции создано специальное подразделение, осуществляющее надзор за электронной торговлей.

Следует отметить, что в последние годы международная платформа, созданная для приема жалоб потребителей, регулярно получает десятки тысяч жалоб, и эта статистика показывает необходимость создания крепких связей между государствами с целью тесного взаимодействия в цифровой сфере.

В том случае, если возникают международные споры, где был причинен вред потребителю, требующий возмещения, необходимо использовать интернет-технологии с целью урегулирования конфликта, так как данный способ является наиболее оптимальным и менее затратным.

Несмотря на преимущества такого способа регулирования споров, в настоящее время оно не получило пристального внимания со стороны законодателя. В большинстве стран у потребителей отсутствует возможность использования такого механизма урегулирования спора.

Отдельно следует отметить, что интернет-платформы, которые предоставляют комплекс финансовых услуг, могут доказать эффективность в процедуре урегулирования спора, в частности при возврате платежей.

Многие страны вступают в диалог, обсуждая новые риски для прав потребителей, особенно в контексте цифровизации, координируют инновационные цифровые методы для усиления защиты потребителей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00314).

Библиографический список

1. Иншакова А. О. Реакция права на вызовы высоких технологий в инновационной России // Legal Concept = Правовая парадигма. 2018. Т. 17. № 4. С. 6–15.
2. Казаченок О. П. Перспективы применения криптовалюты в международных торговых расчетах // Евразийская адвокатура. 2020. № 2. С. 50–54.
3. Казаченок О. П. Цифровизация банковских услуг в условиях перехода к индустрии 4.0 на примере дистанционной ипотеки // Евразийская адвокатура. 2020. № 5 (48). С. 110–115.
4. Матыцин Д. Е. Защита прав участников краудфандинга как электронно-цифрового способа привлечения инвестиций // Право и управление. XXI век. 2020. № 2 (55). С. 76–82.
5. Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для защиты интересов потребителей (приняты 22.12.2015 Резолюцией 70/186 на 81-м пленарном заседании 70-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/>.
6. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54988>.

Калиниченко Ю. П.¹,
*преподаватель кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР)

Правовое регулирование криптовалюты – одно из новых, современных движений в праве. Подавляющее большинство граждан и юридических лиц в той или иной форме, прямо или косвенно, в скором времени окажутся вовлеченными в поле действия правовых норм, регулирующих правовой статус криптовалют. С каждым днем все больше лиц становятся участниками данной финансовой пирамиды.

Криптовалютное регулирование – это новый имущественный институт, возникший вследствие развития данного финансового инструмента и заинтересовавший правоведов по всему миру.

Позиция современных исследователей подтверждает проблематичность определения места криптовалюты в современном праве. Одни ученые пытаются регулировать данный финансовый актив как некое виртуальное имущество, другие приравнивают криптовалюту к иностранной валюте [1, с. 164].

Президент Российской Федерации публично высказался о криптовалюте еще в июле 2015 г. на молодежном форуме «Территория смыслов» на Клязьме: «Они ничем не обеспечены. Вот в чем все дело. Это самая главная проблема. Они ни к чему реально не привязаны и ничем не обеспечены. Но в целом как единицей расчета – как они называются, коины или еще как-то – ими можно пользоваться, они все шире и шире распространяются. Как какой-то эквивалент в каких-то сегментах расчета, наверное, возможно». Более того, он уточнил, что «мы ничего не отвергаем. Но, повторяю, есть серьезные, реальные, фундаментальные проблемы с серьезным, широким использованием. Во всяком случае, сегодня» [8].

Спустя 5 лет Президент Российской Федерации подписывает Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7], который легализует криптовалюту, но запрещает ее использование в России для оплаты товаров и услуг.

И это не единственный закон, который запрещает использовать криптовалюту.

Так, Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [6] устанавливает запрет на введение на территории Российской Федерации других денежных единиц, кроме офици-

¹ © Калиниченко Ю. П., 2021.

альной – рубля, а также на выпуск денежных суррогатов. Центральный банк Российской Федерации отмечает, что по виртуальным валютам отсутствует обеспечение и юридически обязанные по ним субъекты, а операции по ним носят спекулятивный характер. В соответствии с Информацией Центрального Банка Российской Федерации 27 января 2014 г. «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, биткойн» [2] Банк России предостерегает, что в связи с анонимным характером деятельности по выпуску виртуальных валют граждане и юридические лица могут быть вовлечены в противоправную деятельность: легализацию доходов, полученных преступным путем, финансирование терроризма.

В соответствии с Информацией Центрального Банка Российской Федерации 4 сентября 2017 г. «Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют) Банк России подтверждает позицию, высказанную в январе 2014 г. в отношении «виртуальных валют». Большинство операций с криптовалютами совершается вне правового регулирования как Российской Федерации, так и большинства других государств. Криптовалюты не гарантируются и не обеспечиваются Банком России [3].

В соответствии с Информационным сообщением Федеральной службы по Финансовому мониторингу «Об использовании криптовалют» [5] (далее – Росфинмониторинг) на территории Российской Федерации и других государств определенное распространение получили так называемые виртуальные деньги для приобретения товаров и услуг. При этом все чаще криптовалюта выступает в качестве инвестиционного инструмента и инструмента спекулятивной торговли. Как было сказано выше, Центральный банк также отмечает, что операции с виртуальными сделками носят спекулятивный характер.

Также в соответствии с Росфинмониторингом процесс выпуска и обращения наиболее распространенных криптовалют полностью децентрализован и отсутствует возможность его регулирования, в том числе со стороны государства. Необходимо отметить, что криптовалюта не требует ведения специальной отчетной документации.

Вышеуказанные обстоятельства обусловили активное использование криптовалют в торговле наркотиками, оружием, поддельными документами и т. д.

Проведенный анализ нормативных правовых актов позволяет сделать вывод, что ни один из рассматриваемых правовых документов не одобряет «виртуальную валюту». И основное опасение недоверия при работе с криптовалютой – это ее анонимность. А это предоставляет огромные возможности для транзакций денежных сумм между террористическими организациями и организованными преступными группами (ОПГ).

Конечно, в настоящее время, очень часто встречается понятие виртуальных денег. Единственное, что может воспрепятствовать столь объемному толкованию – Конституция Российской Федерации [4] и Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Согласно ст. 75 Конституции Российской Федерации денежной единицей в Российской Федерации является рубль. Денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным Банком Российской Федерации. Введение

и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускается. Согласно ст. 27 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» официальной денежной единицей (валютой) Российской Федерацией является рубль. Но на сегодняшний день криптовалюта не эмитирована Центральным банком Российской Федерации.

Подводя итог, необходимо отметить, что перспектива развития использования виртуальной валюты (криптовалют), несомненно, имеется. Несмотря на то, что законодательная работа в этом направлении в нашей стране находится в самом начале. Но, опираясь на опыт и практику применения криптовалют в зарубежных странах, дает основание полагать, что вопрос правового регулирования применения криптовалют является приоритетным.

Библиографический список

1. Дерюгина Т. В., Борисова В. Ф. Информационная Россия 2019: стратегия формирования правовых механизмов создания национальной цифровой экосистемы // Legal Concept. Правовая парадигма. 2018. № 4. Т. 17. С. 162–166.
2. Информация Банка России от 27 января 2014 г. «Об использовании при совершении сделок виртуальных валют, в частности, Биткойн» // Вестник Банка России. 2014. № 11.
3. Информация Банка России от 4 сентября 2017 г. «Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют)» // НПП «Гарант-сервис».
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144.
5. Об использовании криптовалют: информационное сообщение Росфинмониторинга от 6 фев. 2014 г. // URL: <http://www.fedsfm.ru/>.
6. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 28. Ст. 2790.
7. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.
8. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на молодежном форуме «Территория смыслов» в 2015 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49985>.

Копылова Т. А.¹,

курсант международно-правового факультета

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: Федорова Ю. А.,

старший преподаватель

кафедры гражданского и трудового права,

гражданского процесса Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОСРЕДНИКОВ

Одной из ключевых тенденций современности является активное развитие компьютерных технологий, предполагающих в том числе хранение и передачу информации посредством глобальной информационно-коммуникационную сети «Интернет». Примечательно при этом то, что правоотношения, возникающие в связи с хранением и передачей информации описанным образом, отличаются определенной спецификой. Специфика, в частности, проявляется в том, что субъектами указанных правоотношений являются не только непосредственно правообладатели и соответствующие органы исполнительной власти, но и третьи лица, которыми являются информационные посредники.

Появление в действующем гражданском законодательстве информационных посредников как субъектов правоотношений, складывающихся по поводу хранения и передачи информации в сети Интернет, как нам представляется, можно рассматривать в качестве важного этапа развития правового регулирования защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности [1, с. 56]. Тем не менее говорить о том, что законодатель в рамках действующего гражданского законодательства полноценно регламентирует правовой статус рассматриваемых субъектов, все же не представляется возможным; правовое регулирование в данной сфере является недостаточным.

В то же время понимание сущности взаимодействия субъектов отношений, складывающихся по поводу информации, размещаемой в сети Интернет, обладает чрезвычайно важным практическим значением. Прежде всего отсутствие у конкретного лица статуса информационного посредника лишает его в случае возникновения соответствующего спора несения ответственности на особых условиях, предусмотренных законодателем для рассматриваемых субъектов, или в принципе избежать такой ответственности согласно нормам ст. 1253.1 ГК РФ [3, ст. 139]. Указанные обстоятельства, как нам представляется, подчеркивают актуальность исследования гражданско-правового статуса рассматриваемых субъектов.

Легальное определение рассматриваемых субъектов содержится в настоящее время в п. 1 ст. 1253.1 ГК РФ, согласно которой к категории информационных посредников относятся следующие лица:

¹ © Копылова Т. А., 2021.

- лицо, осуществляющее передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети;
- лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети;
- лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в информационно-телекоммуникационной сети [2].

На наш взгляд, считать приведенный перечень легальным определением рассматриваемых субъектов нельзя. Российский законодатель в указанной норме указывает только перечень действий, которые могут совершаться такими субъектами. Как отмечает в связи с этим Д. В. Лоренц, в ст. 1253.1 ГК РФ законодателем приводится перечень функций информационных посредников и в то же время – условия освобождения его от ответственности. Соответственно, на практике вполне возможным является фактическое смешение норм, определяющих рассматриваемых субъектов, с нормами, устанавливающими специфику их ответственности [3, с. 139].

Исходя из этого, попытки определить понятие и, соответственно, гражданско-правовой статус информационных посредников предпринимаются в отечественной правовой науке. В частности, Р. Т. Нуруллаев понимает под информационными посредниками лиц, осуществляющих передачу, хранение и предоставление доступа к информации [6, с. 29]. Н. А. Непомнящая, в свою очередь, определяет информационного посредника в качестве лица, которое оказывает услуги связи и действует от своего имени в трех возможных аспектах: как провайдер, оказывающий услуги доступа к сети Интернет; как провайдер, оказывающий услуги доступа к определенной информации, размещенной в сети Интернет; как провайдер, предоставляющий серверное оборудование, подключенное к сети Интернет [5, с. 9]. На наш взгляд, данное определение фактически дублирует легальное определение информационного посредника, проводя более четкую классификацию данных субъектов.

Схожей точки зрения на статус информационного посредника придерживается и С. Г. Чубукова, отмечающая, что понятие и правовой статус рассматриваемого субъекта находится в тесной взаимосвязи с реализацией гражданами конституционного права на информацию, в связи с чем в число рассматриваемых субъектов входит целый перечень лиц, фактически являющихся посредниками между правообладателями и пользователями. При этом, по мнению С. Г. Чубуковой, учитывая специфическое положение рассматриваемых субъектов, права и обязанности, составляющие содержание их гражданско-правового статуса, должны включать в себя целый ряд положений, связанных с идентификацией пользователей, предоставлением пользователям доступа к информации и т. д. [10, с. 79]. Указанная точка зрения, на наш взгляд, является вполне верной, поскольку правовой статус в его общеправовом значении традиционно понимают как совокупность прав и обязанностей конкретного субъекта.

Разделяя приведенные точки зрения на статус информационных посредников, Д. В. Лоренц приводит ряд признаков, по его мнению, характеризующих указанный статус, в числе которых следующее:

- технический характер оказываемых информационным посредником услуг, проявляющийся в том, что данный субъект фактически делает возможными гражданские правоотношения в сети Интернет;
- нейтральность и пассивность оказываемых информационным посредником услуг по отношению к информации, выражающиеся в том, что данный субъект самостоятельно не использует и не изменяет информацию;
- наличие у информационных посредников возможности, в том числе технологической, предпринимать меры, направленные на устранение нарушений относительно информации [3, с. 161].

Изложенное позволяет нам заключить, что норма п. 1 ст. 1253.1 ГК РФ в настоящее время выступает предметом дискуссий в отечественной правовой науке, поскольку она не позволяет однозначно квалифицировать конкретных субъектов как информационных посредников. В то же время, по мнению А. А. Мишина, российский законодатель намеренно установил только общие критерии квалификации субъекта в качестве информационного посредника, поскольку информационные технологии изменяются стремительно, и строгому перечню информационных посредников неизбежно периодически требовались бы изменения [4, с. 51].

Действительно, судебные органы, учитывая отмеченную специфику нормы п. 1 ст. 1253.1 ГК РФ, нередко толкуют ее в сторону расширения, в связи с чем признают информационными посредниками владельцев сайтов, администраторов домена, администраторов социальных сетей и т. д. [8, 9]. В то же время российские суды все же аккуратно выстраивают границы данного понятия. Так, по одному из дел суд указал, что информационным посредником не является владелец сайта, поскольку на его сайте какая-либо идентификация пользователя не предусмотрена, решения для защиты исключительных прав не предусмотрены, наличие пользовательского соглашения не освобождает его от ответственности за нарушения им прав на интеллектуальную собственность [7]. Соответственно, нельзя не согласиться с Д. В. Лоренцом в том, что суды, рассматривая подобные дела, исходя из судебного усмотрения самостоятельно делают выводы, является ли определенная деятельность информационным посредничеством [3, с. 138].

Таким образом, исходя из действующего гражданского законодательства, информационные посредники представляют собой лиц, которые оказывают информационные и иные услуги другим субъектам по специальным договорам, обеспечивают реализацию информационных прав пользователей и обладателей информации и т. д. По сути, гражданско-правовой статус информационных посредников определяется реализацией ими определенного информационного правомочия, а именно – идентификации пользователей, обеспечения права на доступ к информационным ресурсам, а также распространения информации. Примечательно при этом то, что действующее гражданское законодательство

не содержит принципиально важной составляющей гражданско-правового статуса рассматриваемых субъектов – перечня их прав и обязанностей, что является существенным его недостатком, требующим устранения.

Библиографический список

1. Гаврик А. Е. Правовой анализ статуса информационных посредников // Эпомен. 2020. № 38. С. 55–59.
2. Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации» (ч. 4) (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
3. Лоренц Д. В. Информационные посредники (провайдеры) в России и зарубежных странах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 5.
4. Мишин А. А. Актуальные вопросы правового статуса информационного посредника // Вестник науки и образования. 2019. № 21-2 (75). С. 50–54.
5. Непомнящая Н. А. Гражданско-правовое регулирование деятельности информационных посредников : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
6. Нуруллаев Р. Т. Информационный посредник как субъект информационного права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
7. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16 ноября 2020 г. № С01-1383/2020 по делу № А40-326319/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 1 февраля 2021 г. № С01-1488/2020 по делу № А40-60253/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 5 февраля 2021 г. № С01-1812/2020 по делу № А56-132442/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Чубукова С. Г. Цифровая трансформация системы субъектов информационного права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12 (64). С. 74–81.

Крысанова-Кирсанова И. Г.¹,
*доцент кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В условиях активно развивающейся эры цифровых технологий особое внимание следует уделить механизму правового регулирования подобных систем. Намечившиеся тенденции дают основания утверждать, что цифровые технологии придают импульс правовому механизму для вынужденной трансформации. Одной из передовых технологий стал искусственный интеллект. На современном этапе все экономически развитые страны мира стремятся к развитию этого направления, считая его стратегически важным в контексте национальной безопасности. Искусственный интеллект нашел широкое применение в различных областях, а его использование становится важнейшим фактором развития цифровой экономики передовых государств.

Применение искусственного интеллекта нашло широкое применение в таких областях, как медицина, образование, охрана окружающей среды, банковская сфера, транспорт. Особое опасение вызывают возможные угрозы его применения, а еще большей проработки требуют нормы, обеспечивающие правовые гарантии безопасного функционирования систем с использованием искусственного интеллекта.

В эпоху стремительного развития искусственного интеллекта необходимо предусмотреть механизмы, позволяющие минимизировать возможные риски и угрозы безопасности, способные обеспечить прогнозируемую разработку и правовое регулирование некоторых отношений, возникающих в связи с применением искусственного интеллекта.

Правительство Российской Федерации утвердило Концепцию развития регулирования отношений в сфере технологии искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г. «Целью Концепции является определение основных подходов к трансформации системы нормативного регулирования в Российской Федерации для обеспечения возможности создания и применения таких технологий в различных сферах экономики с соблюдением прав граждан и обеспечением безопасности личности, общества и государства. Одновременно целями Концепции являются создание предпосылок для формирования основ правового регулирования новых общественных отношений, складывающихся в связи с разработкой и применением технологий искусственного интеллекта и робототехники и систем на их основе, а также определение правовых барьеров, препятствующих разработке и применению указанных систем» [1].

Внедрение и развитие технологий искусственного интеллекта ставит серьезные вызовы перед правовой системой Российской Федерации, системой госу-

¹ © Крысанова-Кирсанова И. Г., 2021.

дарственного управления и обществом в целом. Это в первую очередь связано с независимостью действий систем искусственного интеллекта в решении поставленных задач, неспособностью воспринимать этические и правовые нормы и учитывать их при реализации вопросов, стоящих перед ними.

На сегодняшний день в нашей стране в правовой системе отсутствует специальное законодательное регулирование, способное учесть специфику применения технологий искусственного интеллекта и робототехники.

Анализируя мировой опыт, можно утверждать, что в ряде стран уже существуют первые попытки правового регулирования применения искусственного интеллекта и робототехники.

Представленная Концепция исходит из того, что для развития технологий искусственного интеллекта и робототехники необходимо создание специальной среды, доступной для безопасного развития и внедрения таких технологий, основанной на балансе интересов человека, общества, государства, компаний – разработчиков систем искусственного интеллекта и робототехники, а также потребителей подобных товаров, работ, услуг.

Одной из основных ограничений для расширения применения систем с использованием искусственного интеллекта и робототехники является отсутствие достаточной степени доверия к ним со стороны общества. Повышение степени самостоятельности таких систем, уменьшение контроля человека за процессом их применения, не очень понятный процесс принятия решений создают непонимание в обществе, связанное с ограничением правового регулирования в сфере применения систем искусственного интеллекта и робототехники.

На сегодняшний день остаются нерешенными ряд вопросов, касающихся правового регулирования технологий с применением искусственного интеллекта, такие как:

- баланс между требованиями по защите персональных данных и их использованием для обучения систем искусственного интеллекта;
- определение границ регулирования сферы использования систем с участием искусственного интеллекта;
- правовые полномочия для принятия решений системам искусственного интеллекта;
- ответственность за причинения вреда с использованием систем искусственного интеллекта;
- правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием систем искусственного интеллекта, и др.

Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о восприятии систем искусственного интеллекта с правовой точки зрения, с одной стороны, как субъект права (электронное лицо) или объект (сложный объект интеллектуальной собственности)? Единого мнения по этому вопросу нет среди цивилистов. На примере Саудовской Аравии мы можем наблюдать проявление юридической фикции, а именно наделение робота специальной правосубъектностью и получение гражданства. На примере резолюции Европейского Союза № 2015/2103 (INL) «Нормы гражданского права о робототехники» можно гово-

ритель о наделении роботов статусом электронная личность, проводя аналогию с юридическими лицами. Очевидно, такая инициатива связана с возможностью уйти от юридической ответственности, возложив на них особые права и обязанности, включая обязанность возмещения любого причиненного ими вреда. При этом особо остро встает вопрос о наделении таким качеством, как воля и возможности осуществления волевых действий у искусственного интеллекта? Чью волю транслирует вовне искусственный интеллект? Поскольку в его создании участвует целая команда специалистов (программисты, разработчики, операторы, владельцы роботов и т. д.) определить субъекта деликтных обязательств сложно. Способны ли они сами отбирать информацию из виртуального пространства и на основе ее анализа обобщать и принимать конкретные решения?

Отдельным категориям роботов, подобно другим технически сложным устройствам, необходимо будет присваивать регистрационные номера, которые будут фиксироваться в специализированном реестре, как искусственно созданные человеком субъекты права. В таком реестре должна содержаться информация о роботе, включая данные о его производителе, владельце и условиях возмещения компенсации в случае причинения вреда. Такое положение вещей наталкивает на аналогию применения договора обязательного страхования автогражданской ответственности владельцев транспортных средств при причинении вреда источником повышенной опасности.

В современном российском гражданском законодательстве отсутствуют соответствующие юридически полные определения понятий «искусственный интеллект», «робот», «электронное лицо». Для наибольшего понимания терминологии, предлагаем обратиться к национальному стандарту Российской Федерации, так, согласно п. 2.28 ГОСТ Р ИСО 8373–2014, разумный робот; робот с элементами искусственного интеллекта (intelligent robot): Робот (2.6), выполняющий работу путем считывания данных из окружающей среды, взаимодействия с внешними источниками и адаптации своего поведения [3].

Обращаясь к тексту ГОСТ Р 59277–2020 «Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта» п. 3.18 понятие «искусственный интеллект» (artificial intelligence) определяется как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение, поиск решений без заранее заданного алгоритма и достижение инсайта) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач обработки данных результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [2].

Примечание – Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных, анализу и синтезу решений.

Необходимо отметить, что знание является оценочной категорией, присущей сознанию, а информация является нейтральным показателем. Овладеть подлинными знаниями под силу только человеку, а получение и анализ информации вполне может и устройство. Оценивая искусственный интеллект как сложную систему технологических связей, являясь результатом человеческой

деятельности, мы должны наделить его способностью мыслить, принимать решения и изменять их в случае изменения внешних условий. Современные разработки в области робототехники с использованием искусственного интеллекта еще далеки от полностью независимых форм, когда они могут полностью оценить ситуацию, учесть большое количество меняющихся параметров и принять взвешенное решение с человеческой точки зрения. Автоматизированная система пытается решить поставленную задачу, используя подбор подходящего алгоритма, в конечном итоге выбранная стратегия не поддается анализу и объяснению разработчиков, поскольку не основана на человеческой логике.

Рассматривая искусственный интеллект как объект права с точки зрения объектов интеллектуальной собственности и авторского и смежных прав, включающий программы ЭВМ, базы данных, секреты производства, необходимо затронуть и нравственную сторону развития робототехники. Таким образом, разработчики должны придерживаться этических принципов при создании робототехники, применение которых должно быть направлено на достижение благого результата, а не вредоносного. При использовании таких технологий особое значение приобретает добровольное информированное согласие человека на взаимодействие с роботом, а принцип справедливости воспринимается как правильное распределение созданных при этом благ.

К сожалению, необходимо констатировать наличие правового вакуума, когда существование правового явления фактически признано, а регламентация и его правовой режим не разработаны. Очевидно, что неопределенность правовой природы такого рода систем и сложная организационная структура предопределяет системный подход в выработке единого понятийного аппарата в сфере правового регулирования искусственного интеллекта. Представляется, что роботизированное устройство является объектом гражданско-правового регулирования, в том числе права интеллектуальной собственности. А анализ законодательства Российской Федерации и мирового опыта свидетельствуют о системном определении перспектив развития и использования искусственного интеллекта в различных сферах общества (как частноправовых, так и публично-правовых отношениях) и необходимости обеспечения безопасности личности, общества и государства от возможных негативных последствий выхода из-под контроля человека искусственного интеллекта. Законодательное закрепление правового режима функционирования объектов с использованием искусственного интеллекта должно включать не только частноправовые, но и публично-правовые нормы в рамках существующих отраслей публичного права, что продиктовано необходимостью совершенствования, прежде всего административного законодательства и внесения в него соответствующих изменений.

Оценивая скорость развития цифровых технологий, можем предположить, что в ближайшей перспективе каждый из нас сможет использовать помощника оснащенного искусственным интеллектом и осуществляющего действия правового характера от нашего имени. Для превращения в реальность такой возможности необходимо провести соответствующую адаптацию правоприменительных систем по многим отраслям права.

Библиографический список

1. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008260005>.

2. Предварительный национальный стандарт Российской Федерации. Информационные технологии Интернет-вещей. Термины и определения. ИСО/МЭК 20924–2018 (ISO/IEC 20924–2018). (статья 3.2.1) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200177823>.

3. Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения. ГОСТ Р ИСО 8373–2014. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200118297>.

Колбасова Е. А.¹,

*курсант факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель: Гук В. А.,

*доцент кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОБЛЕМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

XXI век для России послужил началом масштабного развития информационных технологий. Примерно лет 10 назад, не каждый человек мог позволить приобрести на всю свою семью хотя бы один компьютер или приобрести сенсорный и многофункциональный телефон. Сейчас же у одного человека можно заметить несколько телефонов, несколько компьютеров, наличие ноутбука или планшета. Стандартные походы в магазин заменяются «онлайн заказом». Человек несколькими нажатиями клавиш телефона приобретает, не выходя из дома, определенный ряд продуктов и товаров. Технологии развиваются и появляются новые виды преступлений, мошенничеств и иных противоправных деяний. Возникают вопросы «как защитить, в первую очередь, свои денежные средства при покупке?», «как удостовериться в законности сделки?». Раз возникают вопросы, значит появляются проблемы. Именно эти проблемы я рассмотрю в своей статье.

Договор купли-продажи считается распространенным договорным отношением сторон, которое направлено на удовлетворение потребностей участников гражданского оборота и будет востребован в любом обществе всегда. Согласно нормам ст. 454 ГК РФ, договор купли-продажи – это договор, по которому одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену). Согласно п. 1 гл. 30 ГК РФ, договор купли-продажи является частым способом заключения сделок.

Предметом договора купли-продажи является товар или продукт, который продает собственник или его заменяющий. Единственным фактором договора купли-продажи является сам предмет договора. Целью данного договора является передача прав продавцом (собственником) на вещь, которая продается и служит товаром, на приобретателя этого товара.

Из-за чего же возникают проблемы заключения договора купли-продажи в интернете? Как я считаю, главной проблемой является недоработанные вопросы в этом направлении.

¹ © Колбасова Е. А., 2021.

Сейчас поиск нужного нам товара не составляет каких-либо проблем. Предприятия и магазины перешли на столько масштабный уровень, что количество искомого товара настолько разнообразно и у каждого продавца своя соответствующая цена, и условия у каждого разные. Раньше для поиска нужного нам товара можно было обойти множество магазинов и не найти нужного. Сейчас же стоит нажать один клик и товар уже в нашей корзине. Это, конечно же, является большим плюсом в развитии технологий. Намного сократилось время поиска товара, выбор и сравнение цен (а для некоторых товаров существуют приложения, в которых сравниваются цены многих товаров, а нам остается выбрать только нужного продавца и подходящую нам цену). Также совершенствование технологий позволяет пользоваться не только интернет-магазинами, находящимися на территории Российской Федерации, но и нам открываются различные выборы интернет-магазинов за ее пределами. Все это хорошо. Но, что может скрывать за собой тот или иной интернет-магазин? Часто под этими организациями скрываются мошенники, которые с легкостью заполучают наши денежные средства. Как правило, оплата товара в интернете чаще производится до его получения, это и позволяет мошенникам совершать свои незаконные мероприятия. Мы оплачиваем товар, а товар так и не получаем. Это также является проблемой.

Для заключения договора в интернете продавец уже все подготовил, когда выложил свой каталог товаров, нам остается только его оплатить. В этой сфере я предлагаю ввести на все товары обязательные ограничения, благодаря которым мы всегда сможем оплатить товар только при его получении. А именно я предлагаю убрать все требования по предоплате и полной оплате товара. Да, некоторые продавцы таких рекомендаций поддерживать либо предоставляют выбор способа оплаты полностью, только половины, оплаты только при получении.

Злоумышленники могут выступать как со стороны продавца, так и со стороны покупателя. А именно покупатель желает приобрести товар, но платить за него нет желания. Тогда покупатель находит все способы как обмануть продавца. Например, при переводе денежных средств покупатель может сделать подделку чека по операции перевода денег и уверить покупателя, что он полностью оплатил товар и потребовать от покупателя, как можно скорее, отправить ему якобы им «оплаченный» товар. Да, законодательством разработаны меры наказаний, но это не полностью обеспечивает законность.

Законодательство разрабатывает законодательные акты для регулирования отношений по покупке в интернете, но не все эти акты вступают в силу. Многие понятия не определены законом и это мешает квалифицировать деяния.

Существенной проблемой договора купли-продажи в сети Интернет является момент заключения этого договора. Я считаю, что заключенным договор будет при оплате товара, либо при определении сторонами товара, подлежащего продаже, и отправлению этого товара покупателю. А заключенным он будет при оплате уже полученного товара. При оплате товара сразу при заключении договора, исполненным он будет при получении товара покупателем.

Также самой главной проблемой будет доказывание заключения договора купли-продажи в интернете. Для этого, я считаю, следует все-таки ввести спе-

циальные электронные бланки договора, и заверять их электронными подписями (Федеральный закон «Об электронной подписи»). Также для доказывания можно приложить квитанции о переводе денежных средств на счет продавца. И переписка, которая подтвердит заключение договора.

Другой проблемой будет являться возрастное ограничение на приобретаемый товар (например, при покупке оружия, ножей, медицинских лекарств). Я считаю, для подтверждения покупателем своего возраста следует ввести обязательство, при котором он будет обязан предъявить документ, подтверждающий его личность. К примеру, можно отправлять магазином запрос в органы, которые имеют доступ к базе данных. Либо можно создать сайт, где лицо будет проявлять свою активность, только после подтверждения личности. К примеру, через тот же сайт государственных услуг. Заходя через него, у покупателей будут доступны товары, которые продаются только лицам, которые достигли определенного возраста.

Таким образом, можно сделать вывод, что развитая инфраструктура еще не до конца может обеспечивать законность действий. Я предлагаю вводить законы, которые будут подробно описывать все нюансы, возникающие при заключении договора в сети Интернет. Пример названия такого закона: «Федеральный закон о договорах купли-продажи, заключаемых в сети Интернет в Российской Федерации». В структуре предлагаю выразить все права и обязанности сторон, способы произведения оплаты товаров, риски расторжения договора, ответственность за мошенничество в этой сфере.

Библиографический список

1. Ахметьянова З. А. Гражданское право : учебник для вузов : в 3 ч. Ч. 1 / под ред. А. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. М. : Эксмо, 2009.
2. Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации» (ч. 4) (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
3. Камышанский В. П. Гражданское право : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. М. : Юнити-Дана, 2011.
4. Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2013.
5. Сергеев А. П. Гражданское право. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М. : Проспект, 2005.
6. Судебные нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://www.sudact.ru/>.
7. Филиппова Е. С. Жилищное право : учебник для вузов. М. : Юстицинформ, 2007.

Коровин Н. А.¹,
*аспирант кафедры предпринимательского права,
арбитражного и гражданского процесса
Волгоградского государственного университета*

ДОГОВОРНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Актуальность темы обусловлена необходимостью решения приоритетных государственных задач, одной из которых является – достижение достойного уровня жизни при активном участии граждан [4, с. 1]. В Российской Федерации реализуется ряд государственных программ и федеральных проектов, направленных на решение обозначенной задачи. Вместе с тем проживание на благоустроенной территории в комфортной среде, а также удовлетворение социально-бытовых потребностей граждан являются общественным запросом во многих муниципальных образованиях [12, с. 7]. Граждане вправе реализовывать собственные инициативы по вопросам местного значения посредством организации и осуществления территориального местного самоуправления в порядке, предусмотренном ст. 27 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 50 «Гражданского Кодекса Российской Федерации (части первой)» от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (далее – ГК РФ) ТОС, являясь некоммерческой организацией, может быть создано как юридическое лицо в организационно-правовой форме – общественная организация (далее – организация ТОС).

С момента государственной регистрации организация ТОС в пределах полномочий, установленных соответствующими актами органов местного самоуправления [2] и в соответствии с уставом [3], может осуществлять разрешенную законом деятельность, в том числе и направленную на создание комфортных условий на соответствующей территории, посредством участия в гражданско-правовых отношениях с субъектами предпринимательства, являясь стороной по договорам поставки товаров, оказания услуг, строительного подряда и др.

Гражданско-правовым аспектам исследуемого договорного регулирования деятельности организации ТОС в цивилистической науке уделено недостаточно внимания.

Цель публикации заключается в исследовании договора как средства правового регулирования гражданско-правовых отношений, складывающихся в процессе деятельности ТОС. Для достижения обозначенной цели предлагается решить следующие задачи: 1) рассмотреть предпосылки возникновения потребности в использовании договора, как средства правового регулирования отношений, возникающих в процессе деятельности организации ТОС; 2) разра-

¹ © Коровин Н. А., 2021.

ботать классификацию договоров, которые могут быть использованы при реализации организацией ТОС уставных целей по основанию «предмет договора»; 3) на примере одного из видов договоров, используемого при осуществлении целей деятельности организации ТОС рассмотреть юридическую конструкцию договора, проанализировать его юридическую природу, определить субъектный состав, определить содержание договора с учетом современных условий осуществления договорных отношений.

Полученные в настоящем исследовании результаты могут быть использованы в процессе теоретической подготовки и в практике лиц, участвующих в деятельности ТОС.

Методологическую основу исследования составляют общенаучный диалектический метод познания, методы анализа и синтеза, а также метод соотношения структурных элементов системы гражданского права (субъекты гражданских прав, объекты гражданских прав, право собственности) со структурными элементами договора.

Рассмотрим первую задачу. Предпосылкой возникновения потребности в использовании договора, как средства правового регулирования отношений, возникающих в процессе деятельности организации ТОС, является существование запроса на удовлетворение индивидуального и/или общественного (группового) интереса жителей в создании комфортных условий жизнедеятельности на территории осуществления территориального общественного самоуправления. Исходя из обозначенного интереса, организация ТОС может осуществлять действия, направленные на его удовлетворение (а также удовлетворение собственных нужд организации ТОС, связанных с ее функционированием), посредством реализации своих прав и обязанностей, возникающих по поводу объектов гражданских прав (вещей, результатов работ, услуг и т. д.), участвуя в гражданско-правовых отношениях с другими организациями и предпринимателями и выступая стороной по договорам купли-продажи, поставки товаров, оказания услуг, подряда, и др. Названные категории по отдельности являются структурными элементами системы гражданского права (субъекты и объекты гражданских прав, право собственности) и соотносятся со структурными элементами договора. Одним из объектов гражданских прав, подлежащих защите, может выступать жизнь и здоровье жителей, проживающих на территории ТОС. Так, С. А. Шаронов отмечает, что такие нематериальные объекты гражданского права, как жизнь и здоровье граждан, могут являться предметом договора оказания охранных услуг [9, с. 71].

Теоретики права отмечают, что одно из достоинств договора состоит в том, что он конкретизирует нормы права относительно содержания конкретного отношения с учетом воли его участников [7, с. 254]. Именно посредством договора возможно установить допустимый законодательством объем субъективных прав и обязанностей в регулируемых им правоотношениях, складывающихся по поводу совершения этими субъектами фактических действий, направленных на удовлетворение потребностей людей, проживающих на территории ТОС [8, с. 98]. Условия договора, не противоречащие положениям действующего законодательства, способны обеспечить защиту прав организации ТОС и гаранти-

руются применением мер государственного принуждения в случае нарушения его условий другим участником. Стоит отметить, что ответственность каждого из участников возникает в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения договора [6, с. 65].

Рассмотрим вторую задачу. Анализ судебной практики и анализ отчетов по реализованным в 2020 г. проектам ТОС [1] позволяет сделать вывод о том, что организация ТОС для достижения целей своей деятельности, посредством договоров использует такие виды договорных обязательств, которые способствуют: передаче имущества в собственность (пользование), оказанию услуг, производству работ. В соответствии с обозначенной классификацией, основывающейся на предмете договора, организация ТОС, реализуя свои интересы, может использовать следующие группы договоров: 1) договоры, направленные на передачу имущества в собственность или пользование: договор безвозмездного пользования нежилым помещением, договор поставки тепловой энергии [5], договоры поставки товаров (элементов детского городка, уличных тренажеров для пожилых людей), договоры купли-продажи спортивного инвентаря; 2) договоры на выполнение работ (договоры подряда): работы по благоустройству территории, работы по монтажу детской площадки, работы по ремонту тротуара; 3) договоры на оказание услуг: договор на оказание услуг по вывозу твердых бытовых отходов, договоры на оказание охранных услуг и др.

Часть договоров, заключаемых организацией ТОС, может быть связана с удовлетворением потребностей самой организации ТОС в материально-техническом обеспечении, бухгалтерском или юридическом сопровождении ее деятельности, а также связанного с исполнением требований действующего законодательства (к примеру, в части обеспечения работоспособности автоматической пожарной сигнализации в помещении организации ТОС, посредством заключения договора на техническое обслуживание такого оборудования со специализированной организацией). В соответствии с п. 4 ст. 50 ГК РФ ч. 1 организация ТОС может осуществлять предусмотренную уставом деятельность, приносящую доход [12, с. 67]. Так, организация ТОС может выступать, к примеру, арендатором по договору субаренды нежилого помещения, а ее контрагент будет являться субарендатором.

Для решения третьей задачи настоящей публикации рассмотрим договор оказания охранных услуг как средство правового регулирования отношений по защите территории ТОС от противоправных посягательств. По договору оказания охранных услуг заказчиком выступает организация ТОС, а исполнителем – охрannая организация, обе из которых являются субъектами договора. Объектом такого договора может быть защита жизни и здоровья жителей, проживающих на территории ТОС, охрана принадлежащего им имущества, охрана исторических памятников и объектов культурного наследия, обеспечение порядка при проведении массовых мероприятий (собраний, конференций, праздников и т. д.), обеспечение пропускного и внутри объектового режимов на территории ТОС. Ученые цивилисты отмечают, что «юридическая природа договора охраны как сделки проявляется: 1) в наличии письменной формы; 2) в возмездном характере договора; 3) в консенсуальности; 4) в казуальности» [10, с. 514].

Аналогичным образом проявляется и юридическая природа всех видов договоров, рассматриваемых в настоящей статье.

Среди функций договора охраны выделяют следующие: «1) регулятивная; 2) связующая; 3) юридико-фактическая; 4) охранительная; 5) интегрирующая функция; 6) инициативная; 7) разрешения споров» [10, с. 522]. Почти все эти функции относятся и к договорам поставки товаров, оказания услуг и договорам подряда. Содержание договора оказания охранных услуг обусловлено совокупностью базирующихся на принципе свободы договора, согласованных его участниками условий, основанных на конкретизации прав и обязанностей субъектов договора, которые определяют сущность договорного обязательства. Право требования организации ТОС на оказание охранной организацией услуг по охране, корреспондирует обязанности последней оказать услугу. И, наоборот, право требования охранной организации на приемку и оплату оказанных услуг организацией ТОС, корреспондирует обязанности последней принять и оплатить оказанную услугу в соответствии с согласованной сторонами стоимостью услуги. В результате неисполнения или ненадлежащего исполнения договора наступает ответственность, пределы которой установлены договором и/или нормативными актами в соответствующей сфере правового регулирования. Ответственность применяется для восстановления нарушенных прав участников договора. Порядок использования современных цифровых инструментов (обмен документацией посредством эл. почты, подача электронных заявок / заказов на выполнение услуг, подписание документов квалифицированной электронной подписью) при осуществлении договорных отношений с участием организации ТОС и возникающие в результате такого использования правовые последствия, необходимо подробно отражать в условиях договора.

Подводя итоги публикации, можно сделать следующие выводы:

1. Договор обеспечивает необходимую защиту и гарантию прав организации ТОС при осуществлении действий, направленных на удовлетворение социально-бытовых потребностей жителей ТОС и реализуемых посредством приобретения указанных в предмете договора материальных благ (объектов гражданского права: вещей, имущества, результата работ или услуг). Именно заинтересованность в гарантированном получении конечного результата (к примеру, результата строительства или ремонта какого-либо материального объекта) [11, с. 210], обозначенного в предмете договора, и является ключевой предпосылкой для использования такого средства правового регулирования. Подробно и точно сформированные и истолкованные в договорах условия договорных обязательств, способствуют эффективной защите прав и интересов организации ТОС (действующей в интересах граждан, проживающих на территории ТОС) и других участников гражданского оборота.

2. При реализации организацией ТОС уставных целей могут быть использованы следующие виды договоров: 1) договоры, способствующие передаче имущества (вещей) в собственность или пользование; 2) договоры на выполнение работ; 3) договоры на оказание услуг. По этим видам договоров организация ТОС имеет обязательства, связанные с оплатой контрагентам договорной цены за получаемые материальные блага (за исключением договоров безвоз-

мездной передачи имущества), обусловленные предметом договоров. Анализ судебной и договорной практики показал, что в процессе осуществления деятельности ТОС нечасто применяются договоры, связанные с получением доходов от осуществляемой организацией ТОС деятельности. Предполагается, что организация ТОС может заключать договоры, предметом которых будут выступать нематериальные блага: жизнь и здоровье по договору оказания охранных услуг, результаты творческой деятельности по договору создания гимна ТОС и т. п.

3. В настоящее время в условиях пандемии у ТОС появилась новая задача – обеспечить режим противоэпидемиологических мероприятий. Это можно сделать в том числе и при помощи договора оказания охранных услуг, потому что у него есть такой предмет, как обеспечение режимов. Заключение договора охранных услуг снижает угрозу терактов и, обладая интегрирующей функцией, может содействовать реализации «антитеррористической функции государства» [10, с. 522–523]. Проявляющаяся в договоре охранных услуг юридическая природа и функции договора, присущи и другим видам договоров, используемых в деятельности организации ТОС. Рассмотренный на примере договора охранных услуг принцип корреспондирования каждому праву соответствующей обязанности, применим и для договоров купли-продажи, поставки, подряда, оказания услуг. Организация ТОС в соответствии с уставом [3] отвечает по своим обязательствам (в том числе внедоговорным, возникшим вследствие причинения вреда) имеющимся в собственности имуществом. Применение организациями ТОС новейших цифровых технологий и сервисов позволит эффективно осуществлять деятельность таких организаций. Очевидно, что назрела потребность привести нормы действующего законодательства в соответствие с современной практикой использования цифровых технологий.

Библиографический список

1. Отчеты проектов ТОС Иркутской области, реализованных в 2020 г. // URL: https://irkobl.ru/sites/regpolicy/public/dela_tos/.
2. Положение о территориальном общественном самоуправлении в г. Омске, утверждено решением Омского городского Совета от 7 июня 2006 г. № 366 // URL: <https://ktosomsk.ru/docs/>.
3. Примерный устав территориального общественного самоуправления (с учетом Решения Омского городского Совета от 16.07.2014 № 266) // URL: <https://ktosomsk.ru/docs/primernyy-ustav-territorialnogo-bshchestvennogo-samoupravleniya/>.
4. Путин В. В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. 2020. № 7.
5. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 13 августа 2020 г. по делу № А57-6882/2020 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/HPrCRrIp7IbL/>.
6. Рузанова Е. В. Гражданско-правовые обязательства: понятие и классификационные критерии // Юридический вестник СамГУ. 2015. Т. 1. № 4. С. 59–68.
7. Теория государства и права : учебник / под ред. А. А. Клишаса. М. : Статут, 2019.

8. Шаронов С. А., Коровин Н. А. Гражданско-правовые аспекты правоотношений, складывающихся по поводу деятельности территориального общественного самоуправления // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 5А. С. 92–101.

9. Шаронов С. А. Договор на оказание услуг частной охранной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006.

10. Шаронов С. А. Концепция гражданско-правового регулирования охранной деятельности в Российской Федерации : монография. М. : Юстицинорм, 2014.

11. Шипилова Д. С. Материальные и нематериальные блага, как объекты гражданских прав // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 6–3. С. 210–212.

12. Шугрина Е. С., Иванова К. А. О состоянии территориального общественного самоуправления в Российской Федерации (к 30-летию первых российских ТОС). Спецдоклад. М. : Проспект, 2018.

Крюкова Е. С.¹,

доцент кафедры гражданского

и предпринимательского права

Самарского национального исследовательского университета

имени академика С.П. Королева,

кандидат юридических наук, доцент

Кудашева П. С.²,

магистрант юридического института

Самарского национального исследовательского университета

имени академика С.П. Королева

МЕДИЦИНСКИЕ УСЛУГИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Информационные процессы пронизывают все сегменты медицинской сферы. От их упорядоченности зависит успешное функционирование отрасли в целом, эффективность управления ею, качество предоставляемых гражданам услуг и степень защищенности их прав и интересов. Безусловно, весомую роль в налаживании информационных механизмов играет всестороннее и четкое правовое регулирование.

На сегодняшний день сферу услуг можно отнести к числу самых многообразных и быстро эволюционирующих секторов отечественной экономики, не составляют исключения и медицинские услуги. На современном этапе как на российском рынке услуг, так и за рубежом появляются новые виды медицинских услуг, отдельные направления разветвляются, обновляются формы взаимодействия с пациентами. В науке гражданского права неоднократно подчеркивалось, что жизнь и здоровье потребителя медицинских услуг (особенно вновь появившихся направлений) сегодня особо уязвимы [9, с. 3]. А потому особенно важна четкая регламентация медицинских отношений в условиях цифровизации и расширения информационного пространства.

Понятие и признаки медицинской деятельности закреплены в ст. 2 Федерального закона 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон об основах охраны здоровья), согласно положениям которой она представляет собой профессиональную деятельность по оказанию медицинской помощи, проведению медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий и деятельность, связанная с трансплантацией (пересадкой) органов и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях. Базовой составляющей медицинской деятельности в законе названа «медицинская помощь», т. е. комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг. В литературе по вопросу о соотношении указанных понятий сложилось несколько подходов [4, с. 459; 5, с. 57]. Учитывая, что медицинская помощь, по-

¹ © Крюкова Е. С., 2021.

² © Кудашева П. С., 2021.

мимо медицинских услуг, осложнена дополнительными разнородными элементами (организационными, техническими, реабилитационными), обеспечивающими указанный процесс, следует согласиться с авторами, рассматривающими это понятие в качестве родового [2, с. 44].

Кроме того, медицинская услуга обособлена, имеет пределы (границы), что позволяет определить деятельность по ее оказанию в качестве объекта гражданского оборота. Указанная черта положена в основу классификации медицинских услуг на простые, сложные и комплексные, последние две группы требуют привлечения врачей-специалистов, специального оборудования и т. п. Таким образом, любая медицинская услуга представляет собой законченное действие, проводимое медицинским работником в отношении пациента. Медицинская помощь, в свою очередь, объединяет разнородные действия медицинского и немедицинского характера, выполняемые в отношении одного или нескольких пациентов, она состоит из этапов, объединяемых в единый, но при этом разноплановый процесс.

Любая услуга характеризуется целью (назначением), социальной значимостью, собственным субъектным составом, содержанием, способом, местом и сроками исполнения действий. В составе участников правоотношений, возникающих в сфере медицинских услуг, можно выделить исполнителей медицинских услуг (при этом следует обособить медицинские организации любой организационно-правовой формы и медицинский персонал), пациентов (заказчики, услугополучатели) и опосредующих оказание медицинской помощи субъектов (страховые организации, страхователи; вспомогательные подразделения). В законе закреплены повышенные требования к исполнителю в договоре оказания медицинских услуг. Любая организация, оказывающая медицинские услуги, обязана соблюдать ряд требований, в числе которых – получение лицензии.

Важной характеристикой медицинской услуги является также ее отнесение к числу потребительских. Согласно преамбуле Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», потребителем считается «гражданин, использующий услуги исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности»; «исполнителем считается организация... оказывающая услуги потребителям по возмездному договору», а значит, на них распространяется законодательство по защите прав потребителей.

Предоставление услуг должно быть опосредовано заключением договора. Отсутствие последнего может негативно сказаться на возможности предъявления гражданином требований и претензий по качеству услуги и не позволит пострадавшему взыскать с исполнителя услуги ущерб в соответствии с законодательством Российской Федерации об охране здоровья граждан. Именно договор, по мнению большинства исследователей, выступает своеобразным связующим звеном между пациентом (заказчиком медицинских услуг) и медицинской организацией (медицинскими работниками) [6, с. 15]. При этом не стоит забывать, что ряд видов медицинской помощи не опосредованы договорными отношениями между сторонами, а в некоторых случаях даже не требуют волеизъявления гражданина, в частности оказание экстренной медицинской

помощи (внезапные острые заболевания, обострение хронических заболеваний, представляющих угрозу жизни пациента и пр.).

В доктрине под договором оказания медицинских услуг понимается соглашение сторон, по которому одна из них – исполнитель (медицинская организация) обязуется оказать другой стороне – заказчику (пациенту) медицинские услуги в соответствии с порядком оказания медицинской помощи, обязательным для исполнения на территории Российской Федерации всеми медицинскими организациями, а также на основе стандартов медицинской помощи, а тот, в свою очередь, выполнить все зависящие от него действия, необходимые для достижения цели договора, а при наличии такого условия произвести оплату оказанных медицинских услуг [7]. Согласно ГК РФ стороны договора оказания медицинских услуг можно именовать так же, как и субъектный состав договора возмездного оказания любых других специально не урегулированных в ГК РФ услуг, т. е. заказчик (потребитель, услугополучатель) и исполнитель (услугодаватель), а учитывая медицинский характер услуги – медицинская организация и пациент.

Важно отметить, что заключение договора оказания медицинских услуг сопровождается целым комплексом предварительных действий сторон. Так, потребитель (заказчик) уведомляется о возможности получения бесплатной медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи и территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. Потребитель должен в письменной форме дать согласие на медицинское вмешательство в отношении каждой медицинской услуги, указанной в договоре. Потребитель (заказчик) должен быть проинформирован о том, что несоблюдение указаний или рекомендаций медицинской организации, в том числе режима лечения, может снизить качество предоставляемой услуги, повлечь за собой невозможность ее завершения в срок или отрицательно сказаться на состоянии здоровья потребителя.

Договор возмездного оказания медицинских услуг признается публичным договором, что получило подтверждение в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 2002 г. № 115-0. Прямого указания на отнесение договора оказания медицинских услуг к числу договоров присоединения законом не предусмотрено, но фактически возможна его соответствующая квалификация, учитывая тот факт, что гражданам предлагаются типовые формы договора, условия которого уже определены медицинской организацией.

Информатизация охватывает множество составляющих системы здравоохранения, включая информационные базы различного уровня (централизованные и локальные), применение компьютерных технологий при проведении отдельных процедур и лечения в целом, телемедицину и пр. В числе прочего применительно к договорной конструкции оказания медицинских услуг можно выделить несколько правовых проблем, возникших в условиях информатизации отрасли.

Так, касательно вопроса о форме названной сделки, считаем, что внедрение электронного документооборота полезно в оформлении договорных конструк-

ций, сопровождающих медицинские услуги. При этом, с одной стороны, такая вариативность облегчает процесс взаимодействия сторон, но с другой – учитывая значимость предварительных действий сторон, определяющих надобность заключения договора и его содержательное наполнение, при применении электронной формы могут возникнуть трудности практического характера, связанные с обозначением места заключения договора, доказуемостью самого факта его заключения, сохранностью и неизменностью закрепляемых в нем данных, установлением истинного волеизъявления лица, сохранением врачебной тайны и т. п. Но это скорее проблемы введения электронной формы сделок в целом, которые должны быть решены законодателем не только относительно медицинских услуг.

В части прав и обязанностей сторон по договору согласны с авторами, подчеркивающими важность и необходимость усиления роли информационных прав пациента и соответствующих обязанностей медицинской организации) [8, с. 81], они касаются как в целом всей системы здравоохранения, так и конкретной оказываемой ему услуги. Так, согласно ст. 23 Закона об охране здоровья граждане вправе получать достоверные и своевременные данные о санитарно-эпидемиологической обстановке, рациональных нормах питания, побочных действиях препаратов, их взаимодействии между собой и пр. Пациент вправе ознакомиться с информацией о самой организации и ее деятельности: наименование юридического лица, адрес места нахождения юридического лица, сведения о лицензии на осуществление медицинской деятельности, перечень платных медицинских услуг с указанием цен, режим работы и др. Требуется особый подход и необходимость добровольного информирования пациента обо всех возможных негативных последствиях вмешательств на фоне желательной экономической эффективности деятельности медицинской организации в целом) [3, с. 21].

Ключевой составляющей оказания медицинской помощи гражданам выступает институт добровольного информированного согласия пациента на медицинское вмешательство (ст. 20 Закона основах охраны здоровья). Обозначенный закон содержит совокупность модернизированных правил применительно к форме и содержанию такого согласия и позволяет выразить его в виде подписанного соответствующими лицами документа на бумажном носителе либо в форме электронного документа. Такой подход, безусловно, облегчит внедрение новых форматов оказания медицинских услуг, но может поставить под сомнение добровольность действий пациента, а потому требует детальной регламентации.

Еще один остро возникающий вопрос касается структуры взаимоотношений и разграничения сфер ответственности при оказании медицинских услуг посредством телемедицины. Это одно из новейших направлений развития медицины, которое базируется на методах дистанционного оказания медицинской услуги, использовании телекоммуникационных технологий. В доктрине названы несколько свойственных такой альтернативной форме организации медицинской помощи черт: применение технологического инструментария для оборота медицинской информации, наличие телекоммуникационных сетей, обеспечивающих взаимодействие участников процедуры, использование про-

граммного обеспечения и привлечение для оказания медицинской помощи группы специалистов, причем не только медиков) [1, с. 6].

Субъектный состав медицинской услуги, оказываемой посредством телемедицинских технологий, может включать помимо пациента несколько специалистов, работающих в различных медицинских учреждениях, в том числе за рубежом, помимо этого, в процесс вовлекаются лица, обеспечивающие применение информационных технологий. Следовательно, возникает надобность более жесткого регулирования форм взаимоотношений между ними с четким разграничением обязанностей и ответственности всех участников складывающихся отношений. Не менее значима и разработка унифицированного понятийного аппарата в области телемедицины с использованием опыта и терминологии международного законодательства. Эти меры помогут, как полагаем, наладить договорные процессы трансграничных медицинских услуг в целом.

Библиографический список

1. Блажис А. К., Дюк В. А. Телемедицина. СПб. : СпецЛит, 2001.
2. Еремин Г. Б. Базовая терминология в здравоохранении. Значение и применение // Менеджер здравоохранения. 2011. № 11. С. 41–46.
3. Королькова Т. Н., Дубовая Е. Г. Правовые особенности косметологических услуг // Медицинское право. 2010. № 2. С. 21–24.
4. Лисицын Ю. П. Общественное здоровье и здравоохранение : учебник. М. : ГЭОТАР-Медиа.
5. Пронин И. А. Соотношение понятий «помощь» и «услуга» в медицине: анализ гражданского законодательства // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 1. С. 57–60.
6. Старчиков М. Ю. Договор оказания медицинских услуг: правовая регламентация, рекомендации по составлению, судебная практика и типовые образцы. М. : Инфотропик Медиа, 2017.
7. Старчиков М. Ю. К вопросу об определении понятия договора оказания медицинских услуг // СПС «КонсультантПлюс».
8. Тарасенкова А. Н. Информационное право: возрастная маркировка, цифровая безопасность и другие вопросы. М. : Редакция Российской газеты, 2019.
9. Шолом Е. А. Договор возмездного оказания косметологических услуг : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010.

Кулешова А. Н.¹,
*адъюнкт кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ДОГОВОР ПОСТАВКИ НЕФТИ И НЕФТЕПРОДУКТОВ: ЕГО ОСОБЕННОСТИ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ

В современном законодательстве и научной доктрине в настоящее время нерешенная проблема правовой природы отношений, связанных с передачей нефти и нефтепродуктов в собственность. Пробелы в правовом регулировании этих отношений, а также проблемы в теории вызывают необходимость проведения исследования.

Договор поставки является разновидностью договора купли-продажи, в связи с чем к нему применяются нормы гл. 30 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), однако договор поставки является очень объемным и нуждается в более конкретной детализации, поэтому законодатель выделил его в отдельный третий параграф. Тем не менее в законодательстве отсутствует норма, регулирующая именно отношения по поставке нефти и нефтепродуктов, поэтому зачастую их путают с договором энергоснабжения, так как п. 2 ст. 548 ГК РФ [1] предусмотрено, что к отношениям, связанным со снабжением через присоединенную сеть нефтью и нефтепродуктами, действуют нормы о договоре энергоснабжения, если иное не предусмотрено законом. Помимо этого, не следует забывать и о принципе свободы договора, допускающем конструирование договоров, не предусмотренных ГК РФ, но соответствующих основным началам гражданского законодательства [4].

Можно выделять ряд мнений ученых, одни из которых придерживаются точки зрения, что договор снабжения нефтью и нефтепродуктами следует относить к договору энергоснабжения [3], а другие полагают, что это сделано для того, чтобы компенсировать отсутствие в законодательстве положений, регулирующих договор поставки нефти и нефтепродуктов [2]. Безусловно, следует учитывать существенные условия этих двух договоров и исходя из того, что договор поставки нефти и нефтепродуктов может быть частным и публичным, а договор энергоснабжения только публичным то, следовательно, нельзя согласиться с первым мнением.

Особенностью договора поставки нефти и нефтепродуктов является его субъектный состав, а именно поставщик и покупатель должны заниматься предпринимательской деятельности и не использовать товар для домашних, личных, семейных нужд.

Еще одной особенностью договора является его специфический объект – нефть. В договоре поставки нефти и нефтепродуктов обязательно должны быть прописаны все существенные условия, такие как количество, качество нефти, ее технические характеристики и т. д. Если рассмотреть судебную практику по данному вопросу [5, 6], то можно столкнуться с тем, что данные условия ука-

¹ © Кулешова А. Н., 2021.

зывают не точно, не в полном объеме, в связи с чем договор считается недействительным.

Кроме того, не следует забывать, что нефть является опасным грузом, которой присущи свои физические и химические свойства. В связи с чем стоит отметить еще одну специфику договора поставки нефти и нефтепродуктов, которая происходит во время ее транспортировки по магистральному трубопроводу, где происходит потеря ее индивидуальных особенностей (так как нефть смешивается с другой транспортированной нефтью и получается так называемый су-рогат), а также естественные потери (остатки которые остаются на стенках труб при транспортировке и др.).

Вместе с тем спецификой является заключение рамочного договора перед тем, как подписать основной. Данная форма договора введена относительно недавно в ГК РФ ст. 429.1 [1], в которой предусмотрено, что рамочным договором (договором с открытыми условиями) является договор, определяющий общие условия обязательственных взаимоотношений сторон, которые могут быть конкретизированы и уточнены сторонами путем заключения отдельных договоров, подачи заявок одной из сторон или иным образом на основании либо во исполнение рамочного договора. Иными словами, стороны могут определить условия договора поставки нефти и нефтепродуктов (цена, срок и условия поставки, наименование товара, и количество поставок, ответственность сторон и т. д.), которые в дальнейшем будут действовать в основном договоре поставки нефти и нефтепродуктов. Но рамочный договор не обязывает стороны заключать основной договор.

В заключении следует сказать, что перечисленные выше особенности и отличительные черты договора поставки нефти и нефтепродуктов должны быть учтены в законодательстве и внесены необходимые изменения или поправки для устранения разногласий и противоречий между схожими по своей природе договорами, которые возникают исходя из-за сложности такого объекта, как нефть.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации» (ч. 4) (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Договоры о передаче имущества. Книга вторая. М. : Статут. 2002.
3. Гражданское право : учебник. Ч. 2 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М. : Проспект, 2001.
4. Дерюгина Т. В. Место принципа свободы договора в системе принципов гражданского права // Актуальные проблемы ведомственной цивилистики (к 50-летию Волгоградской академии МВД России) : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 12 мая 2017 г. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2017.
5. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 16 апреля 2008 г. № А74-957/07-Ф02-648/08 по делу № А74-957/07.
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 22.05.2018 № Ф08-2789/2018 по делу № А53-9869/2017.

*Левкина Е. С.¹,
преподаватель кафедры
гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА С РАБОТНИКАМИ, НЕ ДОСТИГШИМИ ВОЗРАСТА 18 ЛЕТ

Несовершеннолетние (лица, не достигшие 18 лет) в силу своего возраста относятся к категории работников, нуждающихся в особой защите. Так, Конвенция ООН о правах ребенка, ратифицированная постановлением Верховного Совета СССР от 13 июня 1990 г. № 1559-І, предусматривает, что государства-участники должны четко регламентировать условия привлечения детей к труду. Трудовым законодательством Российской Федерации в отношении несовершеннолетних установлен целый комплекс ограничений по приему на работу, условиям труда, расторжению трудового договора и т. д. Указанные ограничения нельзя считать дискриминационными, поскольку они вызваны особой заботой об этих лицах (ст. 3 ТК РФ). В настоящей статье автор систематизирует и рассматривает нормы ТК РФ, направленные на регулирование труда данной категории работников. Заключение трудового договора возрастные ограничения. [1, с. 563].

По общему правилу лица, достигшие возраста 16 лет, могут вступать в трудовые отношения в качестве работников (ч. 3 ст. 20 ТК РФ). Вместе с тем допускается заключение трудового договора и с работниками более юного возраста. Согласно ч. 2 ст. 63 ТК РФ трудовой договор может быть заключен с работником по достижении им возраста 15 лет, если соискатель: получил основное общее образование; продолжает осваивать программы основного общего образования по иной форме обучения, чем очная. Это может быть очно-заочная (вечерняя), заочная форма обучения или обучение в форме экстерната (данное положение было включено в ТК РФ Федеральным законом от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ); оставил обучение в общеобразовательном учреждении. Несовершеннолетний может оставить обучение в двух случаях: самостоятельно по согласию родителей (законных представителей) и органа управления образованием; либо он исключен по решению органа управления образовательного учреждения за совершение противоправных действий, грубые и неоднократные нарушения устава образовательного учреждения (ст. 19 Закона Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании»). Подтверждением того, что подросток оставил образовательное учреждение, является справка, которую образовательные учреждения выдают лицам, не завершившим основное общее, среднее (полное) общее образование (постановление Правительства Российской Федерации от 19 марта 2001 г. № 196 «Об утверждении типового положения об общеобразовательном учреждении») [2, с. 15].

¹ © Левкина Е. С., 2021.

Заклучение трудового договора с подростками, достигшими 15 лет, допускается для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда здоровью такого работника. В соответствии с ч. 3 ст. 63 ТК РФ трудовой договор может быть заключен и с подростком, достигшим возраста 14 лет. При этом необходимо соблюдение следующих условий: работник, достигший возраста 14 лет, является учащимся; работа, на которую трудоустраивается подросток, относится к категории легкого труда, не причиняющего вреда здоровью; выполнение работы должно производиться только в свободное от учебы время и не нарушать процесс учебы (желательно получить справку из учебного учреждения о расписании учебных занятий, что позволит избежать нарушения установленного порядка – привлечения подростка к труду, установленного ТК РФ); на заключение трудового договора с таким работником получено согласие родителя (опекуна, попечителя) и органа опеки и попечительства. Несмотря на то, что ТК РФ не устанавливает, в какой именно форме – устной или письменной – должно быть получено данное согласие, желательно получить письменное согласие, что поможет в будущем избежать споров о правомерности трудоустройства 14-летнего работника. Подобное согласие может быть оформлено в качестве письма или заявления о согласии на работу несовершеннолетнего, подписанное кем-то из родителей и руководителем (уполномоченным лицом) органа опеки и попечительства по месту жительства юного работника. Поскольку ТК РФ не определяет форму выражения родителями своего согласия на работу их ребенка, то согласие родителя (опекуна, попечителя) может быть изложено и непосредственно в трудовом договоре после подписей представителя работодателя и работника. На практике распространение получил именно такой вариант представления согласия законных представителей подростка. Следует отметить, что для заключения трудового договора требуется согласие только одного из родителей, тогда как для заключения несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет гражданско-правового договора (например, договора подряда) требуется согласие обоих родителей (п. 1 ст. 26 ГК РФ). Основанием для дачи согласия органа опеки и попечительства на заключение трудового договора может быть как обращение самих родителей, так и работодателя. Что касается лиц в возрасте до 14 лет, то с ними также может быть заключен трудовой договор в организациях кинематографии, театрах, театральных и концертных организациях, цирках (ч. 4 ст. 63 ТК РФ). При этом заключение трудового договора допускается только для их участия в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений причем лишь в вышеуказанных организациях (соответственно, использование детей в качестве младшего технического персонала и т. п. не допускается) [3, с. 56].

После заключения трудового договора работодатель должен оформить приказ о приеме на работу, ознакомить с ним несовершеннолетнего под роспись, провести инструктаж по охране труда, ознакомить подростка с правилами внутреннего распорядка, иными локальными актами организации (а при необходимости оформить трудовую книжку и пенсионное свидетельство). Медицинский осмотр, испытательный срок Лица, не достигшие возраста 18 лет, при заключении трудового договора подлежат обязательному медицинскому

осмотру (обследованию) (ст. 69, ч. 1 ст. 266 ТК РФ). В дальнейшем до достижения совершеннолетия такие работники подлежат ежегодному обязательному медицинскому осмотру (обследованию). [4, с. 51]. Осмотры (обследования) проводятся за счет средств работодателя (ч. 2 ст. 266 ТК РФ). Цель медицинского осмотра – определить, соответствует ли состояние здоровья несовершеннолетнего кандидата работе, на которую он претендует. Таким образом, дополнительно к перечисленным выше документам, необходимым для заключения трудового договора, несовершеннолетним предоставляется справка о прохождении медицинского осмотра. При приеме на работу несовершеннолетних работников испытательный срок не устанавливается (ст. 70 ТК РФ). После принятия подростка на работу работодатель обязан уплачивать с его заработной платы налог на доходы физических лиц, единый социальный налог, взносы на обязательное пенсионное страхование, взносы на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве. Время работы несовершеннолетнего, в течение которого производилась уплата взносов на обязательное пенсионное страхование, засчитывается в страховой стаж для назначения пенсии по старости (ст. 10 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»). Учитывая особенности данной категории работников, действующее трудовое законодательство устанавливает повышенные требования к условиям труда несовершеннолетних. Согласно ч. 1 ст. 265 ТК РФ запрещается привлечение несовершеннолетних к работам с вредными и (или) опасными условиями труда, подземным работам; работам, выполнение которых может причинить вред их здоровью и нравственному развитию (игорный бизнес, работа в ночных кабаре и клубах, производство, перевозка и торговля спиртными напитками, табачными изделиями, наркотическими и иными токсическими препаратами). Кроме того, запрещается переноска и передвижение несовершеннолетними работниками тяжестей, превышающих установленные для них предельные нормы (ч. 2 ст. 265 ТК РФ). Перечень работ, на которых нельзя применять труд работников, не достигших возраста 18 лет, утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 25 февраля 2000 г. № 163 «Об утверждении перечня работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда лиц моложе восемнадцати лет». Нормы нагрузок определены постановлением Минтруда и соцразвития Российской Федерации от 7 апреля 1999 г. № 7 «Об утверждении норм предельно допустимых нагрузок для лиц моложе восемнадцати лет при подъеме и перемещении тяжестей вручную». Несовершеннолетних работников нельзя привлекать к работам, выполняемым вахтовым методом (ст. 298 ТК РФ), и по совместительству (ст. 282 ТК РФ). Также несовершеннолетние не могут устроиться на работу в религиозную организацию (ст. 342 ТК РФ). Кроме того, лица моложе 18 лет не могут быть приняты на: должность государственной гражданской службы (ст. 21 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»); должность муниципальной службы (ст. 16 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»). Определенные гарантии установлены для

указанной категории работников и касательно направления их в служебные командировки, привлечения к сверхурочной работе, работе в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни. В частности, подобные действия в отношении несовершеннолетних не допускаются, даже при наличии согласия самого несовершеннолетнего (ст. 268 ТК РФ). Исключение составляют случаи, когда несовершеннолетние: относятся к творческим работникам средств массовой информации, организаций кинематографии, теле- и видеосъемочных коллективов, театров, театральных и концертных организаций, цирков; участвуют в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений или являются профессиональными спортсменами. Перечень соответствующих работ, профессий и должностей утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2007 г. № 252 «Об утверждении Перечня профессий и должностей творческих работников средств массовой информации, организаций кинематографии, теле- и видеосъемочных коллективов, театров, театральных и концертных организаций, цирков и иных лиц, участвующих в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений, особенности трудовой деятельности которых установлены Трудовым кодексом Российской Федерации». Рабочее время помимо перечисленных ограничений, для несовершеннолетних работников установлена сокращенная продолжительность: рабочего времени. Напомним, что нормальная продолжительность рабочего времени составляет 40 часов в неделю (ст. 91 ТК РФ). В соответствии со ст. 92 ТК РФ сокращенная продолжительность рабочего времени устанавливается: для работников в возрасте до 16 лет – не более 24 часов в неделю; для работников в возрасте от 16 до 18 лет – не более 35 часов в неделю; для работников в возрасте до 16 лет, продолжающих учебу в образовательном учреждении и работающих в свободное от учебы время, – не более 12 часов в неделю; для работников в возрасте от 16 до 18 лет, продолжающих учебу в образовательном учреждении и работающих в свободное от учебы время, – не более 17,5 часов в неделю. ежедневной работы (смены). Для несовершеннолетних лиц продолжительность ежедневной работы (смены) в соответствии со ст. 94 ТК РФ не может превышать: для работников в возрасте от 15 до 16 лет – 5 часов; для работников в возрасте от 16 до 18 лет – 7 часов; для учащихся общеобразовательных учреждений, образовательных учреждений начального и среднего профессионального образования, совмещающих учебу с работой, в возрасте от 14 до 16 лет – 2,5 часов; для указанной категории учащихся, совмещающих учебу – с работой, в возрасте от 16 до 18 лет – 4 часов. Справка при приеме на работу несовершеннолетнего в возрасте от 15 до 16 лет продолжительность его работы не может превышать 5 часов в день и 24 часов в неделю. Таким образом, при пятидневной рабочей неделе подросток может трудиться 4 дня по 5 часов и пятый день 4 часа либо все 5 дней по 4 часа 12 минут. Справка при приеме на работу несовершеннолетнего в возрасте от 16 до 18 лет продолжительность его работы не может превышать 7 часов в день и 35 часов в неделю. Следовательно, при пятидневной рабочей неделе они могут выполнять свою трудовую функцию по 7 часов в день. Однако если этот подросток совмещает работу с учебой, то он может работать не более 17,5 часов в неделю и не более 4 часов в день. Соответствен-

но, при пятидневной рабочей неделе его рабочий день не должен быть более 3,5 часов. Что касается подростков, относящихся к творческим работникам средств массовой информации, организаций кинематографии, теле- и видеосъемочных коллективов, театров, театральных и концертных организаций, цирков, участвующих в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений, или являющихся профессиональными спортсменами, продолжительность их ежедневной работы (смены) может устанавливаться коллективным договором, локальным нормативным актом, трудовым договором. Трудовая деятельность несовершеннолетних также может осуществляться по гибкому графику (ст. 102 ТК РФ). При работе в режиме гибкого рабочего времени начало, окончание или общая продолжительность рабочего дня (смены) определяются по соглашению сторон. Кроме того, подростки могут трудиться на условиях неполной рабочей недели (неполное рабочее время), устанавливаемой по соглашению между работником и работодателем (ст. 93 ТК РФ). Время отдыха как известно, право на использование ежегодного оплачиваемого отпуска за первый год работы возникает у работника по истечении шести месяцев его непрерывной работы (ст. 122 ТК РФ) [5, с. 42].

Однако для несовершеннолетних работников данное правило не действует. Им на основании заявления оплачиваемый отпуск должен быть предоставлен до истечения шести месяцев непрерывной работы. Обратите внимание на то, что формулировка данной нормы ст. 122 ТК РФ звучит не «может быть предоставлен», а более категорично – «должен быть предоставлен». Несовершеннолетним ежегодный оплачиваемый отпуск предоставляется в удобное для них время, продолжительность отпуска составляет 31 календарный день. В отношении работников в возрасте до 18 лет не допускается: перенесение ежегодного оплачиваемого отпуска на следующий год (ст. 124 ТК РФ); отзыв из отпуска (ст. 125 ТК РФ); замена отпуска денежной компенсацией (ст. 126 ТК РФ).

Учитывая, что для несовершеннолетних установлена сокращенная продолжительность ежедневной работы (смены), оплата труда производится следующим образом. При повременной оплате труда заработная плата несовершеннолетним работникам выплачивается с учетом сокращенной продолжительности работы (пропорционально отработанному времени). При этом работодатель может (но не обязан) за счет собственных средств производить таким работникам доплаты до уровня оплаты труда при полной продолжительности ежедневной работы (ч. 1 ст. 271 ТК РФ). Если несовершеннолетний работник выполняет сдельную работу, то его труд оплачивается по установленным сдельным расценкам (ч. 2 ст. 271 ТК РФ). Оплата труда несовершеннолетних работников учащихся и работающих в свободное от учебы время производится пропорционально отработанному времени или в зависимости от выработки. Работодатель также за счет собственных средств может установить доплаты к заработной плате несовершеннолетних (ч. 3 ст. 271 ТК РФ). Нормы выработки для несовершеннолетних работников устанавливаются исходя из общих норм выработки пропорционально установленной сокращенной продолжительности рабочего времени (ч. 1 ст. 270 ТК РФ) [6, с. 11].

Для несовершеннолетних, поступающих на работу после окончания общеобразовательных учреждений и учреждений начального профессионального образования, а также прошедших профессиональное обучение на производстве, могут устанавливаться пониженные нормы выработки (в соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами). Материальная ответственность на работников в установленных случаях может возлагаться полная материальная ответственность, которая состоит в обязанности возместить работодателю прямой действительный ущерб в полном размере. Согласно ст. 242 ТК РФ работники в возрасте до 18 лет несут полную материальную ответственность лишь за: умышленное причинение ущерба; ущерб, причиненный в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения; ущерб, причиненный в результате совершения преступления или административного проступка. При этом ТК РФ запрещает заключение с несовершеннолетними договоров о полной материальной ответственности работников (ст. 244 ТК РФ).

Расторжение трудового договора с несовершеннолетними работниками по инициативе работодателя допускается только с согласия Государственной инспекции труда и комиссии по делам несовершеннолетних. Указанное согласие является дополнением к общему порядку расторжения трудового договора по инициативе работодателя (исключения составляют случаи ликвидации организации или прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем) (ст. 269 ТК РФ). Отсутствие согласия Государственной инспекции труда и комиссии по делам несовершеннолетних может стать основанием как для восстановления несовершеннолетнего на работе с оплатой ему времени вынужденного прогула, так и для привлечения виновных должностных лиц к административной и материальной ответственности. Предположим, указанные органы отказали в даче согласия на увольнение работника. Однако по результатам ежегодного медицинского осмотра он не может выполнять работы в соответствии с заключенным трудовым договором. В таких случаях отказ в расторжении трудового договора с несовершеннолетним может быть оспорен в судебном порядке. Если несовершеннолетний работник является членом профсоюза, то для его увольнения по пп. 2, 3 и 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ необходимо мотивированное мнение выборного профсоюзного органа, полученное согласно ст. 373 ТК РФ. В ситуации, когда срок трудового договора истек, подростка необходимо уведомить об увольнении за три календарных дня до увольнения (ст. 79 ТК РФ). В случае если с несовершеннолетним трудовой договор заключен на срок до 2 месяцев, подросток вправе уволиться до окончания срока трудового договора, написав заявление об увольнении по собственному желанию не менее чем за три дня до увольнения (ст. 292 ТК РФ). По истечении указанных трех дней несовершеннолетний вправе прекратить работу. Прекращение трудового договора оформляется приказом (распоряжением) работодателя, с которым подросток должен быть ознакомлен под роспись. В день прекращения трудового договора работодатель выдает несовершеннолетнему работнику трудовую книжку и производит с ним расчет. По письменному заявлению работника работодатель также обязан выдать ему заверенные надлежащим образом копии документов, связанных с работой (ст. 84.1 ТК РФ).

Библиографический список

1. Васильева Ю. В., Шуралева С. В. Возраст как фактор уязвимости работника в трудовом праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 3. С. 550–575.
2. Пресняков М. В. Особенности регулирования труда лиц до 18 лет // Трудовое право. 2010. № 6. С. 11–21.
3. Химиченко В. Детский труд // Трудовое право. 2020. № 2. С. 51–58.
4. Цуркан Н. А. Проблемы правового регулирования труда несовершеннолетних работников в России // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 3. С. 50–53.
5. Забрамная Е. Ю. Актуальные вопросы правового регулирования труда несовершеннолетних работников // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 40–43.
6. Андриановская И. И. Согласование норм трудового права в современных условиях // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 10–12.

Мородумов Р. Н.¹,

заместитель начальника кафедры

гражданского и трудового права, гражданского процесса

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

Малахов И. М.²,

курсант факультета подготовки сотрудников

для оперативных подразделений полиции

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРАВОМЕРНОСТЬ НАВЯЗЫВАНИЯ УСЛУГ НОТАРИУСАМИ

Превентивная функция гражданского права реализуется через определение границ регулирования гражданских правоотношений, наделение их участников особой компетенцией, выработку нормативных правовых актов, в которых устанавливаются особенности поведения субъектов, участвующих в тех или иных правоотношениях, а также установление ответственности за деликтное поведение.

Деятельность нотариуса является примером такого способа обеспечения гражданского правопорядка, как наделение субъекта правоотношений особой компетенцией, так как сам по себе нотариус является лицом, которое удостоверяет какие-либо документы, либо обеспечивает реализацию тех или иных прав граждан. Однако данный механизм несовершенен. Например, это проявляется при навязывании нотариусами различного вида услуг как правового характера (при необходимости составления самого договора), так и технического (когда берется плата за распечатку или хранение документов).

Руководствуясь Основами законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 2013 г. № 4462-1[1] (далее – Основы нотариата), нотариусы, которые занимаются частной деятельностью, финансируют свою деятельность за счет средств, полученных от совершения нотариальных действий.

Ситуацию с высокой стоимостью оказываемых нотариальных услуг, вполне можно объяснить тем, что нотариус, оказывая услуги, оплачивает налоговые и иные обязательные платежи, и лишь оставшуюся часть может «иметь в качестве прибыли» и в том числе по этой причине нотариус начинает так сказать навязывать иные платные услуги.

Ко всему прочему законодательство о нотариате до сих пор не может четко сформулировать понятие «оказание услуг технического и правового характера», что приводит к заблуждению граждан о том, с каким именно вопросом каждый из нас может обратиться за услугами нотариуса, суды трактуют данное положение так, что нередко понятие «услуги правового и технического характера» трактуется слишком широко, в связи с чем в их содержание включают

¹ © Мородумов Р. Н., 2021.

² © Малахов И. М., 2021.

оказание консультационных услуг, разъяснения законодательства по вопросам совершения нотариальных действий, правовую экспертизу [2, 3].

Кроме того, в некоторых случаях нотариусы взимают плату за то, что проводят правовую экспертизу проектов документов, что является их прямой обязанностью, так как данная функция входит в перечень закрепленных в законе нотариальных действий и за нее не может взиматься дополнительная плата, в противном случае это является нарушением закона. Данная проблема была предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации в Определении от 1 марта 2011 г. [4]: «Предоставляемые нотариусами услуги правового и технического характера по своей сути являются дополнительными (факультативными) по отношению к нотариальным действиям, содержание которых определяется законодательством. Так, на основании ст.ст. 9, 16, 48 и 50 Основ нотариата нотариус при совершении нотариальных действий должен обеспечить их законность, соблюдать правила ведения делопроизводства (включая требования к ведению реестра и наследственного дела), оказывать физическим и юридическим лицам содействие в осуществлении их прав и защите законных интересов, разъяснять права и обязанности, предупреждать о последствиях совершаемых нотариальных действий. Получение этих услуг для лица, обратившегося к нотариусу, носит исключительно добровольный характер: при его несогласии с формой, структурой, размерами оплаты этих услуг и прочими условиями такие услуги не оказываются, а их навязывание нотариусом недопустимо [5]. В первую очередь нотариус – лицо, наделенное особыми полномочиями на осуществление нотариальных действий, и, согласно действующему законодательству, каждый гражданин ввиду решения правовых вопросов имеет возможность, а в некоторых случаях и необходимость обратиться за оказанием той или иной услуги. Решение проблемы отсутствия законодательного закрепления в Основах нотариата понятия услуг правового и технического характера может предупредить возникновение многочисленных споров между нотариусами и лицами, обратившимися в нотариальный орган.

В некоторых случаях при отказе лица, обратившегося в нотариальный орган, уплатить услуги правового и технического характера, нотариус отказывает гражданину в совершении какого-либо нотариального действия. Данный отказ является незаконным, так как в ст. 48 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [6] указан исчерпывающий перечень оснований отказа, а именно:

- осуществление данного действия незаконно;
- действие может быть совершено только другим нотариусом;
- в случае, когда в нотариальный орган обратился недееспособный гражданин, либо лицо, не имеющее полномочий быть представителем;
- цели сделки, совершаемой юридическим лицом, не соответствуют его уставу или положению
- сделка противоречит действующему законодательству;
- документы не соответствуют предъявляемым к ним законом требованиям;

- в случае, если факты, требующие в соответствии с законом подтверждения, не имеют необходимого подтверждения;
- нотариус не имеет возможности обеспечить сохранность движимых вещей, передаваемых ему на депонирование во исполнение ст. 88.1 настоящих Основ;
- не имеется технической возможности перевести электронный документ в необходимый формат.

Среди перечисленных оснований отказа отсутствует такая причина, как отказ гражданина от услуг технического или правового характера. Данный перечень является исчерпывающим, из чего следует, что отказ нотариуса совершать нотариальное действие по данному основанию незаконен.

Рассмотрим позицию Кировского районного суда г. Иркутска [7].

Гражданин Я. обратился в суд с заявлением о незаконном отказе в удостоверении доверенности. Он указал, что обратился к нотариусу Ш. для совершения нотариального действия: удостоверения сделки, а именно судебной доверенности. Нотариусом было отказано в удостоверении доверенности согласно тарифу по цене 200 руб. Данный тариф указан в пп. 2 ч. 1 ст. 333.24 НК РФ. Вместо этого она требовала оплатить 1 200 руб. за услуги правового и технического характера и 200 руб. по тарифу. Данные услуги ему не требовались, так как проект доверенности был подготовлен самостоятельно. Постановление об отказе в удостоверении доверенности составлено нотариусом не было, несмотря на просьбы гражданина Я.

В главе VIII Основ законодательства Российской Федерации о нотариате перечислены виды осуществляемых нотариальных действий. Исходя из этого, можно сделать вывод, что услуги правового и технического характера таковыми не являются. В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 272-О-О, предоставляемые нотариусами услуги правового и технического характера по своей сути являются дополнительными (факультативными) по отношению к нотариальным действиям, содержание которых определяется законодательством. Это значит, что лицо, обратившееся к нотариусу вправе отказываться от предлагаемых ему услуг в случае, когда проект того или иного договора составлен в соответствии с требованиями закона, не противоречит ему, имеет правильную структуру и не содержит каких-либо юридических или технических ошибок.

Библиографический список

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 30.12.2020) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.
2. Апелляционное определение судебной коллегии Нижегородского областного суда от 27 октября 2015 г. по делу № 33-10552/2015 // СПС «Консультант-Плюс».
3. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Воронежского областного суда от 29 октября 2015 г. по делу № 33-5296/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 272-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Чераневой Антонины Афанасьевны на нарушение ее конституционных прав абзацем третьим части первой статьи 15 и частью первой статьи 23 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // Нотариальный вестник. 2011. № 5.

5. Зайков Д. Е. Оказание нотариусами услуг правового и технического характера: проблемы правового регулирования // Адвокат. 2017. № 3.

6. Решение № 2-1515/2020 2-1515/2020~М-1013/2020 М-1013/2020 от 21 июля 2020 г. по делу № 2-1515/2020 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ.

Малышева Н. А.¹,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических
и научных кадров Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

КОМПЕНСАЦИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ, В СИСТЕМЕ ВНЕДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Обязательственное право занимает важное место в системе гражданско-правовых отношений. По основанию возникновения обязательственные правоотношения делятся на договорные и внедоговорные. Если в договорных обязательствах субъектный состав участников имеет конкретный характер, т. е. конкретному субъекту противостоит определенное лицо (круг лиц), то внедоговорные обязательства характеризуются неопределенным числом участников.

Особым видом внедоговорных обязательств выступают обязательства вследствие причинения вреда, которые возникают в аномальных условиях, не характерных для гражданского правопорядка. Основанием их возникновения служит факт причинения вреда. Согласно принципу генерального деликта, действия лица, причинившего вред, считаются противоправными. Именно поэтому истец не должен доказывать противоправность действий причинителя вреда. Вместе с тем принцип генерального деликта не распространяется на правоотношения, регулируемые ст. 16.1 ГК РФ. В связи с этим вызывает интерес вопрос соотношения указанных правоотношений с обязательствами вследствие причинения вреда.

Включение ст. 16.1 в текст ГК РФ было вызвано требованиями времени, поскольку с начала 1990-х гг., когда стало создаваться действующее гражданское законодательство, в стране произошли важные экономические и социальные преобразования, не получившие должного отражения в том законодательстве [6]. За это время изменились научные представления о развитии гражданских правоотношений, а также некоторые доктринальные положения гражданского права в целом.

Вызывает интерес позиция авторов, которые определяют правоотношения по компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, через понятие «обязательство» [5, с. 18; 1, с. 254; 2, с. 22]. В частности, Е. М. Гинц признает, что отношения по возмещению ущерба, причиненного правомерными действиями, являются одной из групп обязательств, возникающих вследствие причинения вреда, а ко второй группе она относит деликтные обязательства [2, с. 22]. Однако, мы считаем такую позицию ошибочной. Такое понимание рассматриваемых групп правоотношений можно назвать диффузным, поскольку происходит смешение разных правовых конструкций. На различие правовых конструкций ст. 16 и 16.1 ГК РФ указывает и Арбитражный суд Центрального округа [9]. Согласно позиции суда, назван-

¹ © Малышева Н. А., 2021.

ные правовые конструкции имеют разный правовой режим и не могут быть реализованы по одним и тем же правилам.

Мы не исключаем того, что компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, имеет много общего с обязательствами вследствие причинения вреда. Обе группы правоотношений возникают по факту причинения вреда, в результате которого нарушаются права граждан и юридических лиц. Для обеих групп правоотношений характерно наличие причинно-следственной связи. Несмотря на общие черты, объединяющие рассматриваемые правоотношения с деликтными обязательствами и обязательствами вообще, существенные различия не позволяют отнести указанные правоотношения к числу обязательств вследствие причинения вреда. Разграничивать данные группы правоотношений очень важно с методологической точки зрения. Только зная юридическую природу правоотношения, можно найти общую логику разрешения гражданских дел определенной категории. К тому же суды при рассмотрении споров осуществляют гражданско-правовую квалификацию отношений сторон, а также определяют их природу [8].

Для выяснения отличий между названными группами правоотношений, обратимся к легальному определению обязательства, которое содержится в ст. 307 ГК РФ: «В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие (передать имущество, выполнить работу, оказать услугу и т. п.), либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности» [3]. К сожалению, такое определение недостаточно ясно раскрывает сущность понятия, в связи с чем под обязательство можно подвести почти каждое относительное правоотношение [4, с. 572]. Данное обстоятельство ведет к изучению правовых явлений под призмой обязательственного права.

Кроме того, смешению разных правовых конструкций способствует закрепленная ответственность за нарушение обязательства в виде обязанности должника возместить кредитору убытки. Поскольку возмещение причиненного вреда является мерой ответственности и одновременно содержанием деликтных обязательств, то правоотношения по возмещению убытков рассматриваются многими авторами с позиций гражданско-правовой ответственности.

Но нельзя отождествлять «компенсацию ущерба» и «возмещение убытков», так как они преследуют разные цели исходя из сущности возникновения отношений, а потому представляют собой разные правовые конструкции [7, с. 89]. Рассмотрим отличительные черты обязательств вследствие причинения и правоотношений по компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов.

В первую очередь обязательства вследствие причинения вреда возникают из общего запрета посягать на права и законные интересы других лиц. Правоотношения же по компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, возникают из установленного права посягать на права и интересы граждан и юридических лиц в исключительных случаях, определенных законом. Государство наделяет свои органы полномочиями по причинению вреда в силу обеспечения более ценных социальных интересов. Так, сотрудники полиции, выполняя служебные задачи, преследуют социально по-

лезные цели, и применение ими специальных средств или огнестрельного оружия необходимо как для защиты собственной жизни, так и для более эффективного решения поставленных задач. Но в данном случае нарушается баланс частных и публичных интересов, поскольку ст. 19 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» закрепляет положение, согласно которому, не подлежит возмещению вред, «причиненный гражданам и организациям при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, применение которых осуществлялось в установленном законом порядке» [11]. Мы считаем, что такой баланс не должен нарушаться, а государство должно обеспечивать гражданам реальную возможность реализации своих прав.

Во-вторых, субъектный состав участников названных групп правоотношений не совпадает. Правоотношения вследствие причинения вреда противоправными действиями складываются между потерпевшим и причинителем вреда. Правоотношения вследствие причинения вреда правомерными действиями могут складываться как между потерпевшим и причинителем вреда, так и между потерпевшим и третьим лицом, в интересах которого действовал причинивший вред (если вред был причинен в случае крайней необходимости). Правоотношения, предусмотренные ст. 16.1 ГК РФ, складываются между потерпевшим и государством в лице финансовых органов, что обусловлено особой социально полезной функцией государственных органов, причинивших вред.

В-третьих, рассматриваемые группы правоотношений преследуют разные цели, несмотря на их общую «возмещающую направленность». Обязательства вследствие причинения вреда призваны восстановить имущественное положение потерпевшего в первоначальное состояние [10, с. 8].

Следующее отличие заключается в несоблюдении принципа полного возмещения вреда при применении ст. 16.1 ГК РФ. Хотя ст. 1064 ГК РФ, регулирующая общие положения об обязательствах, ясно разъясняет, что вред возмещается в полном объеме. Данное правило не работает при компенсации ущерба. В данном случае компенсации подлежит лишь реальный ущерб. По нашему мнению, оно способствует укреплению категории справедливости и баланса частных и публичных интересов. Полное возмещение вреда могло бы негативно отразиться на авторитете самого государства. При компенсации же ущерба государство выполняет компенсаторную функцию в той части, в которой находит это необходимым и справедливым.

Кроме указанных выше отличительных признаков, можно назвать еще один. Обязательства вследствие причинения вреда выступают одной из форм гражданско-правовой ответственности, чего нельзя сказать о компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов. Последние нельзя отнести к форме ответственности в силу соблюдения причинителем вреда правовых предписаний. Действия должностных лиц государственных органов строго регламентированы законом.

Таким образом, можно сказать, что правоотношения по компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, не относятся к числу внедоговорных обязательств. Данные группы правоотношений имеют разный субъектный состав, преследуют разные цели, генерируются противоположными по правовой направленности действиями.

Библиографический список

1. Внуков А. В. Обязательства вследствие причинения вреда правомерными действиями // Актуальные проблемы частного и публичного права. Материалы межвузовской научно-практической конференции (к юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника Высшей школы Российской Федерации Игнатьевой Светланы Викторовны). М., 2018. С. 254–257.
2. Гинц Е. М. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2014.
3. Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации» (ч. 4) (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
4. Гражданское право : учебник Т. 1 / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. М. : Проспект, 1996.
5. Карманова Е. В. Обязательства вследствие причинения вреда правомерными действиями в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2012.
6. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник ВАС РФ. 2009.
7. Кузбагаров А. Н., Малышева Н. А. «Компенсация ущерба»: целесообразная необходимость или ошибка законодателя? // Вестник Тверского государственного университета. 2020. № 3 (63). С. 84–91.
8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. № 2055-О «По жалобе граждан Савенкова Анатолия Максимовича и Савенковой Лидии Ивановны на нарушение их конституционных прав положениями статей 426, 807 и 834 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22 сентября 2015 г. № Ф10-3133/2015 по делу № А83-2207/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Шевченко А. С., Шевченко Г. Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве : учебное пособие. М. : Статут, 2013.
11. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс».

Мирошниченко К. Г.¹,

курсант международно-правового факультета

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: Федорова Ю. А.,

старший преподаватель

кафедры гражданского и трудового права,

гражданского процесса Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

СОЗДАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

В современной России самое серьезное внимание уделяется инвестированию в развитие социальной сферы и национальных проектов. На финансирование таких инвестиционных проектов выделяются гранты из бюджета, собираются средства спонсоров, активно используются такие источники, как фандрайзинг или краудфандинг, однако доверие населения к данным источникам не очень высоко и они не могут восполнить весь необходимый объем средств. Наряду с перечисленными источниками финансирования в качестве перспективного направления для развития инвестиционных процессов в социальной сфере рассматривается государственно-частное партнерство.

Развитие партнерских отношений между государством и частным бизнесом (далее – ГЧП) становится основой для возникновения способностей государственных структур и органов местного самоуправления, инициативы и опыта, результативности частного капитала. Оно помогает получить большой инвестиционный капитал в экономику РФ на средний и долгий период времени.

Эта тема обширно рассматривается в российских и иностранных публикациях. На сегодняшний день ГЧП – довольно новое явление для управленческой деятельности Российской Федерации.

В широком смысле его определяют как взаимодействие власти и бизнеса в экономике, политике, культуре, науке, социальной и других сферах. В узком смысле ГЧП рассматривается как экономическая категория.

По мнению Е. А. Громова, государственно-частное партнерство представляет собой инструмент, который нацелен на достижение государством определенных целей [6].

По мнению В. В. Ганчина, термин государственно-частное партнерство можно соотнести с процессом приватизации ряда объектов государственной собственности, особо важных объектов [4].

Д. Л. Гайсин считает, что государственно-частные партнерства создаются и действуют как форма особого пути предоставления населению общественных услуг [3].

По мнению автора, наиболее полным является определение, данное И. Е. Рисиним, который рассматривает понятие как инструмент привлечения

¹ © Мирошниченко К. Г., 2021.

частных инвестиций в отрасли, которые, как правило, финансируются за счет средств государства, например здравоохранение, образование, ЖКХ и т. д. [7].

Партнерство государства и частного сектора для выполнения социальных важных задач имеет большую историю в большом количестве государств, включая и Российскую Федерацию. Однако особую актуальность этот способ сотрудничества бизнеса и государства получил только последние лет десять назад. Наличие сложностей в социальной и экономической обстановке страны вызывает проблемы при осуществлении государством самых важных социальных функций. Но и бизнесу интересны новые объекты для вложения в них инвестиционного капитала.

В России взаимодействие между государственными структурами и частным бизнесом происходит в определенных главных формах:

- подписание соглашений о выполнении проектов, в которых на равных правах принимают участие государственные (региональные) учреждения, структуры муниципальной власти, частные организации. Эти проекты осуществляются на основе концессионных соглашений, договоров на аренду, по инвестициям, о разделе продукции и прочие виды деловых бумаг;
- применение средств Инвестиционного фонда Российской Федерации и остальных источников финансирования за счет государства. Они используются для помощи в выполнении больших проектов частного бизнеса, направленных на стратегическое развитие;
- формирование специальных зон экономики (ОЭЗ), которые при помощи поддержки государства стимулируют развитие бизнес-проектов в регионах государства;
- образование компаний со смешанным капиталом от государственных структур и частных компаний для развития самых важных отраслей экономики;
- взаимное сотрудничество частного и государственного капитала для инноваций экономики страны, происходящее за счет создания разных кластеров;
- взаимная деятельность государства и бизнеса в развитии общественной области, подразумевающее самостоятельное создание бизнесом и реализацию проектов в наиболее важных государственных и общественных областях.

В 2017 г. была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации», детально прописывающая переход Российской Федерации к новой экономической системе [1]. Помимо прочих документов, она включает план мероприятий, направленных на обеспечение нормативного регулирования цифровой экономики. Для обозначения процесса перехода к цифровой экономике (а также частных процессов в разных сферах) ввели термин «цифровизация». Ключевая задача цифровизации заключается в том, чтобы сделать все процессы максимально прозрачными и более быстрыми, и гибкими.

В связи с переходом к цифровой экономике государственно-частное партнерство начало выступать инструментом, который способствует развитию интеллектуальной, научно-технической и внедренческой деятельности. Более того, исследователи отмечают, что инновационные инфраструктурные проекты

уже не могут и не должны (в сравнении с зарубежными странами) финансироваться только за счет средств бюджета (средства которого ограничены).

Это свидетельствует о том, что реализация проектов, связанных с созданием цифровых технологий (интеллектуальной и научно-технической собственностью) должна активнее использовать частные капиталы, что свидетельствует о необходимости создания привлекательных условий для частных инвесторов.

Исследование позволило выявить, что в зарубежных странах финансирование инновационных проектов осуществляется на началах государственно-частного партнерства (как пример, можно представить направления создания искусственного интеллекта и робототехника, именно эти два направления представляют собой ключевые элементы цифровизации экономики). Так, в странах ЕС на научные исследования, проводимые по направлению, робототехника, большая часть инвестиций была привлечена в рамках Horizon 2020 – это программа, которая основана на применении государственно-частного партнерства. Сумма, привлеченная на реализацию проекта, составила 190 млн евро [2].

Кроме указанной выше программы в странах ЕС есть программа SPARC, которая направлена на деятельность в сфере промышленной робототехники. В 2020 г. на нее было потрачено более 700 млн евро, в то время как сумма частных инвесторов составила 2,1 млрд евро.

Около 70,6 % инновационных разработок США финансируется за счет капитала, привлеченного в рамках государственно-частного партнерства и только 29,4 % приходится на государственное финансирование.

В Китае на капитал инвесторов также приходится 77,3 % частных источников финансирования, а в Индии венчурный капитал занимает только 35,5 % от всех источников финансирования НИОКР, остальная часть финансируется из бюджета государства.

В Бразилии финансирование инноваций осуществляется только за счет государственных инвестиций, однако, в данной стране с 2016 г. принята Стратегии цифровой трансформации Республики Бразилия, в которой прописана необходимость привлечения средств частных инвесторов в данную сферу.

Можно отметить, что отечественный рынок частного венчурного финансирования в настоящее время недостаточно развит, на его долю приходится не более 4 % от мирового, что свидетельствует о том, что у серьезных инновационных проектов существует больше шансов к реализации на мировом рынке, нежели в России. Основными причинами этого является несовершенство нормативно-правового регулирования государственно-частного партнерства в сфере создания цифровых технологий, а также недостаточно благоприятной средой для бизнеса и инноваций. В 2020 г. страна заняла 32 место по показателю Индекс инновационного развития среди европейских экономик [5]. Кроме того, тот факт, что на основе государственно-частного партнерства можно создать только лишь объекты информационных технологий, ограничивает возможность осуществления ГЧП в сфере инновационной деятельности.

Для развития инструмента ГЧП для создания цифровых технологий в будущем в РФ, включая регионы, нужно выполнить ряд определенных задач:

– подготовить стратегию применения схем ГЧП в конкретных сферах. В первую очередь в сфере создания интеллектуальной собственности и инновационной деятельности;

– в действующее законодательство о ГЧП и его правовых формах следует внести изменения, допускающие создание в рамках ГЧП результатов интеллектуальной и инновационной деятельности;

– сформировать схему проверки проектов, которые осуществляется по схемам ГЧП;

– создать стандартные формы соглашений по венчурным инвестициям в условиях выполнения ГЧП, установить точный порядок их подписания с учетом полномочий государственных и региональных учреждений;

– создать механизм общественного предложения проектов будущим вкладчикам капитала;

– сформировать грамотную систему субсидирования и необходимые инструменты, которые смогут обезопасить социально уязвимые слои населения от потерь при осуществлении проектов ГЧП;

– организовать во время выполнения проектов ГЧП контроля за их последствиями с точки зрения экологии и охраны природы.

На основе анализа опыта формирования ГЧП в Российской Федерации, научных трудов в этой области можно судить о том, что в настоящий момент одной из главных проблем российского ГЧП считается сформированное у многих участников понимание, что ГЧП – это форма участия бизнеса в решении государственных задач в основном при помощи средств бюджета. И такое узкое понимание ГЧП считается ошибочным.

Совместная работа власти и коммерческих структур – важное условие для достижения успеха в развитии экономики и социальной сферы страны.

Частному бизнесу и государственным структурам нужно действовать согласовано, учитывать интересы государства, создавать партнерские модели в разных областях. И главное добиться нахождения баланса интересов, позволяющего осуществить серьезные социальные проекты.

Библиографический список

1. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756.

2. Варнавский В. Г. Государственно-частное партнерство в Европе // URL: <http://www.pandia.ru/text/77/21/70540.php>.

3. Гайсин Д. Л. Государственно-частное партнерство как эффективная форма управления экономикой // Молодой ученый. 2018. № 43. С. 212–215.

4. Ганчин В. В. Роль проектного управления в инновационном развитии электроэнергетики в Российской Федерации // Экономика и управление. 2017. № 5. С. 114–118.

5. Глобальный Инновационный индекс-2020: Россия заняла 17 место // URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/globalnyj-innovacionnyj-indeks-2020-rossiya-zanyala-17-mesto>.

6. Громова Е. А. Государственно-частное партнерство в цифровую эру: поиск оптимальной правовой формы // Юрист. 2018. № 10. С. 34–37.

7. Рисин И. Е. Стратегическое планирование регионального развития: современная практика, направления совершенствования : монография. М. : Русайнс, 2016.

Низаметдинов Р. А.¹,

*курсант института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель: Филиппова А. И.,

*преподаватель кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

При исследовании стратегий планирования, включая цифровые сервисы, можно проследить неизбежность изменений в истории. Произошли фундаментальные трансформации цифровых платформ и рынка экосистем, которые в настоящее время привели к самым разнообразным последствиям.

Некоторые аспекты жизнедеятельности и ее правовой регламентации претерпели определенные изменения, и возникли вопросы системного и комплексного применения уже существующих явлений [3].

Так, в связи с этим возник вопрос уголовно-процессуальной регламентации и правового регулирования такого следственного действия, как применение допроса с использованием системы видео-конференц-связи.

По нашему мнению, необходимо рассмотреть вопрос предоставления права проведения такого следственного действия, как допрос с использованием видео-конференц-связи следователями на досудебной стадии расследования уголовного дела. Кроме того, необходимо внести изменения в соответствующие нормы УПК РФ для систематизации и структуризации правового регулирования производства следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи [5].

По мнению А. В. Кутепова, следователю необходимо разрешить проводить допрос свидетеля преступления, потерпевшего или эксперта посредством видео-конференц-связи. Согласно проекту федерального закона он позволит производить допрос на стадии предварительного следствия дистанционно, с соблюдением основных правил и требований производства расследования по уголовному делу и с учетом особенностей допроса несовершеннолетних лиц. В проекте федерального закона оговаривается, что онлайн-допрос будет возможен лишь при наличии технической возможности у следствия [7].

Проблема применения видеоконференцсвязи, и ее правовая регламентация в уголовном судопроизводстве является наиболее актуальной.

В связи с тем, что с условиями, вызванными пандемии COVID-19, или в связи с нахождением лица, с которым необходимо провести допрос за пределами Российской Федерации, следователь не всегда может провести допрос

¹ © Низаметдинов Р. А., 2021.

в очном формате [2, с. 294–303]. И сейчас, когда наблюдается бурный рост развития цифровых технологий проведение допроса с использованием дистанционных технологий является, по нашему мнению, одним из перспективных и эффективных способов проведения допроса, в котором применяются такая цифровая технология, как система видео-конференц-связи.

В соответствии с нормами УПК РФ технические средства в режиме видео-конференц-связи применяются при осуществлении различных процессуальных действий в ходе судебного разбирательства и не распространяется на досудебные стадии производства по уголовным делам.

В настоящее время современные информационно-коммуникационные технологии в полной мере могут применяться в рамках досудебного производства, в том числе при производстве следственных действий с участием компетентных органов иностранных государств. А факт расширения правовых пределов применения средств видео-конференц-связи при организации международных дистанционных допросов свидетелей и потерпевших по уголовным делам неминуемо и положительным образом окажет влияние на скорость предварительного расследования в целом, и значительно сможет сократить срок проводимых следственных действий в общем [4].

Но также необходимо отметить то, что сейчас в условиях, вызванных пандемией COVID-19, началось более широкое применение вышеуказанных технологий судебными органами при производстве судебных заседаний с участием подозреваемых или обвиняемых.

Наиболее часто стало это применяться с апреля 2020 г. в связи с введением на территории России ограничительных мер, вызванных пандемией COVID-19. Число дистанционно рассматриваемых дел в российских судах посредством видео-конференц-связи в условиях ограничений из-за пандемии коронавируса выросло в 2–3 раза. Данный факт подтверждает секретарь пленума Верховного суда России В. В. Момотов: «...ежедневно в Российской Федерации судами рассматривается более 1,5 тыс. дел в режиме видео-конференц-связи» [6].

По данным судебной статистики, за 2020 г. при рассмотрении дел и ходатайств было организовано 14,5 тыс. соединений по видео-конференц-связи с другими судами общей юрисдикции, 895 – с арбитражными судами, 274 – с Верховным судом, 770 трансляций с учреждениями ФСИН и 5150 – по вопросам исполнения судебных решений по гражданским и административным делам [9].

Отметим, что в правоприменительной практике остается неурегулированной возможность проведения допроса следователям в ходе досудебного разбирательства по уголовному делу, включая досудебные стадии. Допросы без фактического контакта следователя с допрашиваемым лицом уголовно-процессуальный закон не устанавливает, соответственно, в случае необходимости, к примеру, производства следственных действий в другом месте следователь должен руководствоваться традиционными правилами, установленными ст. 152 УПК РФ [8, с. 21–23].

По мнению С. В. Владимирова, использование видео-конференц-связи в предварительном расследовании будет способствовать более полному и всестороннему исследованию всех обстоятельств уголовного дела [1].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, организация и проведение допросов свидетелей, подозреваемых, осуществляемое посредством видео-конференц-связи значительно повысит оперативность, качество, объективность раскрытия и расследования уголовного дела, что позволит достичь нового уровня организации правовой международной правовой помощи. И сыграет большую роль в повышении эффективности следственных действий проводимыми следователями.

Для достижения такого результата, по нашему мнению, необходимо законодательное регламентация путем внесения изменений в УПК РФ такого перспективного и современного направления, как проведения допроса с использованием систем видео-конференц-связи не только в судебном порядке, но и на стадии досудебного расследования, проводимыми органами предварительного расследования. А также введением в УПК РФ такого понятия, как производство допроса с использованием систем видео-конференц-связи. С внесением соответствующих изменений в ст. 5 УПК РФ.

Библиографический список

1. Владимиров С. В. Использование видео-конференц-связи при производстве следственных действий с участием лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 1 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-videokonferents-svyazi-pri-proizvodstve-sledstvennyh-deystviy-s-uchastiem-lits-soderzhaschih-sya-v-uchrezhdeniyah>.
2. Волеводз А. Г. Обеспечение права на защиту при проведении процессуальных действий с использованием средств видеоконференцсвязи: правовые позиции Европейского Суда по правам человека // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 3 (32) С. 294–303.
3. Гончар В. В., Михайленко Н. В., Анашкин Ю. Н. Отдельные аспекты совершенствования уголовно-правового законодательства России в условиях цифровизации экономики // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-aspekty-sovershenstvovaniya-ugolovno-pravovogo-zakonodatelstva-rossii-v-usloviyah-tsifrovizatsii-ekonomiki>.
4. Поплавская Н. Н., Поплавский Д. В. Дистанционный допрос свидетеля, потерпевшего при исполнении международных следственных поручений // Материалы VIII Международного Конституционного Форума, посвященного 80-летию Саратовской области. 2017. № 3. С. 140–142.
5. Родивилина В. А., Шаевич А. А. Оптимизация условий предварительного расследования посредством использования систем видео-конференц-связи // Пролог: журнал о праве. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-usloviy-predvaritelnogo-rassledovaniya-posredstvom-ispolzovaniya-sistem-video-konferents-svyazi>.
6. URL: <https://rg.ru/2020/04/19/reg-urfo/sudam-razreshili-provodit-slushaniia-onlajn.html>.

7. URL: <https://rg.ru/2020/10/29/sledstviu-mogut-razreshit-provodit-doprosy-svidetelej-po-videosviazi.html>.
8. Химичева О. В., Андреев А. В. Цифровизация как тренд развития современного уголовного процесса // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 21–23.
9. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64980>.

Никитин М. И.¹,
ученый секретарь НЦ БДД МВД России

ФОНД КАК НЕКОММЕРЧЕСКАЯ УНИТАРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

В сложившейся социально-экономической обстановке в Российской Федерации зачастую в обществе возникают проблемы правоприменения в части эффективного удовлетворения частнообщественных потребностей. Таким образом, в обществе появляется спрос на создание некоммерческих организаций, способных эффективно обеспечить реализацию данных социальных потребностей и интересов. Определяющей организационно-правовой формой некоммерческих организаций, способных удовлетворять частнообщественные и социально полезные функции, является фонд.

Фонд, согласно ГК РФ, обладает свойствами и признаками, которые в достаточной степени отвечают соответствующим социальным запросам.

Представляется необходимым отметить, что анализ особенностей организационно-правовой формы фонда, а также принципы деятельности и ликвидации, являются составляющими области нашего научного интереса, так как принципы формирования и деятельности наследственного фонда подчиняются общим принципам данной организационно-правовой формы.

В соответствии со ст. 123.17 ГК РФ фондом признается унитарная некоммерческая организация, не имеющая членства, учрежденная гражданами и (или) юридическими лицами на основе добровольных имущественных взносов и преследующая благотворительные, культурные, образовательные или иные социальные, общественно полезные цели [1].

Согласно нормативному определению фонда представляется возможным определить следующие характерные признаки данной организационно-правовой формы:

- является некоммерческой унитарной организацией;
- учредители (участники) не являются членами фонда;
- учредителями могут быть как физические, так и юридические лица;
- наличие добровольных имущественных взносов;
- осуществление общественно полезной цели.

Содержание правового статуса фонда дополнительно определено в ст. 7 Федерального закона «О некоммерческих организациях». Отметим, что в отечественном гражданском законодательстве правовой статус отдельных видов фондов определяется специальными правовыми нормами [2, 3].

В начале определения особенностей правового статуса фонда, как некоммерческой унитарной организации, полагаем необходимым охарактеризовать универсальный признак унитарности фонда как организационно-правовой формы некоммерческой организации.

¹ © Никитин М. И., 2021.

Анализируя гражданское законодательство, можно определить несколько особенностей унитарности. М. В. Гончарова именует данные особенности как унитарный юридический феномен [4, с. 100].

В первую очередь необходимо обратить внимание на правовые нормы Федерального закона «Об инвестиционных фондах», которые, по нашему мнению, представляют наибольший научный интерес.

К данным правовым нормам относятся: ч. 1 ст. 2, ч. 3 ст. 3, ч. 1 ст. 4, ст. 5 Федерального закона «Об инвестиционных фондах». Данные правовые нормы определяют понятие акционерного инвестиционного фонда, правовой режим имущества акционерного инвестиционного фонда; устанавливают запрет акционерному инвестиционному фонду размещать ценные бумаги, кроме обыкновенных именных акций, а также право выкупа акционерами акционерного инвестиционного фонда принадлежащих им акций.

Как справедливо отмечает М. В. Гончарова, особый научный интерес представляет ст. 5 Федерального закона «Об инвестиционных фондах», в которой закреплено, что акционеры акционерного инвестиционного фонда в определенных случаях вправе требовать выкупа принадлежащих им акций [4, с. 102]. В ч. 1 ст. 7 определено, что общее собрание акционеров акционерного инвестиционного фонда проводится в соответствии с Федеральным законом «Об акционерных обществах» с учетом особенностей, установленных данной статьей. В акционерном инвестиционном фонде могут создаваться Совет директоров (Наблюдательный совет) и исполнительные органы акционерного инвестиционного фонда. Согласно ч. 1 ст. 9 Федерального закона допускается реорганизация акционерного инвестиционного фонда в форме слияния, разделения и выделения при условии, что в результате такой реорганизации будет создан (будут созданы) акционерный инвестиционный фонд (акционерные инвестиционные фонды). Также допускается реорганизация акционерного инвестиционного фонда в форме присоединения, если к реорганизуемому акционерному инвестиционному фонду присоединяется (присоединяются) другой акционерный инвестиционный фонд (акционерные инвестиционные фонды).

Отметим, что все вышеперечисленные правовые нормы, установленные специальным законодательством, исключают возможность применения к данного вида фондам общих правил, установленных ГК РФ к такой организационно-правовой форме, как фонд.

Другими правовыми нормами специального законодательства, представляющим научный интерес являются нормы Федерального закона «Об инвестиционных фондах», регламентирующие создание паевых инвестиционных фондов.

Согласно ч. 1 ст. 10 паевой инвестиционный фонд – это обособленный имущественный комплекс, состоящий из имущества, переданного в доверительное управление управляющей компании учредителем (учредителями) доверительного управления с условием объединения этого имущества с имуществом иных учредителей доверительного управления, и из имущества, полученного в процессе такого управления, доля в праве собственности на которое удостоверяется ценной бумагой, выдаваемой управляющей компанией. Паявой инвестиционный фонд не является юридическим лицом.

Полагаем спорным мнение М. В. Гончаровой, согласно которому «специальный федеральный закон недопустимо противоречит ГК РФ, поскольку невозможно фонд, являющийся некоммерческим унитарным юридическим лицом, объявить не являющимся юридическим лицом. В то же время, соглашаясь с законодателем, что коллективные инвесторы объединяют свое имущество в единый комплекс для более успешного инвестирования (получения высокой прибыли), это имущество, ограниченное от любого другого имущества любых других лиц, само по себе действительно не юридическое лицо» [4, с. 97].

Отметим, что фонд, как организационно-правовая форма, обладает признаком универсальности. Данный признак подтверждается не только теоретическим обоснованием, но и правоприменительной практикой, в том числе судебной практикой. В частности, судебная практика исходит из того, что создание и деятельность подобных организаций, состав и компетенция их органов управления должны регулироваться специальными законами о них, а не общими нормами ГК РФ и законов [5, с. 38].

Необходимо обратить внимание на то, что использование публично-правовыми образованиями фонда для создания организаций, призванных удовлетворять публичные интересы в определенных сферах, также указывает на универсальность данной организационно-правовой формы в части удовлетворения социальных потребностей общества.

В научной литературе некоторыми авторами признаются обладающие характерными признаками фонда такие организации, как фонды, созданные садоводами и дачниками в соответствии со ст. 11 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» и иные организации, которые структурно не представляется возможным отнести к организационно-правовой форме фонда.

Таким образом, необходимо отметить, что в отечественном гражданском обороте зачастую происходит отождествление фонда и иных организаций различной направленности деятельности. Употребление в наименовании организации понятия «фонд», которые созданы для отличных от фонда целей, представляется недопустимым. Во-первых, это приводит к фактическому отождествлению организации, которая не отвечает установленным требованиям, с организационно-правовой формой некоммерческой унитарной организации – фонд. Во-вторых, вводит в заблуждение контрагентов и потребителей. В первую очередь данное правило применимо к различным видам негосударственных пенсионных фондов и некоммерческих организаций социальной направленности. Подавляющее большинство юридических лиц, которые не отвечают признакам фонда, однако, имеют в своем наименовании упоминание о нем, созданы в организационно-правовой форме учреждения, в частности Фонд социального страхования.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации» (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

2. Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 160-ФЗ «О международном медицинском кластере и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 16 октября 2012 г. № 174-ФЗ «О Фонде перспективных исследований» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Гончарова М. В. Фонд как унитарная некоммерческая организация // Вестник Волгоградского государственного университета. 2014. № 4 (25). С. 96–103.

5. Сойфер Т. В. Концепция некоммерческих организаций в российском гражданском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2013.

Острякова Т. В.¹,

*студент Волгоградского института
управления – филиала РАНХиГС*

Научный руководитель: Рахманина Н. В.,

старший преподаватель кафедры

гражданско-правовых дисциплин

*Волгоградского института управления –
филиала РАНХиГС*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННОГО БАНКОВСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В РОССИИ

Современную деятельность банков невозможно представить без дистанционного банковского обслуживания (ДБО). К системе дистанционного банковского обслуживания относят: ПС-банкинг (PC-banking) (система «клиент-банк»); интернет-банкинг (internet-banking); мобильный банкинг (mobile-banking); телефонный банкинг (phone-banking); обслуживание с использованием банкоматов (ATM-banking) и устройств банковского самообслуживания. Некоторые авторы выделяют также видео-банкинг (video-banking) и цифровой телевизионный банкинг (DTV-banking) [20]. Однако правовое регулирование дистанционного банковского обслуживания имеет целый ряд проблем.

С целью составить объективную картину по данному вопросу нами были исследованы решения судов за последние два года, анализу подверглись решения судов по искам к банкам о неправомерном приостановлении дистанционного банковского обслуживания по счетам, об отказе в банковском обслуживании, о возмещении убытков и неосновательном обогащении.

Большинство исков к банкам об ограничении дистанционного банковского обслуживания и об отказе в обслуживании признаются судами обоснованными вследствие того, что решения, принимаемые банками, признаются немотивированными. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что такого рода случаи нередки и встречаются в различных регионах России [15–19]. В качестве примера можно привести Решение от 30 сентября 2020 г. по делу № А51-22907/2019 АС Приморского края [14]. Так, индивидуальный предприниматель Ю.Н.С. обратилась в арбитражный суд с иском о признании незаконными действий ПАО «Сбербанк России» в ограничении функциональности автоматизированной системы «Сбербанк бизнес онлайн» и восстановлении обслуживания. Как следует из содержания судебного решения, приостанавливая оказание услуги дистанционного банковского обслуживания, Банк руководствовался положениями Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», и даже после предоставления истцом соответствующей документации сомнения банка устранены не были. Решая дело по существу, суд указал, что не основано на доказательствах утверждение банка о том, что операции истца имеют признаки, указывающие на их необычный ха-

¹ © Острякова Т. В., 2021.

ракт, банком не были представлены документы, подтверждающие несоответствие указанных операций основному виду деятельности предпринимателя, заявленному при регистрации (торговля оптовая твердым, жидким и газообразным топливом и подобными продуктами). Помимо этого, банк не предоставил сведения о том, что истец ранее совершал сомнительные платежи и об этом Банк информировал соответствующее подразделение Росфинмониторинга, что могло бы квалифицировать последующие перечисления клиента как необычные сделки [14]. Такого рода действия существенно затрудняют нормальную деятельность добросовестных предпринимателей и коммерческих организаций путем приостановления банковского обслуживания, что неизбежно влечет убытки, которые несут хозяйствующие субъекты. Однако истцами не заявляются требования о взыскании неосновательного обогащения банками и крайне редко подаются иски к банкам о взыскании убытков (Решение от 16 сентября 2020 г. по делу № 32-2395/2020 АС Краснодарского края) [13].

В чем же причина создавшейся ситуации? Почему банки в нарушение ст. 845 ГК РФ [3] повсеместно ограничивают дистанционное банковское обслуживание по своему усмотрению? Почему клиентами в суд не подаются иски о взыскании неосновательного обогащения с банков и о взыскании убытков, которые они терпят вследствие приостановления банковского обслуживания?

В большинстве проанализированных решений ответчики (банки) ссылаются на Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [21], который предусматривает возможность приостановления банками операций клиентов или отказа в их проведении (в заключении договора банковского счета), а в некоторых случаях и блокирования (замораживания) их банковских счетов.

В соответствии с вышеназванным Федеральным законом на банке лежит обязанность осуществления мониторинга деятельности клиента с целью отследить сделки, противоречащие закону, т. е. имеющие запутанный или необычный характер, не имеющие очевидного экономического смысла или очевидной законной цели, имеющие транзитный характер, не соответствующие целям деятельности организации, установленным учредительными документами этой организации.

Однако банками не принимается во внимание, что проведение мониторинга деятельности клиента является обязанностью банка, а ограничение ДБО – его правом. Иными словами, ключевой задачей любого банка является обеспечение качественного банковского обслуживания клиентов, сопряженное с постоянным наблюдением и оценкой их деятельности, в то время как ограничение дистанционного банковского обслуживания не является обязательной мерой и должно приниматься банками только при наличии серьезных оснований.

Положения, письма, разработанные Банком России (Положение Банка России от 2 марта 2012 г. № 375-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [11], Письмо Банка России от 31 декабря 2014 г. № 236-Т «О повышении вни-

мания кредитных организаций к отдельным операциям клиентов» [10], «Методические рекомендации о подходах к управлению кредитными организациями риском легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма» от 21 июля 2017 г. № 18-МР и др.) [4], направлены на конкретизацию признаков, указывающих на сомнительность операций и подозрительность клиентов, часто не принимаются во внимание кредитными организациями. Практика показывает, что недобросовестные банки, приостанавливая ДБО, как правило, не мотивируют свои решения по ограничению обслуживания и не заботятся о наличии совокупности необходимых признаков.

В «Методических рекомендациях по вопросам информирования кредитными организациями клиентов о причинах принятия решения об отказе от проведения операции или об отказе от заключения договора банковского счета (вклада), а также по вопросам взаимодействия с клиентами при дистанционном банковском обслуживании» от 22 февраля 2019 г. № 5-МР [6] отмечается, что при принятии решения об отказе кредитные организации продолжают руководствоваться обстоятельствами, напрямую не связанными с риском совершения клиентом операции в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма, нередко прибегая к такому отказу в отсутствие на то реальных оснований. Более того, в таких действиях, в отдельных случаях можно усмотреть действия банков, направленные на получение неосновательного обогащения. Ввиду этого Банк России рекомендует кредитным организациям как информировать клиентов о причинах ограничения обслуживания с использованием ДБО, так и создавать условия для возможности представления клиентами необходимых пояснений, информации и (или) документов, с целью осуществления ими защиты своих прав в соответствии с законодательством. Однако эти рекомендации очень часто не выполняются.

На наш взгляд, это происходит потому, что в соответствии с п. 12 ст. 7 Закона № 115-ФЗ приостановление операций и отказ от выполнения операций не являются основанием для возникновения гражданско-правовой ответственности у организаций, осуществляющих операции с денежными средствами (в частности, у банков). Норма этой статьи позволяет банкам повсеместно безосновательно приостанавливать ДБО.

Закон № 115-ФЗ призван регулировать отношения граждан в целях предупреждения, выявления и пресечения деяний, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма, однако, зачастую, банки, ссылаясь на нормы этого закона, приостанавливают банковское обслуживание с целью извлечь выгоду. Очевидно, что выгодной для банков является ситуация, в которой с момента приостановления банковского обслуживания до обращения клиента банка в суд и вынесения решения по поданным исковым заявлениям со стороны клиентов банка, в отношении которых банковское обслуживание было прекращено, проходит довольно много времени и деньги остаются на счетах клиентов, принося при этом доход банкам.

Также выгодны банкам и неудобны добросовестным предпринимателям нормы п. 2 ст. 7 ФЗ № 115 и п. 5.2 Положения № 375-П [11]. В правилах внут-

ренного контроля предусматривается перечень мер, которые принимаются банком в случае совершения операций, в отношении которых возникают подозрения, что они осуществляются в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма. При этом в качестве таковых мер указывается право банка отказать клиенту в предоставлении услуг дистанционного банковского обслуживания, в том числе в приеме от него распоряжения о совершении операции по банковскому счету (вкладу), подписанному аналогом собственноручной подписи, и переход на прием от такого клиента расчетных документов только на бумажном носителе.

Такое положение дел приводит к тому, что клиенты теряют доходы вследствие приостановки обслуживания и не имеют реальной возможности взыскать с банков упущенную выгоду, так как вышеуказанная норма п. 12 ст. 7 Закона № 115-ФЗ устанавливает, что банк в данном случае нельзя обвинить в неосновательном обогащении.

Полагаем, что подобная ситуация влечет за собой нарушение баланса прав и обязанностей сторон по сделке, а равно наступление неидентичных последствий юридически значимых действий, что противоречит положениям п. 1 ст. 2 ГК РФ [2], согласно которым имущественные и личные неимущественные отношения участников гражданских правоотношений предполагаются основанными на равенстве. Следовательно, нарушается конституционный принцип равенства и состязательности сторон (ст. 123 Конституции Российской Федерации) [1].

Чтобы решить данную проблему, на наш взгляд, следует внести соответствующие изменения в ст. 7 ФЗ № 115, предусмотрев ответственность кредитных организаций. В случаях немотивированного принятия решения о приостановлении и отказе в ДБО.

Отметим также что иски о взыскании неосновательного обогащения с банков и о взыскании убытков, причиненных клиентам, в большинстве случаев не поддаются. В качестве подтверждения можно привести обширный пласт судебной практики, сложившийся в ходе рассмотрения споров аналогичного содержания, и практически ни одно из них не содержит соответствующих требований о взыскании неосновательного обогащения с кредитной организации-ответчика. В этом отношении судебная практика отличается относительным однообразием; достаточно беглого изучения судебного решения, чтобы сделать вывод, что такое требование истцом не заявлялось. В качестве примера можно привести решение от 17 ноября 2020 г. по делу № А43-4573/2020 АС Нижегородской области [18]. В то же время примеры заявления соответствующих исковых требований также существуют, однако такая практика не распространена и встречается крайне редко.

Указанные ситуации, если они не находят своевременного разрешения (урегулирования), парализуют нормальный коммерческий оборот, препятствуя надлежащему исполнению условий сделок и формируют для организаций и предпринимателей, столкнувшихся с такими мерами, неблагоприятную историю на будущее, подрывая деловую репутацию. В ряде случаев такие меры приводят даже к банкротству организации – закрытию бизнеса.

Также хочется добавить, что не только наличие определенных норм права или их отсутствие в действующем законодательстве порождает негативные си-

туации в гражданских правоотношениях, связанных с дистанционным банковским обслуживанием. Не менее значимым фактором является правоприменительная деятельность, осуществляемая уполномоченными органами, поскольку именно взгляд судебных органов на поставленную проблему нередко играет ключевую роль в разрешении конкретного дела. Компетентность судьи в рассматриваемом вопросе, грамотность толкования конкретных правовых норм в судебном разбирательстве и оценка, данная судьей представленным сторонами доказательствам, имеет определяющее значение для принимаемого решения.

В эпоху глобализации рынков, повышенной бизнес-конкуренции клиенты банков нуждаются в возможности осуществления мгновенных и удобных финансовых операций, и такой спрос обуславливает предложение рассматриваемого способа оказания банковских услуг. Для банков такой способ оказания банковских услуг также является выгодным с точки зрения сокращения материальных и временных затрат, так как спектр услуг, предоставляемых банками посредством сети Интернет законодательно не ограничен. Однако у такого перспективного, привлекающего клиентов института, как ДБО, к сожалению, есть ряд серьезных недостатков, способных заставить клиентов отказаться от услуг банка, так как уже упомянутые нормативные акты, не решают определенных проблем, а в отдельных случаях их усугубляют.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации» (ч. 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации» (ч. 2) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

4. Методические рекомендации о подходах к управлению кредитными организациями риском легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма (утв. Банком России 21 июля 2017 г. № 18-МР) // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://www.garant.ru/>.

5. Методические рекомендации о подходах к управлению кредитными организациями риском легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма (утв. Банком России 16 февраля 2018 г. № 5-МР) // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://www.garant.ru/>.

6. Методические рекомендации по вопросам информирования кредитными организациями клиентов о причинах принятия решения об отказе от проведения операции или об отказе от заключения договора банковского счета (вклада), а также по вопросам взаимодействия с клиентами при дистанционном банковском обслуживании (утв. Банком России 22 февраля 2019 г. № 5-МР) // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://www.garant.ru/>.

7. Письмо Банка России от 7 декабря 2007 г. № 197-Т «О рисках при дистанционном банковском обслуживании» // Вестник Банка России. 2007. № 68. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/487900/#487900>.

8. Письмо Банка России от 31 марта 2008 г. № 36-Т «О Рекомендациях по организации управления рисками, возникающими при осуществлении кредитными организациями операций с применением систем интернет-банкинга» // Вестник Банка России. 2008. № 16. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/488238/#488238>.

9. Письмо Банка России от 30 июля 2010 г. № 12-1-5/1438 «О порядке применения отдельных положений Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/490720/#490720>.

10. Письмо Банка России от 31 декабря 2014 г. № 236-Т «О повышении внимания кредитных организаций к отдельным операциям клиентов» // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70735998/#review>.

11. Положение Банка России от 2 марта 2012 г. № 375-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70062622/>.

12. Постановление Арбитражного суда Хабаровского края от 6 октября 2020 г. по делу № А73-23107/2019 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc>.

13. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 16 сентября 2020 г. по делу № 32-2395/2020 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc>.

14. Решение Арбитражного суда Приморского края от 30 сентября 2020 г. по делу № А51-22907/2019 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc>.

15. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 5 октября 2020 г. по делу № А60-24772/2020 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc>.

16. Решение Арбитражного суда Хабаровского края от 6 октября 2020 г. по делу № А73-23107/2019 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc>.

17. Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 2 ноября 2020 г. по делу № А43-4573/2020 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc>.

18. Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 17 ноября 2020 г. по делу № А43-4573/2020 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc>.

19. Решение Арбитражного суда города Москвы от 16 марта 2020 г. по делу № А40-246453/2019 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc>.

20. Самсонова Л. А. Дистанционное банковское обслуживание // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2012. С. 81–91.

21. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (Ч. I). Ст. 3418.

22. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

Пагава Т. Л.¹,

*преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградского института
управления – филиала РАНХиГС*

ПРИМЕНЕНИЕ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПРИ НАРУШЕНИИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

При анализе правоотношений, возникающих между потребителем и продавцом (изготовителем, исполнителем и т. д.), следует обратить внимание на правовую природу правоотношений. Можно привести несколько разновидностей договоров, к которым применяется законодательство о защите прав потребителей: 1) договор розничной купли-продажи; 2) договор энергоснабжения; 3) договор возмездного оказания услуг; 4) иные договоры, направленные на удовлетворение личных (бытовых) нужд граждан.

Поскольку Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон РФ № 2300-1) регулирует отдельные обязательства, возникающие из договоров, то можно утверждать, что компенсация морального вреда может применяться в отдельных договорных правоотношениях при нарушении имущественных прав граждан. Что касается случаев применения данного способа к отношениям, которые регулируются не только нормами ГК РФ, но и законодательством о защите прав потребителей, можно выделить три группы случаев нарушений прав граждан в рамках указанных договоров.

1. Причинение вреда имуществу собственника при исполнении договора. В качестве примера из судебной практики можно привести апелляционное определение Московского городского суда. При исследовании вопроса об определении обстоятельств, позволяющих суду прийти к выводу об определении разумного размера компенсации морального вреда, суд отметил, что размер определен с учетом конкретных обстоятельств дела (о каких обстоятельствах идет речь суд не указал) и требований разумности. Однако такие обстоятельства, как характер и степень физических и нравственных страданий, степень вины ответчика, размер имущественного вреда судом не были приняты во внимание [2].

2. Ненадлежащее качество товара, проданного потребителю. Хорошим примером из судебной практики является апелляционное определение Самарского областного суда. При решении вопроса об определении размера компенсации морального вреда судом были учтены следующие обстоятельства: характер нравственных и физических страданий истца, конкретных обстоятельств дела, степень вины ответчика, а также принципы разумности и справедливости. Сумма имущественного вреда (непригодный для надлежащей эксплуатации телефон – 91 900 руб.) судом не была принята во внимание [3].

3. Неисполнение обязанности по договору. Примечательным является апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда, в котором при изучении вопроса о взыскании с ответчика компенсации морального вреда, суд

¹ © Пагава Т. Л., 2021.

учел следующие факторы: фактические обстоятельства дела, характер и объем причиненных потребителю нравственных и физических страданий, требования разумности и справедливости. При этом имущественный ущерб судом не был учтен как фактор, влияющий на размер компенсации морального вреда [4].

При исследовании проблематики применения компенсации морального вреда при защите прав потребителей были выделены три группы случаев нарушения имущественных прав граждан-потребителей: 1) причинение вреда имуществу собственника при исполнении договора; 2) ненадлежащее качество товара, проданного потребителю; 3) неисполнение обязанности по договору.

В указанных случаях нарушения имущественных прав суды учитывали фактические обстоятельства дела, принципы разумности и справедливости, но причиненный лицу имущественный ущерб судами не учитывался. Ссылаясь на ст. 15 Закона Российской Федерации № 2300-1 [1], суды приходили к выводу, что имущественный ущерб не может учитываться при определении размера компенсации морального вреда. В целях устранения негативных психологических последствий от перенесенных истцом страданий представляется разумным пересмотреть действующий подход к определению обстоятельств, влияющих на определение размера компенсации морального вреда. Предлагается внести изменение в ст. 15 Закона Российской Федерации № 2300-1, предусмотрев обязанность суда при определении размера компенсации морального вреда учитывать размер причиненного имущественного ущерба и другие обстоятельства, предусмотренные гражданским законодательством.

Библиографический список

1. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 18.07.2019) «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

2. Апелляционное определение Московского городского суда от 18 марта 2019 г. по делу № 33-5586/2019 // URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/79cd60c2-1384-478f-ba06-cbd32a0a2cbf?caseNumber=33-5586/2019>.

3. Апелляционное определение Самарского областного суда от 21 марта 2019 г. по делу № 33-3249/2019 // URL: <https://oblsud--sam.sudrf.ru>.

4. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 31 января 2017 г. по делу № 33-1976/2017 // URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=39198443&delo_id=5&new=5&text_number=1.

Петухова М. Р.¹,
*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ДОГОВОР СЧЕТА ЭСКРОУ КАК НОВЫЙ СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Российское гражданское законодательство предусматривает несколько видов обеспечения обязательств, часть из которых была дополнена новой реформой, в том числе в сфере обязательственного права. Среди таких нововведений особое место занимает договор счета эскроу, введенный Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Отметим, что законодатель выделил под договор эскроу (договор условного депонирования) отдельную главу 47.1 ГК РФ, в то время как, ст.ст. 860.7–860.10 ГК РФ, раскрывающие содержание договора счета эскроу, дополняют главу 45 ГК РФ, посвященную положениям о банковском счете [4, с. 410]. В этой связи в науке гражданского права возникает дискуссионный вопрос, касающийся правовой природы договора счета эскроу как нового способа обеспечения исполнения обязательств.

Итак, введение новой обеспечительной конструкции в гражданское законодательство предусматривает возможность осуществления расчетов посредством заключения договора счета эскроу. В России отсутствие счетов эскроу компенсировалось схожими, на первый взгляд, правовыми конструкциями, такими как аккредитив, исполнение обязательств в депозит нотариуса, аренда банковской ячейки и другими [6, с. 3–8]. Нормативно-правовое регулирование указанного договора позволяет раскрыть такие вопросы, как 1) легальное определение договора счета эскроу, его содержание и субъектный состав (ст. 860.7 ГК РФ); 2) условия ограничения по распоряжению денежными средствами и использованию счета эскроу (ст. 860.8 ГК РФ); 3) специальные условия и правила предоставления сведений, составляющих банковскую тайну по договору счета эскроу (ст. 860.9 ГК РФ); 4) порядок закрытия счета эскроу (ст. 860.10 ГК РФ). Отметим, что правовое регулирование договора счета эскроу осуществляется законодателем достаточно в ограниченном варианте, так как нормативные положения, посвященные лишь открытию, обслуживанию и закрытию специального счета эскроу, а также основным обязательствам депонента, бенефициара и банка, не исчерпывают вопросы регулирования иных правоотношений и проблем участников договора.

По смыслу нормы, приведенной в ст. 860.7 ГК РФ, следует, что по договору счета эскроу банк, выступающий в качестве эскроу-агента, открывает специальный счет для учета и надлежащего хранения денежных средств, принадлежащих до возникновения оснований по договору депоненту, владельцу счета, в целях их дальнейшей передачи третьей стороне – бенефициару [4, с. 410]. Ина-

¹ © Петухова М. Р., 2021.

че говоря, соглашение по договору счета эскроу порождает трехсторонние обязательства, где, соответственно, сторонами договора являются эскроу-агент, депонент, бенефициар. Отметим, что закон допускает участие как физических, так и юридических лиц, однако предъявляет конкретные требования к эскроу-агенту, которым может быть только банк. В свою очередь, правовой статус эскроу-агента имеет первостепенное значение, во-первых, открывает эскроу счет для учета и блокирования поступающих от депонента денежных средств, во-вторых, сохраняет денежные средства владельца счета путем их депонирования, а также контролирует наступление указанных в договоре оснований, только после которых имеет право передать депонированную денежную сумму бенефициару, а в-третьих, берет на себя ответственность по исполнению участниками правоотношений обязательств по сделке. Кроме того, права на денежные средства, находящиеся на счете эскроу, принадлежат депоненту до даты возникновения оснований для передачи денежных средств бенефициару, а после указанной даты – бенефициару [4, с. 410]. Отсюда следует, что эскроу-агент, выступая как независимый гарант, выполняет обеспечительную функцию договора счета эскроу. Можно сделать вывод, что интересы и права иных участников эскроу – договора надежно гарантируются благодаря обособленному статусу эскроу-агента, позволяющему минимизировать имущественные риски от недобросовестных действий контрагентов [7, с. 245]. Таким образом, договор счета эскроу – это трехстороннее соглашение, обеспечивающее защиту сторон договора от неисполнения обязательств.

Договор счета эскроу следует рассматривать, в первую очередь, как самостоятельный обеспечительный механизм в договорных правоотношениях между депонентом, бенефициаром и эскроу-агентом. Поэтому в этом смысле можно указать на обязательственно-обеспечительную природу договора счета эскроу, которая проявляется в следующем [3, с. 27–30]. Во-первых, заключаемый договор счета эскроу обеспечивает доверительное отношение субъектов договора к предстоящей сделке. Выбирая счет эскроу в качестве способа обеспечения обязательств, стороны обязывают своих контрагентов следовать указанным в договоре условиям, и, соответственно, исполнять обязательства надлежащим образом. Во-вторых, эскроу-договор предоставляет дополнительные гарантии всем участникам эскроу-отношений. Это положение указывает на привлечение независимой третьей стороны по договору в качестве эскроу-агента, который признается гарантом выполнения обязательств как депонента, так бенефициара. В-третьих, обязательственно-обеспечительный характер эскроу-счета проявляется в безопасном хранении доверенных депонентом денежных средств, так как после открытия счета-эскроу денежные средства, принадлежащие депоненту, как владельцу счета, будут переданы бенефициару только по выполнении последним обязательств по договору, а до наступления обозначенных условий ни депонент, ни бенефициар не смогут ими воспользоваться. В-четвертых, указанные выше преимущества позволяют сторонам договора счета эскроу ограничить имущественные потери и избежать высоких экономических финансовых рисков.

Следующей отличительной особенностью договора счета эскроу является осуществление расчетов через эскроу – счет, поэтому помимо обеспечительной функции договор счета эскроу также выполняет расчетную функцию. В таком понимании эскроу счет – это специальный обособленный счет, предназначенный для депонирования денежной суммы в пользу третьего лица при наступлении обусловленных сторонами по договору обстоятельств. Например, В. В. Батин именует такой счет как «условно – депозитарный», назначение которого также состоит в учете и обособлении денежных средств до момента выполнения сторонами договора определенных условий [1, с. 67–69]. Анализируя нормативно-правовое регулирование, отметим, что § 3 ГК РФ, посвященный договору счета эскроу, дополняет главу 45 ГК РФ «Банковский счет» [4, с. 410]. Логично сделать вывод о том, что договор счета эскроу является разновидностью банковского счета, однако мы не можем сослаться на п. 1 ст. 845 ГК РФ, который предусматривает обязанность банка выполнять распоряжения клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм со счета и проведении других операций по счету, так как это положение противоречит нормам ст. 860.8 ГК РФ, предусматривающим ограничения по распоряжению денежными средствами счета эскроу [3, с. 27–30]. В то же время могу предположить, что счет эскроу, не являясь разновидностью банковского счета, характеризуется как специальный вид банковского счета и частично имеет признаки последнего. Это проявляется в том, что стороны договора пользуются банковскими услугами, осуществляемые эскроу-агентом, но имеют ряд ограничений в соответствии со ст. 860.8 ГК РФ [4, с. 410]. В соответствии с заключенным договором по данному счету производятся только две банковские операции: 1) разовое зачисление депонентом определенной денежной суммы при открытии счета эскроу; 2) выдача данной суммы бенефициару при наступлении условий, указанных сторонами в договоре [3, с. 27–30]. Несмотря на рассмотренные ограничения, расчетная сущность договора счета эскроу неизменно сохраняется. Исходя из приведенных положений, специальный счет эскроу можно рассматривать как договор между эскроу-агентом, депонентом и бенефициаром, согласно которому эскроу-агент совершает для клиента определенный договором набор операций, в частности, принимает, зачисляет, блокирует денежные средства, поступающие на счет, открытый владельцу, выполняет распоряжения клиента о проверке оснований передачи денежных средств бенефициару, а также о перечислении, выдаче соответствующих сумм со счета и его закрытии в соответствии с условиями договора счета эскроу.

Подводя итог, следует сказать, что счет эскроу – это современный расчетный и одновременно обеспечительный инструмент, предоставляющий возможность защитить интересы обеих сторон при расчетах по сделке. Отсюда следует, что правовая природа договора счета эскроу заключается в его двойственности, которая является отличительной особенностью эскроу-счета среди аналогичных обеспечительных механизмов и договорных конструкций [8, с. 145–149]. На основании вышеизложенного отметим, что договор счета эскроу следует рассматривать с нескольких позиций. Во-первых, счет эскроу выступает как эффективный способ осуществления безналичного расчета, где под

расчетом подразумевается учетная запись, используемая банком для учета денежных средств клиентов, а во-вторых, эскроу-счет считается финансовым обеспечительным инструментом в части исполнения обязательств сторонами договора.

Библиографический список

1. Батин В. В. Договор условного депонирования (эскроу) и договор счета эскроу: соотношение обязательств и перспективы сосуществования // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 67–69.
2. Блинкова Е. В. Договор условного депонирования (эскроу) в российском гражданском праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3 (104). С. 21–26.
3. Василевская Л. Ю. Договор счета эскроу: проблемы правовой квалификации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2016. № 2.
4. Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации» (ч. 2) (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5.
5. Гражданское право : в 2 т. Т. 2. / под ред. Е. А. Суханова. М., 1994.
6. Долинская В. В. Новеллы Гражданского кодекса Российской Федерации о финансовых сделках: обзор основных положений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 6. С. 3–8.
7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Ч. 2 (постатейный) / под ред. Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, А. П. Сергеева [и др.]. 2-е изд. М. : Проспект, 2017.
8. Коневина Ю. Л. Применение договора эскроу // Экономика. Налоги. Право, 2013. № 5. С. 145–149.
9. Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Руденко Е. Ю. Договор счета эскроу: перспективы применения отдельные правовые проблемы // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом, 2015. С. 1–10.
11. Рузакова О. А., Степкин С. П. Некоторые проблемы правового регулирования договорных отношений условного депонирования (эскроу) // Банковское право. 2018. № 2. С. 29–36.
12. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 13.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 40.
13. Эрделевский А. М. О новых видах договоров банковского счета // СПС «КонсультантПлюс».

Поваров Ю. С.¹,
*доцент кафедры гражданского
 и предпринимательского права
 Самарского национального исследовательского
 университета имени академика С.П. Королева,
 кандидат юридических наук, доцент*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ СОГЛАСОВАНИЯ КРЕДИТОРОМ ПЕРЕВОДА ДОЛГА

Современное гражданское законодательство России вслед за правовыми актами многих зарубежных стран закрепляет две договорные модели трансферта долговых обязательств. Согласно п. 1 ст. 391 ГК РФ перевод долга с должника на другое лицо может быть произведен по соглашению, которое заключается:

1) вне зависимости от характера обязательств — между первоначальным должником и новым должником (это — традиционный способ, получивший наибольшее применение в хозяйственной практике);

2) в обязательствах, связанных с осуществлением их сторонами предпринимательской деятельности², — между кредитором и новым должником (когда последний принимает на себя обязательство первоначального должника).

Как видим, необходимым и непосредственным участником указанных договоров выступает новый должник (что, впрочем, вполне естественно, ибо именно он возлагает на себя имущественные обременения). Другими интересантами, бесспорно, являются кредитор и старый должник.

Однако в первой из названных договорных конструкций только первоначальный должник объявляется законодателем субъектом соглашения (сделка совершается между должниками), права и интересы же кредитора охраняются посредством введения требования о необходимости получения его согласия на перевод долга (при том, что, конечно, подразумевается «...безусловное право отказать... в переводе долга»³, т. е. «...кредитор, — по верному утверждению А. Н. Лысенко, — не обязан обосновывать свое решение об отказе... какими-либо объективными причинами» [5, с. 191]); данный вывод, подчеркнем, нередко делался и прежде (пусть иногда и осторожно), до новеллирования изучаемых норм ГК РФ (так, по словам Е. В. Кабатовой, «поскольку необходимым условием для перевода долга является позитивное отношение кредитора, то до-

¹ © Поваров Ю. С., 2021.

² Имеется в виду осуществление предпринимательской деятельности *всеми* сторонами обязательства, из которого возник переводимый по соглашению долг (см. п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки»).

³ Вообще, такая «свобода» характерна для *любых* согласий третьего лица на совершение сделки (см. п. 54 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»), т. е. выступает фундаментальным принципом частноправового согласования.

говор о замене должника, видимо, заключается между старым и новым должником») [4, с. 361].

Вторая модель (далеким «предком» которой является существовавший в римском праве институт интерцессии [7, с. 52]), наоборот, не предусматривает участия в соглашении первоначального должника (контрагентом нового должника, действующего, подчеркнем, без уполномочия со стороны старого должника, оказывается сам кредитор), а равно непреложности дачи им санкции на принятие новым должником коммерческого долга перед кредитором. Любопытно, что идеологами модернизации ГК РФ изначально предполагалось обязательное согласование такого трансферта первоначальным должником (см. п. 4.2.1 разд. V Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.), но в итоге данное пожелание не получило законодательной поддержки. Игнорирование «чаяний» старого должника (законодательство не содержит даже требования о необходимости его оповещения, он наделен по сути лишь правомочием отказаться от освобождения от исполнения обязательства – см. п. 3 ст. 391 ГК РФ), создающее предпосылки для произвольного вмешательства третьих лиц в обязательственные отношения, зародившиеся и структурированные без их участия, небезосновательно подвергается критике в науке [6, с. 79]¹. Наверное, в целях смягчения столь «бескомпромиссного» подхода Пленум Верховного Суда Российской Федерации счел нужным пояснить, что при неясности соглашения кредитора, первоначального (!) и нового должников касательно вида – привативного или кумулятивного – перевода долга стоит исходить из первого варианта (к выгоде первоначального должника, поскольку привативный перевод долга знаменует собой его выбытие из обязательства), причем невзирая на то, что по умолчанию интерцессия влечет солидаритет должников перед кредитором (ср. п. 3 ст. 391 ГК РФ и п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки»).

Обе описанные модели разумно фундируются на обязанности «подтверждения» перевода долга кредитором, но, повторимся, если в первом случае согласие кредитора явно мыслится в качестве автономного от соглашения о переводе долга юридического факта (одобрительное волеизъявление «канализируется» через совершение одностороннего юридического акта), то для второй вариации механизмом учета мнения кредитора становится его «вовлечение» в договорную связь (напрямую опосредующую «перенос» долга) в качестве стороны соглашения. Соответственно, кредиторское согласование

¹ Символично, что Модельные правила европейского частного права (в отличие от Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА, с учетом регламентационного опыта которых производилась модернизация гражданского законодательства России) закрепляют схему вступления нового должника в обязательство *исключительно с согласия первоначального должника*.

(в максимально широком понимании данного слова) должно происходить при использовании любой из предлагаемых законодателем конструкций, но юридические формы такого согласования коренным образом различаются.

Итак, в «стереотипной» схематике перевода долга с должника на другое лицо (не считая интерцессии) дача кредитором согласия является самостоятельным (отграничиваемым от собственно соглашения о переводе долга) юридическим фактом, а именно односторонней сделкой (вопрос о сильной специфике сделочной природы согласия – «вторичность», в сравнении с соглашением о переводе долга, юридико-фактической роли и т. д. – не входит в предмет нашего исследования). Попутно заметим, что «онтологическая» автономность согласия не исключает множественности лиц, дающих согласие; такую множественность лиц, в свою очередь, стоит отграничивать от случая множественности согласий (когда происходит дача «однотипных» разрешений разными субъектами, действующими своей волей и в своем интересе, независимо друг от друга без образования одной стороны, противостоящей лицу, запросившему согласие).

Вместе с тем нередкой является фиксация согласия в договоре – «изначальном» (т. е. между первоначальным должником и кредитором, из которого и возникают обязанности, передаваемые новому должнику) либо трехстороннем (с участием старого и нового должников, а также кредитора) соглашении о переводе долга. Законность подобного рода согласования, пускай и с оговорками (например, Л. В. Ткачева рационально утверждает, что совершение трехстороннего договора «...хотя и возможно, но все же с точки зрения теории и законодательства общим правилом считаться не должно») [8, с. 173] является почти общепризнанной.

Тем не менее затронутый аспект не является сугубо «оформительским». Так, участие кредитора в трехстороннем договоре (несмотря на очевидную «асимметричность» распределения прав и обязанностей, поскольку кредитор не является субъектом собственно перевода долга) не только решает задачу его надлежащего извещения о субъектной трансформации обязательства (и, конечно, получения надлежащего кредиторского одобрения фигуры нового должника), но и позволяет ему подключиться к формулированию условий указанной трансформации (предоставление дополнительного обеспечения и др.).

Сверхважное «сервильное» значение договорный или внедоговорный формат согласования играет и в ракурсе решения вопроса о (не) легитимности отзыва предварительного согласия. Как известно, для согласия – односторонней сделки такая возможность (конечно, при соблюдении определенных условий и порядка) не отвергается, причем не только в науке (к примеру, Е. В. Дятлов прямо замечает, что «...отзыв согласия допустим в том случае, если сделка еще не совершена» [2, с. 70]), а и в судебной практике (см. п. 57 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – ППВС № 25)). В случае же дачи, фигурально выражаясь, «договорного» согласия подобное положение вещей очевидно упречно: например, «если ... согласие включено в договор кредитора и изначального должника и здесь не указано на право кредитора отозвать свое

согласие в одностороннем порядке, следует считать, – здраво рассуждают А. Г. Карапетов и Р. С. Бевзенко, – что кредитор дал бесповоротное согласие. Его отзыв будет влечь несанкционированное одностороннее изменение условий договора, которое по общему правилу не допускается» [3, с. 99].

В русле изложенного весьма примечательной оказывается сформировавшаяся позиция судов относительно оценки правомерности отзыва согласия арендодателя на распоряжение арендованным имуществом арендатором. В деле по требованию ОАО «Промсвязь» (арендодатель) к ООО «Аренда Центр» (арендатор) о расторжении договора аренды нежилых помещений истец, в числе прочего, сослался на то, что после направления уведомления об отзыве согласия на распорядительные действия арендатора ООО «Аренда Центр» продолжало сдавать помещения в пользование третьим лицам по договорам субаренды. Суды первой и апелляционной инстанций отвергли приведенный аргумент, поскольку «...уведомление об отзыве согласия... является заявлением о существенном изменении договора аренды, в результате которого арендатор лишается того, на что он рассчитывал при его заключении», тогда как «такое существенное изменение условий договора в силу... ст. 450 ГК РФ возможно только по соглашению сторон либо по решению суда». Суд кассационной инстанции, напротив, рассмотрев согласие, несмотря на его фиксацию в арендном договоре, в качестве односторонней сделки, которая не зависит от воли арендатора, указал на возможность его отзыва в одностороннем порядке (при том, что «отзыв этого согласия связан с волеизъявлением самого собственника, которое не может быть ограничено интересами арендатора»). Доводы окружного суда показались высшей судебной инстанции неубедительными: исходя из того, что договор аренды не включал указаний о праве ОАО «Промсвязь» изменить договорное положение о согласовании совершения арендатором распорядительных сделок посредством одностороннего волеизъявления и что ст. 615 ГК РФ не содержит запрет на установление соглашением сторон особых правил по поводу дачи согласия на совершение арендатором сделок субаренды, Верховный Суд Российской Федерации четко констатировал, что «согласованное сторонами договора условие о праве арендатора сдавать арендованное имущество в субаренду не противоречит требованиям ст. 615 ГК РФ, не является предварительным согласием... по смыслу п. 3 ст. 157.1 ГК РФ, которое вправе отозвать давшее его лицо», а потому «такое условие договора аренды может быть изменено только по правилам, предусмотренным гражданским законодательством» (см. п. 26 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 июля 2018 г.).

Систематизируя и резюмируя сказанное, правомерно утверждать, что разрешение на совершение другой стороной договора юридических действий может быть выражено в следующем:

1) в виде отдельного от договора юридического акта (при отсутствии общей санкции в договоре) – в данном случае надлежит руководствоваться правилами ст. 157.1 ГК РФ;

2) в тексте соответствующего договора (безотносительно к наличию в законе прямого допущения индивидуальной регламентации, но, разумеется, при

отсутствии запрета), причем речь здесь может идти о двух вариантах квалификации указаний о согласовании:

а) в качестве договорного условия, корректировка которого возможна исключительно с соблюдением правил гл. 29 ГК РФ (а не разъяснений, содержащихся в п. 57 ППВС № 25 об отзыве предварительного согласия); тем самым, в данном случае согласие, будучи результатом договоренности сторон, претерпевает кардинальную субстанциальную «метаморфозу» («превращаясь» из акта односторонней воли в условие соглашения);

б) как одностороннего волеизъявления (хотя и «помещенного» в договор-документ), но при наличии особых на этот счет оговорок (скажем, путем прямой отсылки к предписаниям ст. 157.1 ГК РФ либо посредством эксплицитного закрепления положения о возможности отзыва одностороннего акта).

Библиографический список

1. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2017.
2. Дятлов Е. В. Проблемы согласия кредитора и должника при перемене лиц в обязательстве: новеллы Гражданского кодекса РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 2. С. 65–71.
3. Карапетов А. Г., Бевзенко Р. С. Комментарий к нормам ГК РФ об отдельных видах договоров в контексте Постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 9. С. 6–106.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации : в 2 т. Т. 1 / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2011.
5. Лысенко А. Н. Перевод долга: проблемы теории и практики // Практика применения общих положений об обязательствах : сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2011. С. 174–193.
6. Подузова Е. Б. Организационные аспекты изменения договорных обязательств // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7 (56). С. 76–81.
7. Пушкина А. В. Сделки, направленные на изменение сторон в обязательствах // Государство и право. 2012. № 6. С. 51–61.
8. Ткачева Л. В. Специфика предварительного и последующего кредиторского согласия на замену должника по договору о переводе долга // Известия ЮФУ. Технические науки. 2009. № 3 (92). С. 168–175.

Пономарченко А. Е.¹,
*ассистент кафедры финансового
и предпринимательского права Волгоградского института
управления – филиала РАНХиГС*

СМАРТ-КОНТРАКТ: ФУНКЦИИ И СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ

Смарт-контракт – это самоисполняющийся контракт, в котором условия соглашения между покупателем и продавцом прямо записаны в строках кода. Код и содержащиеся в нем соглашения существуют в распределенной децентрализованной сети блокчейн. Код контролирует выполнение, а транзакции отслеживаются и необратимы.

Смарт-контракты позволяют выполнять доверенные транзакции и соглашения между разрозненными анонимными сторонами без необходимости в центральном органе, правовой системе или внешнем механизме принуждения.

Хотя технология блокчейн рассматривается в первую очередь как основа для биткойнов, она далеко вышла за рамки поддержки виртуальной валюты.

Смарт-контракт определяет не только правила и санкции, связанные с выполнением соглашения, как в традиционном договоре, но также автоматически обеспечивать выполнение этих самых обязательств. Он делает это, принимая информацию в качестве входных данных, присваивая значение этому входу в соответствии с правилами, изложенными в контракте, и выполняя действия, требуемые этими договорными положениями – например, определяя, должен ли актив перейти к одному человеку или должен быть возвращен другому лицу, от которого произошел актив.

Смарт-контракты сложны, и их потенциал выходит за рамки простой передачи активов – они могут выполнять транзакции в широком диапазоне областей, от юридических процессов до уплаты страховых премий, соглашений о краудфандинге и производных финансовых инструментов. Смарт-контракты обладают потенциалом избавиться от посредников в юридической и финансовой областях, в частности, за счет упрощения и автоматизации рутинных и повторяющихся процессов, за которые в настоящее время люди платят юристам и банкам значительные гонорары.

Смарт-контракты были впервые предложены в 1994 г. Ником Сабо, американским ученым-компьютерщиком, который изобрел виртуальную валюту под названием Bit Gold в 1998 г., за 10 лет до изобретения биткойна. Сабо определил смарт-контракты как компьютеризированные протоколы транзакций, выполняющие условия контракта. Он хотел расширить функциональные возможности методов электронных транзакций, таких как POS (point of sale – точки продаж), в цифровую сферу.

В 2008 г. с помощью платформы блокчейн была разработана криптовалюта биткойн, состоящая из цифрового распределенного реестра, который отслеживает денежные транзакции. Эта технология позволила разработать код смарт-контракта, который используется для ввода всех условий контракта в блокчейн.

¹ © Пономарченко А. Е., 2021.

Благодаря появлению криптовалюты биткойн многие электронные платформы позволяют использовать смарт-контракты, в частности, к таким платформам на сегодняшний день относятся:

- Bitcoin – это самая первая криптовалюта, которая отлично подходит для осуществления транзакций [3, с. 55];

- Nxt Legal – открытая онлайн-платформа, которая имеет ограниченное число смарт-контрактов. На данной платформе пользователи всего лишь используют шаблоны смарт-контрактов, однако возможность написать свой уникальный код на смарт-контракт у них отсутствует;

- Ethereum – открытая онлайн-платформа для создания смарт-контрактов. Ethereum был запущен в 2015 г. и является лидирующим программируемым блокчейном в мире. Пользователи могут составить любую программу, но оплата производится криптовалютой ЕТН [1]. ЕТН – это цифровые деньги. Создание ЕТН не контролируется каким-либо правительством или компанией. Это происходит децентрализованно, а ЕТН – дефицитный товар. Люди во всем мире предлагают ЕТН для оплаты товаров или услуг, как средство сбережения или в качестве залога.

Таким образом, можно отметить, что использование смарт-контрактов дает несколько потенциальных бизнес-преимуществ:

Во-первых, эффективность затрат. Смарт-контракты устраняют многие операционные расходы и экономят ресурсы, в том числе персонал, необходимый для отслеживания их прогресса.

Во-вторых, скорость обработки. Смарт-контракты выполняются на основе автоматизированных процессов и, в большинстве случаев, могут исключить участие человека, увеличивая скорость бизнес-транзакций, предусмотренных в контракте.

В-третьих, автономность. Смарт-контракты выполняются сетью автоматически, что устраняет необходимость и связанный с этим риск участия третьей стороны в развертывании смарт-контрактов.

В-четвертых, надежность. Данные, введенные в систему блокчейн, не могут быть изменены или удалены. Если одна сторона не выполнит свои обязательства, другая будет защищена условиями смарт-контракта. Автоматизированные транзакции также исключают возможность человеческой ошибки и обеспечивают точность при выполнении контрактов.

У смарт-контрактов также есть и множество потенциальных недостатков. К таким можно отнести отсутствие международных правил, направленных на регулирование систем блокчейн, криптовалюты, также смарт-контракты затрудняют мониторинг этих технологий в мировой экономике.

Смарт-контракты также сложно реализовать. Их невозможно изменить, и, хотя это считается преимуществом, связанным с безопасностью, стороны не могут вносить какие-либо изменения в соглашение о смарт-контракте или включать новые детали без разработки нового контракта.

Применение смарт-контрактов можно наблюдать в следующих сферах общественной жизни людей:

1. Страхование. Нельзя не согласиться, что основные проблемы страховой отрасли связаны с доверием, медленной обработкой претензий и высокими эксплуатационными расходами.

Смарт-контракты можно использовать для частичной автоматизации и ускорения транзакций. Чтобы это произошло, стороны по-прежнему могут использовать письменное соглашение, но размещать определенные триггеры, которые инициируют перевод средств в системе блокчейн. Эти триггеры должны быть связаны с реальным миром, чтобы подтвердить, что произошло определенное событие. Это можно сделать с помощью децентрализованных приложений и различных устройств Internet of Things (IoT), или интернет-вещей. Например, интеллектуальные датчики могут быть размещены в домах и транспортных средствах для передачи в реальном времени данных об авариях, таких как утечки газа, и запуска автоматической обработки претензий.

В качестве примера также можно привести задержку рейса авиакомпанией. Если рейс задерживается более чем на указанный период, приложение на основе системы блокчейн может получать эту информацию из системы авиакомпании и автоматически переводить возмещение пассажирам.

Эти инициативы смарт-контрактов уже доказали свою полезность в простых сценариях страхования, но немногие из них могут масштабироваться в долгосрочной перспективе. Например, в 2017 г. страховая компания АХА запустила сервис Fizzy, платформу смарт-контрактов по задержкам рейсов, которая предоставляла автоматические компенсации клиентам, чьи рейсы были задержаны. Однако выпуск продукта был прекращен в 2019 г. в связи с незаинтересованностью и недостаточным спросом.

2. Земельный кадастр. В настоящее время регистрация прав собственности на землю часто бывает рискованной, фрагментарной и обременительной. В процессе агенты по недвижимости изучают большое количество документов, касающихся подтверждений ипотеки, данных о строительстве и соглашений между покупателем и продавцом. Эти ручные процессы часто являются причиной изменения документа и, как следствие, мошенничества.

Выделенный токен блокчейна может содержать всю необходимую информацию о конкретной собственности, включая идентификаторы владельца и покупателя, юридическое описание, сторонние отзывы и т. д. Чтобы проверить идентификаторы, продавец просто повторно хэширует цифровой файл, а покупатель легко его проверяет своим открытым ключом. По самой природе блокчейна такой процесс передачи собственности делает мошенничество практически невозможным, поскольку злоумышленникам потребуется доступ к открытым ключам в дополнение к одновременному внедрению вредоносного программного обеспечения в каждую цифровую копию в реестре.

Грузия, например, успешно провела пилотный запуск земельного реестра на основе блокчейна для более чем 1,5 млн прав собственности на землю. Теперь весь процесс можно выполнить за десять минут, а эксплуатационные расходы можно снизить на 90 %. Однако следует отметить, что с такими крупномасштабными блокчейн-проектами потребление энергии может стать проблемой.

В Грузии распространение системы блокчейн в значительной степени обусловлено низкими ценами на энергоносители.

3. Сфера строительства. Если говорить о сочетании смарт-контрактов с аналитикой данных IoT, то смарт-контракты могут помочь строительной отрасли повысить производительность и ускорить обработку платежей. Например, с помощью камер с компьютерным зрением система может определить, когда поставщик осуществил поставку материалов и автоматически осуществить перевод средств этому поставщику. Такая возможность эффективно устраняет посредников и освобождает сотрудников от ручной работы.

4. Интеллектуальная собственность. Интеллектуальная собственность и управление ею состоит из множества транзакций стандартной формы, о которых можно позаботиться с помощью смарт-контрактов и базовой технологии блокчейн, исходя из характера интеллектуальной собственности. Одним из способов, которым технология блокчейн стремится добиться успехов в сфере прав интеллектуальной собственности, является поддержание регистров IP и контроль за выдачей лицензий.

Блокчейн и смарт-контракты могут выступать в роли хранилищ информации об интеллектуальной собственности, для признания которой не требуется формальный процесс регистрации, особенно авторских прав [2, с. 166].

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что смарт-контракт – это достаточно удобный, простой и быстрый инструмент, позволяющий реализовать сделки разных видов и назначений. Направление смарт-контрактов довольно перспективно и развивается достаточно с большой скоростью.

Библиографический список

1. Rosic A. Smart Contracts: The Blockchain Technology That Will Replace Lawyers // Blockgeeks: информ. портал. URL: <https://blockgeeks.com/guides/smart-contracts/>.
2. Дерюгина Т. В., Пономарченко А. Е. Блокчейн, смарт-контракты и управление незарегистрированными правами интеллектуальной собственности // Парадигмы управления, экономики и права. 2020. № 2 (2). С. 163–169.
3. Осмоловская А. С. Смарт-контракты: функции и применение // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. № 2 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakty-funktsii-i-primenenie>.

Прасковьян Д. А.¹,

*доцент кафедры профессиональных дисциплин
Самарского юридического института ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент*

Буравов И. С.²,

*студент Самарского юридического института
ФСИН России*

СМАРТ-КОНТРАКТЫ КАК НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В XXI в. развитие правовой мысли неразрывно связано с научно-техническим прогрессом, уже существует множество институтов, которые не имеют однозначного правового регулирования и вызывают дискуссии среди юристов. В качестве примера можно привести вопросы о признании роботов наряду с искусственным интеллектом субъектами, а не объектами права. Высказываются различные точки зрения о правовом статусе таких явлений, согласно одной из них роботов возможно признать юридическими лицами, другая позиция предлагает признать наиболее продвинутые модели в качестве отдельной категории – «электронных лиц», обладающих дееспособностью. Обсуждение этих вопросов имеет важное значение для общественных отношений в среднесрочном будущем, однако есть технологии, широкое использование которых возможно в ближайшем будущем.

Можно говорить, что блокчейн-технологии планомерно встраиваются в мировую экономику, их используют в целях инвестиционной деятельности, оплаты обыденных товаров и услуг, идентификации лиц, отслеживания поставок. Применительно к праву блокчейн технологии представляют интерес тем, что они могут выполнять задачи по идентификации сторон обязательства, фиксации юридически значимых фактов, автоматизации исполнения обязательств. Субъектам гражданских правоотношений часто приходится обращаться к третьим лицам с целью минимизации рисков недобросовестности сторон обязательства. Необходимо обращаться к поручителям, нотариусам, страховым организациям, что создает дополнительные издержки для хозяйствующих субъектов. Существенно снизить риски позволяет использование смарт-контрактов, основанных на технологии блокчейна. По данным web-приложения Google Trends интерес к теме умных контрактов за последние полгода возрос в 2 раза, что свидетельствует о растущем интересе применении использования новой технологии [3].

В начале следует дать определение смарт-контракта. По мнению А. И. Савельева, смарт-контракт – это договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе блокчейн, который обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств [2, с. 102]. По нашему мнению, данное определение является одним из наиболее удачных, так как содержит техни-

¹ © Прасковьян Д. А., 2021.

² © Буравов И. С., 2021.

ческие и юридические признаки смарт-контракта, а также позволяет отграничить его от схожих, давно сложившихся в практики явлений. Например, ежемесячная подписка на интернет-сервисы при широком толковании ошибочно можно назвать смарт-контрактом, так как существует алгоритм позволяющий, автоматически исполнить договор, с банковской карты автоматически периодически списывается определенная денежная сумма и в результате списания автоматически, без участия человека, предоставляется услуга по доступу к цифровому контенту. Именно использование технологии блокчейн, согласно нашей позиции, отличает смарт-контракт от остальных соглашений.

В качестве квалифицирующих признаков смарт-контракта с юридической стороны в доктрине выделяются следующие признаки:

- 1) исполнение обусловлено сторонами наступлением определенных обстоятельств (из этого следует, что смарт-договор регулируется нормами гражданского права об обусловленном исполнении обязательств);
- 2) сторонами договора не требуется проявлять отдельно выраженного дополнительного волеизъявления на исполнение обязательства;
- 3) исполнение осуществляется путем применения информационных технологий, которые определены сторонами сделки [1, с. 56].

Смарт-контракты являются одним из примеров дематериализации договорных отношений, т. е. договорные обязательства проходят полностью в цифровой среде, от переговоров по достижению соглашения и возникновения договора до его прекращения, но в то же время возникает вопрос о признании таких договоров с точки зрения норм права и позиций правоприминителей.

В настоящее время ГК допускает возможность использования такого вида договоров, в 2019 г. законодатели дополнили ст. 309 абзацем, который предоставляет возможность субъектам гражданских правоотношений оговорить автоматическое исполнение обязательств без отдельного волеизъявления сторон, путем использования информационных технологий, если это было оговорено в условиях сделки.

Автоматизация процесса позволяет существенно исключить риски, связанные с недобросовестностью сторон в случае, если одна из сторон не исполняет условия, то встречное исполнение обязательства с другой стороны не происходит, в результате, возникают правоотношения, связанные с возмещением убытков вследствие неисполнения обязательств. На основании вышесказанного можно выдвинуть мысль о том, что смарт-контракты обладая вышеуказанной чертой можно охарактеризовать, как новый вид обеспечения исполнения обязательства. В подтверждение данной мысли следует отметить, что смарт-контракт, как и традиционные способы обеспечения обязательств, способствуют добросовестному исполнению обязательства должником, им может быть присуще акцессорность, а также смарт-контракт применяется в целях уменьшения или недопущения отрицательных последствий, возникающих по причине недобросовестного исполнения должником своего обязательства по договору.

Д. В. Чуб, рассуждая о правовом регулировании смарт-контрактов во Франции, выделяет ряд проблем, разрешение которых требуется и в российском праве:

– смарт-контракт не подвергается изменению или уничтожению, по этой причине рождается проблема как пересмотреть такой договор в случае существенного изменения обязательств;

– возможно ли привлекать третьих лиц к ответственности в ситуации, когда программный код смарт-контракт с ошибками, которые привели к ущербу, кто несет ответственность в такой ситуации: стороны договора или лица, создавшие смарт-контракт с ошибкой [4, с 154–155].

При должном желании данные проблемы возможно разрешить, например, невозможность изменения или уничтожения смарт-контракта можно использовать как его преимущество, а при желании изменить содержание договора также возможно разрешить, прибегнув при создании умного контракта к использованию технологии частного блокчейна, которая позволяет внести изменения в смарт-контракт.

Необходимость фиксирования его содержания в другой форме – на бумаге или в виде электронного документа, который заверяется электронной подписью, так российское законодательство в сфере бухгалтерского учета признает только две вышеперечисленные формы первичных учетных документов. В результате чего, смарт-контракты являются лишь программным кодом, цель которого заключается в автоматизации исполнения договора, т. е. смарт-контракт, является своего рода надстройкой над привычным «физическим договором». В настоящее время придать юридическую силу смарт-контрактам возможно при заключении привычных форм договора в электронном или в письменном виде, такой договор может квалифицировать в соответствии со ст. 429.1 ГК РФ рамочным договором. В этом договоре должно быть достигнуто соглашение об использовании смарт-контракта в качестве общего условия обязательственных взаимоотношений сторон, т. е. оговорено применение технологии смарт-контракта, как способа фиксации воли сторон. В результате смарт-контракт может квалифицироваться как допустимое доказательство в арбитражном или гражданском процессе. Однако, остаются риски скепсиса со стороны судебных инстанций и правоприменителей к информации, которую содержит смарт-контракт. Также в судебном процессе понадобится привлечение экспертных лиц, которые смогут правильно представить информацию, которая была заложена сторонами, заключившими смарт-контракт.

На основании вышесказанного мы приходим к следующим выводам. Преимущества широкого применения блокчейна и смарт-контрактов только предстоит оценить. В настоящее время сложно представить использование такой технологии, как самостоятельной формы договора, однако она может успешно применять в качестве дополнения к нему. Смарт-контракт можно признать отдельным видом обеспечения исполнения обязательства, что связано с автоматизированным характером исполнения обязательства со стороны должника по нему, в случае, когда обязательство возможно исполнить в цифровой (информационной) системе, включив положения о таком виде обеспечения в соответствующую главу ГК РФ. России не нужно специальное регулирование смарт-контрактов, однако необходимо внедрять нормы, которые будут устранять проблемы, связанные с их использованием в уже существующие законы, прежде

всего, это касается взаимодействия государственных органов с хозяйствующими субъектами по предоставлению последними документов бухгалтерского учета и другой документации.

Библиографический список

1. Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex russica (Русский закон). 2019. № 8. С. 51–62.
2. Савельев А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 94–117.
3. Смарт-контракт анализ // Google Trends. URL: <https://trends.google.ru/-trends/explore?%205-y&q=%2Fm%2F0dvtq>.
4. Чуб Д. В. Правовое регулирование смарт-контрактов во Франции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105). С. 151–158.

Рамазанова К. К.¹,
*доцент кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРАВОВЫЕ И МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ КАК ОСНОВА СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД

В современном мире автоматизированные системы приобретают все большую значимость, поскольку присутствуют практически во всех областях жизни человека, что, в свою очередь, требует формирования нового правового регулирования. В связи с этим обстоятельством актуальность темы, которая напрямую затрагивает понятие искусственного интеллекта, является неоспоримой.

Для формирования мирного уклада в жизни человека им вырабатываются правовые установки на основании этических, нравственных норм, которые закладываются и развиваются по мере взросления и взаимодействия с другими людьми. Для машин, оснащенных интеллектуальными системами, такие ориентиры, на сегодняшний день, не доступны. Вследствие этого, рассматривая искусственный интеллект, определенный как свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека, представляется важным выделить правовые и морально-этические нормы как основу для использования систем искусственного интеллекта.

Исходя из значения этических норм, их предметом являются нравственность и мораль, которые присущи человеку. Этика, как и право, является регулятором поведения человека [1]. Поскольку роботы, автоматизированные системы с искусственным интеллектом с каждым годом все активнее интегрируются в повседневную действительность, представляется также важным установить, насколько сопоставимыми являются понятия искусственного интеллекта и этики.

Данное обстоятельство связано со стремительным развитием цифровых технологий, которые прочно вросли в ежедневный обиход практически каждого человека, и которые также оказывают влияние на соблюдение и реализацию общественного правопорядка. Так, согласно статистическим данным, 66,6 % населения в мире пользуются мобильными устройствами оснащенными элементами системы искусственного интеллекта [5], что составляет 5,22 млрд человек из общего числа, равного 7,83 млрд [6]. Такие устройства, как смартфоны способны распознавать своих владельцев по лицу, путем идентификации своего обладателя через составление изображения лица пользователя телефона с цифровым образом. Система искусственного интеллекта позволяет оплачивать счета касанием кнопки на устройстве, а наличие соответствующих приложений позволяет решать множество задач и даже предлагать товары и услуги без соответствующего прямого запроса от владельца мобильного устройства. В ре-

¹ © Рамазанова К. К., 2021.

зультате «подслушанного» упоминания в разговоре о заинтересованности своего пользователя в определенных товарах или услугах, искусственный интеллект смартфона, представляющий собой программу, выполняющую определенные задачи и способную к самообучению, может весьма точно таргетировать рекламу определенных товаров, работ, услуг быстро подстраиваясь под интересы и потребности своего владельца.

При данных обстоятельствах необходимо обратить внимание на последствия пренебрежения этическими регуляторами во взаимодействии робота и человека. При тех обстоятельствах, которые были указаны выше и учитывая динамику развития сферы, влияния искусственного интеллекта на образование, экономику и на общественные системы в целом, важно осознавать, какого качества будет это влияние. Одной из главных задач для создателей и пользователей умных технологий является использование этих технологий во благо человечества, опираясь на сложившиеся в общественных отношениях нормы права, этики и морали. Важно учитывать, что искусственный интеллект способен к самообучению, и при этом он использует ресурсы человека, его знания или личные данные.

Это создает риски определенного характера для человека. Профессор Джанмарко Веруджио, председатель Комитета по науке Школы робототехники Института электроники, информационной техники и телекоммуникаций (г. Генуя, Италия) определяет понятие робота как машины с наличием компьютера внутри, программное обеспечение которого реализует искусственный интеллект [7]. Иными словами, при отсутствии этических норм для создания и использования техники и машин, оснащенных искусственным интеллектом, существует высокая вероятность нарушения как морально-этического, так и правового баланса в жизни человека. В связи с этим было введено новое понятие «робоэтика», которое определяет принципы поведения людей при конструировании и использовании роботов [4].

Однако понятие этики апеллирует к понятию нравственности, что в свою очередь дает отсылку к человеческому фактору, чувствам. Робот, обладающий набором алгоритмов для решения определенных ситуативных задач, руководствуется заданными человеком стандартами, применяемыми в заданных условиях. Его неспособность ориентироваться на собственные суждения в экстремальной ситуации, опираясь на нравственность и мораль, создают необходимость для лиц, создающих и использующих, обращаться к логичным механизмам и кодам, которые призваны симулировать нравственные чувства. В данном случае приходится говорить о логике, которая определяет модель поведения робота, и которая в силу своей системности, может быть заложена ему с целью замещения этических и нравственных норм.

Следует заметить, что человек опирается на мораль и этику, которые находят свое отражение в праве. Целью права является минимизация и ограничение негативных элементов в отношениях людей, которые нарушают общественно-моральные устои и причиняют вред.

Одной из задач носителей искусственного интеллекта является творческий процесс, генерирование новых идей, в результате которого могут появляться новые объекты гражданского, имущественного оборота. И основанием для та-

кого следствия будут являться изначально заложенные в систему искусственного интеллекта блоки информации, на которые он будет опираться при своей работе. Исходя из этого, представляется важным оснащение систем не только информацией и алгоритмами, касающихся технического характера, но и блоками информации этики и права, поскольку в гонке за техническими победами создается риск утраты сложившейся стабильности, гарантированной теми принципами морали и нравственности, гуманности, недискриминации, толерантности, которые присущи человеку и воспитываются с детства.

В связи с высокими темпами развития технологий и цифровизации различных сфер жизни человека представляется целесообразным внесение ряда изменений в законодательстве, восполняющих пробелы, имеющиеся на сегодняшний день, для отражения фактических изменений, связанных с использованием и применением искусственного интеллекта [2].

Появляются новые объекты права, создаваемые искусственным интеллектом. Так, используя систему искусственного интеллекта был выведен новый материал такой, как металлическое стекло [8]. Носитель системы искусственного интеллекта, используя определенные компьютерные алгоритмы, анализируя огромные объемы информации за короткий срок сгенерировал идею и концепцию создания нового прочного материала.

Однако работа, производимая элементом искусственного интеллекта как вновь создаваемого объекта, в будущем, не может регулироваться теми нормами, которые существуют на сегодняшний день, потому как вновь созданные объекты права и гражданского оборота не являются продуктом деятельности человека. Возможно, есть необходимость внедрения нового понятия и определения «носитель искусственного интеллекта» для идентификации единицы, которая является производителем вновь создаваемого объекта гражданского оборота.

Понятие интеллекта в целом, отсылает к способности саморазвития, самосовершенствования, способности к изучению, анализу, использованию вложенной информации возможно с целью управления окружающей средой, взаимодействию с ней. Носитель искусственного интеллекта с функциями обработки и анализа информации, с возможностью совершать действия способен порождать юридические факты как относительного событийного характера, так и волевого характера напрямую [3]. И это, в свою очередь, способно менять действительность для человека в целом.

Исходя из вышеизложенного, для сведения рисков использования искусственного интеллекта к минимальным показателям, необходимо взаимодействие государства и общества с целью создания правовых институтов контроля создания и использования системы искусственного интеллекта. Представляется важным, правовое закрепление необходимости внедрения искусственному интеллекту, логичных систем определенных и приемлемых моделей поведения. Такие правовые положения, помогут ориентироваться роботу в человеческой среде, не нарушая общественные этические нормы и не причиняя вред. Существует необходимость внедрения в носители системы искусственного интеллекта не только технических элементов и информационных блоков, но и антропологических базисных устоев как этического, нравственного характера, так и основ правового начала.

Библиографический список

1. Большая Советская энциклопедия (БСЭ). URL: <http://bse.scilib.com/-article127308.html>.
2. Мальгинов Е. А. Контуры права робототехники и дальнейшие перспективы развития робототехники в России и за рубежом // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontury-prava-robototekhniki-i-dalneyshie-perspektivy-razvitiya-prava-robototekhniki-v-rossii-i-za-rebuzhom/viewer>.
3. Хабриева Т. Я. Право в условиях цифровизации. СПб. : СПбГУП, 2019.
4. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
5. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-i-socsetej-na-2021-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/>.
6. URL: <https://www.populationpyramid.net/ru/%D0%BC%D0%B8%D1%80-%D0%B7%D0%B5%D0%BC%D0%BB%D1%8F/2021/>.
7. Skoltech Communications. URL: <https://www.skoltech.ru/2015/01/4165/>.
8. URL: <https://nv.ua/techno/innovations/iskusstvennyj-intellekt-pomohuluchshi-t-sozдание-metallicheskoho-stekla-2464465.html>.

Рахманина Н. В.¹,

старший преподаватель кафедры

гражданско-правовых дисциплин

Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ СТРАХОВЫХ УСЛУГ ГРАЖДАНАМ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Предыдущий год оказался очень непростым как для России, так и для всего мирового сообщества, пандемия заставила переориентировать все связи, направив их в информационное пространство. Действительно, в условиях пандемии значение сети Интернет несомненно выросло, согласно отчету Global Digital 2021 в мире возросло общее количество интернет-пользователей и достигло уже 4,66 млрд человек. К началу 2021 г. увеличился также процент пользователей мобильных устройств и составил 8,02 млрд человек [4].

Кроме того, согласно данным, приведенным в исследовании проекта WEB-Index в России в феврале – ноябре 2020 г. Интернетом хотя бы раз в месяц пользовались уже 95,6 млн человек, что составило 78,1 % от всего населения страны. В прошедшем году среди молодого населения в возрасте до 44 лет уровень проникновения Интернета превысил 90 % [2].

Сложные, нестабильные экономические условия, неуверенность в завтрашнем дне заставляют человека прибегать к услугам страховщиков, в связи с чем страхование приобретает особую ценность. Г. Ф. Шершеневич полагал, что основная цель договора страхования состоит в возмещении убытков [15, с. 285]. С. С. Алексеев рассматривал страхование как «вид социальной деятельности, конкурирующий по эффективности с иными формами социального обеспечения интересов личности» [1, с. 323].

Е. А. Суханов определяет страхование как «средство способное устранить или минимизировать неблагоприятный результат воздействия отдельных обстоятельств» [12, с. 828]. По мнению Б. М. Гонгало, страхование представляет собой «перераспределительные отношения по поводу формирования страховых фондов за счет денежных взносов, которые в последующем используются для возмещения ущерба» [5, с. 461].

В соответствии с прогнозами, представленными рейтинговым агентством «Эксперт РА» в 2021 г., страховой рынок вырастет на 7–9 % до 1,65 трлн руб., причем лидером рынка станет страхование жизни, темпы прироста премий в этом сегменте составят 20–25 %. По мнению специалистов, это связано с низкими ставками по депозитам и изменениями в налогообложении [10].

Однако оказание страховых услуг в сети Интернет имеет свою специфику, оно осуществляется через сайт либо через мобильное приложение, путем прохождения процедуры авторизации, которая заключается в использовании логина и пароля. В финансовом словаре приводится такое определение авторизации: это предоставление определенных полномочий лицу или группе лиц на выполнение некоторых действий в системе обработки данных [14].

¹ © Рахманина Н. В., 2021.

Сама авторизация включает в себя два этапа: идентификацию и аутентификацию. Идентификация – это процесс распознавания пользователя автоматизированной системой, для чего он сообщает ей свое уникальное имя, к примеру логин. В свою очередь, аутентификация представляет собой средство защиты, устанавливающее подлинность лица, получающего доступ к автоматизированной системе, путем сопоставления сообщенного им идентификатора и предъявленного подтверждающего фактора [3].

Не так давно эти два понятия получили и законодательное закрепление (пп. 21, 22 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») [13]. В соответствии с этим нормативным правовым актом идентификация представляет собой совокупность мероприятий по установлению сведений о лице и их проверке, а также по сопоставлению данных сведений с уникальным обозначением (уникальными обозначениями) сведений о лице, необходимым для определения такого лица (далее – идентификатор).

В то же время аутентификация – это совокупность мероприятий по проверке лица на принадлежность ему идентификатора (идентификаторов) посредством сопоставления его (их) со сведениями о лице, которыми располагает лицо, проводящее аутентификацию, и установлению правомерности владения лицом идентификатором (идентификаторами) посредством использования аутентифицирующего (аутентифицирующих) признака (признаков) в рамках процедуры аутентификации, в результате чего лицо считается установленным.

На наш взгляд, закрепленные в законе определения идентификации и аутентификации очень громоздки и по смыслу смешиваются между собой, так и в первом определении, и во втором используются схожие формулировки «сопоставление сведений с уникальным обозначением (уникальными обозначениями) сведений о лице», и «сопоставление идентификатора (идентификаторов) со сведениями о лице, которыми располагает лицо», именно поэтому разграничить эти термины очень сложно.

Однако по своей сути аутентификация – это процедура обратная идентификации, и если в процессе идентификации лицо должно сообщить автоматизированной системе свои уникальные данные (логин и пароль), то в ходе аутентификации происходит сопоставление введенных лицом уникальных данных с первоначальными данными, сохраненными в системе для этой учетной записи (профиля) [11].

Страховые услуги оказываются на основании договоров страхования и в зависимости от объекта страхования делятся на [7]:

- имущественное страхование (страхование имущества в случае его повреждения либо гибели, страхование ответственности по обязательствам, а также страхование предпринимательских рисков);
- личное страхование (страхование жизни, страхование от несчастных случаев и болезней, медицинское страхование, страхование путешественников и т. д.).

В рамках страхового правоотношения, возникающего на основании договора, страховщик принимает на себя обязательство возместить другой стороне (страхователю) понесенные потери, которые возникли в результате наступле-

ния страхового случая, за определенное вознаграждение (страховую премию) [6, с. 211].

Предоставление страховых услуг в сети Интернет помимо договора страхования определяется также в соответствии с пользовательским соглашением (например, пользовательское соглашение «Росгосстрах», пользовательское соглашение страховой компании Allianz и пользовательское соглашение ООО «Страховая компания „Сбербанк страхование жизни”») [16, 17, 18].

Согласно пользовательскому соглашению, страховая компания предоставляет возможность, как авторизованным, так и не авторизованным пользователям, осуществлять следующие действия через сайт (пользовательское соглашение «Росгосстрах» (п. 1):

- приобретать продукты и услуги компании;
- рассчитывать стоимость страховых продуктов;
- получать информацию по предлагаемым страховым продуктам;
- получать контактную информацию о компании;
- получать доступ ко всем иным размещенным информационным и рекламным материалам, связанным с деятельностью компании.

При этом страховая компания оставляет за собой право по своему усмотрению осуществлять изменение и (или) дополнение данного пользовательского соглашения без предварительного и (или) последующего уведомления пользователей сайта (п. 3).

В то же время страховая компания снимает с себя всякую ответственность за убытки, которые могут возникнуть у пользователей в связи с использованием сайта страховой компании и не гарантирует, что работа сайта будет: соответствовать требованиям и ожиданиям пользователя; точной и надежной; осуществляться непрерывно и без ошибок; бесперебойной и безошибочной, включая работу сервисов сайта (личного кабинета, калькуляторов, форм и т. д.); обеспечивать быструю передачу данных через сайт, а также быструю загрузку любых размещенных на сайте информационных и рекламных материалов.

Также страховая компания не гарантирует, что сайт не будет содержать: компьютерных вирусов и вредоносных программ; ошибок и опечаток (п. 9). Похожие условия содержатся и в пользовательском соглашении страховой компании Allianz [17].

Таким образом, покупая тот или иной страховой продукт по данным соглашениям, пользователь рискует приобрести некачественную страховую услугу, которая может не соответствовать его ожиданиям, в том числе по причине возникновения технических сбоев и неполадок на сайте или в мобильном приложении в процессе ее предоставления. Кроме того, сам пользователь сайта может подвергнуться вирусной атаке и потерять свои денежные средства. Однако, согласно законодательству, исполнитель обязан оказать услугу потребителю, качество которой соответствует договору [8].

В соответствии с пользовательским соглашением ООО «Страховая компания „Сбербанк страхование жизни”» деятельность сайта страховой компании направлена на обеспечение процесса информирования любых заинтересо-

ных лиц и их дальнейшее взаимодействие со страховщиком (п. 2). Однако все сведения и данные, условия страхования, размещенные на сайте, не могут рассматриваться (считаться) публичной офертой, носят исключительно информационное назначение, и предоставляются без каких-либо гарантий, явных или неявных. В то же время страховщик снимает с себя ответственность за убытки, ущерб или расходы, которые могут возникнуть в результате решений, принятых исключительно на основании информации, размещенной на сайте (п. 3 соглашения) [18].

Исходя из вышеизложенных положений, получается, что предоставление страховых услуг по данным соглашениям может не отвечать требованиям безопасности, которое предусмотрено п. 1 ст. 7 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», в соответствии с которым услуга при обычных условиях ее использования должна быть безопасна для жизни, здоровья потребителя, окружающей среды, а также не должна причинять вред имуществу потребителя [8].

Подобное поведение страховых компаний (профессиональных участников), которое выражается во включении в договор условий, уменьшающих или вообще исключающих ответственность этих компаний, на наш взгляд, является злоупотреблением субъективным правом с их стороны.

Возражения вызывает также условие пользовательского соглашения (п. 6), согласно которому использование сайта или его сервисов, а также совершение любого действия на сайте (в сервисе) означает, что пользователь безоговорочно, без каких-либо изъятий и ограничений, принимает данное соглашение и изменения (дополнения) к нему, подтверждая свое согласие с условиями соглашения. При этом соглашение обязательно для всех пользователей сайта (как авторизированных, так и не авторизированных при использовании общедоступной части сайта) [18].

На наш взгляд, здесь явно нарушается баланс интересов в пользу одной из сторон, т. е. условия данного соглашения обязательны для пользователя, и в то же время не обязательны для другой стороны (страховой компании). Полагаем, что таким образом происходит нарушение основополагающего гражданско-правового принципа – равенства участников правоотношений.

Также следует отметить, что помимо пользовательского соглашения и договора страхования целый ряд положений устанавливается в правилах страхования. В правилах страхования подробно описываются субъекты, которые могут стать страхователями и застрахованными лицами, объекты страхования, конкретизируется перечень страховых случаев и т. д.

Проблема в том, что большинству граждан (потребителей), не имеющих юридического образования, очень трудно разобраться во всех нюансах этих правил, которые в то же время очень объемны (например, правила страхования от несчастных случаев (КС) «Росгосстрах» насчитывает 80 страниц) [9].

Таким образом, предоставление страховых услуг в сети Интернет осуществляется на основании:

- пользовательского соглашения;
- договора страхования, в котором устанавливаются индивидуальные условия;
- правил страхования.

В то же время даже учитывая все риски, которые могут возникнуть при получении страховых услуг в сети Интернет, подобные услуги обладают рядом преимуществ:

- возможность тщательного изучения предложенных страховых услуг на сайте компании;
- быстрая скорость получения услуги и оформления документов;
- отсутствует необходимость посещения офиса страховой компании, воспользоваться услугой, можно не выходя из дома.

В заключении отметим, что несмотря на все проблемы, которые возникают в ходе предоставления страховых услуг гражданам в сети Интернет, данная сфера общественных отношений является очень перспективной и ее правовое регулирование необходимо дальше развивать и совершенствовать.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Гражданское право : учебник. М. : Проспект, 2009.
2. Аудитория интернета в России в 2020 г. // Mediascope [сайт]. URL: <https://mediascope.net/news/1250827/>.
3. Банковская энциклопедия // Академик [сайт]. URL: <https://banks.academic.ru/684/%d0%90%d1%83%d1%82%d0%b5%d0%bd%d1%82%d0%b8%d1%84%d0%b8%d0%ba%d0%b0%d1%86%d0%b8%d1%8f>.
4. Вся статистика Интернета и соцсетей на 2021 г. – цифры и тренды в мире и в России // WebCanape [сайт]. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-i-socsetej-na-2021-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii>.
5. Гонгало Б. М. Гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1. / под ред. Б. М. Гонгало. 2-е изд. перераб. и доп. М. : Статут, 2017.
6. Дерюгина Т. В. Договорное право : учебник. М. : Евразийская академия административных наук, 2011.
7. Закон Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Российская газета. 1993. № 6.
8. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 140.
9. Правила страхования от несчастных случаев (КС) «Росгосстрах» // Росгосстрах [сайт]. URL: https://www.rgs.ru/upload/medialibrary/9b8/pravila_1ks_2019.pdf.
10. Предварительный прогноз развития страхового рынка в 2021 г. : осторожный оптимизм // Raexpert [сайт]. URL: https://raexpert.ru/researches/insurance/ins_2021pre/.
11. Рахманина Н. В. Специфика предоставления физическим лицам финансовых услуг посредством сети Интернет // Банковское право. 2020. № 1. С. 62–66.
12. Суханов Е. А. Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. 3. М. : Волтерс Клувер, 2006.

13. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

14. Финансовый словарь // Academic.ru [сайт]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/19852.

15. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права : в 4 т. Т. 2. Товар. Торговые сделки. М. : Юрайт, 2020.

16. Пользовательское соглашение «Росгосстрах» // Росгосстрах [сайт]. URL: <https://www.rgs.ru/security/agreement/index.wbp>.

17. Пользовательское соглашение страховой компании Allianz // Allianz [сайт]. URL: https://www.allianz.ru/ru_RU/shared/terms-of-use.html.

18. Пользовательское соглашение ООО «Страховая компания „Сбербанк страхование жизни”» // СберСтрахование [сайт]. URL: <https://sberbank-insurance.ru>.

Самойлова А. К.¹,

*курсант института-факультета подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель: Филиппова А. И.,

*преподаватель кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

К ВОПРОСУ ПРИЗНАНИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ПРЕДМЕТОМ ХИЩЕНИЯ ПО РОССИЙСКОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

На современном этапе развития общества трудно представить свою жизнь без использования информационно-коммуникационных технологий, в частности сети Интернет. Он обладает обилием информационных ресурсов, упрощая процесс получения различных навыков, умений и сведений, во многом облегчает процесс удовлетворения тех или иных нужд и потребностей современного человека, что, в свою очередь, способствует переводу многих гражданско-правовых отношений в цифровую сферу.

Цифровизация привела к появлению в интернет-пространстве виртуальных объектов права собственности, которые на сегодняшний день не имеют правовой регламентации. Тем не менее, на наш взгляд, современные реалии требуют наличия эффективного правового инструментария: гражданско-правового регулирования виртуальных объектов, а также их уголовно-правовой защиты, поскольку в условиях развития цифровой экономики преступные посягательства на рассматриваемую категорию объектов происходят довольно часто.

Виртуальные объекты не имеют материальной формы и не существуют в реальном мире, однако создаются или приобретаются за денежные средства, принадлежащие их собственникам-пользователям сети Интернет, в цифровом пространстве. Реальная ценность виртуальных объектов порождает преступность в интернет-пространстве, т. е. способствует совершению различного рода хищений, при которых предметом преступного посягательства является виртуальный объект.

В российском гражданском законодательстве отсутствует определение виртуального объекта, что значительно препятствует пониманию относительно того, что следует относить к данной категории. А. М. Васильев и А. А. Козырин выделили ряд признаков, присущих цифровым объектам права собственности:

- прежде всего объекты предоставляются лицам посредством сети Интернет;
- рассматриваются пользователями как благо, имеющее ценность [4, с. 16] (как материальную, так и нематериальную);
- могут приобретаться или отчуждаться владельцем.

¹ © Самойлова А. К., 2021.

Указанные признаки позволяют относить их к объектам права собственности, а также осуществлять сделки с их участием. Таким образом, к виртуальным объектам следует относить цифровые финансовые активы и цифровую валюту, электронные кошельки (например, «QIWI Кошелек», «ЮMoney» и др.), аккаунты в социальных сетях, объекты онлайн-игр и др.

Отметим, что сегодня стоимость аккаунтов и персонажей в онлайн-играх варьируется от пары сотен рублей до нескольких тысяч долларов. Покупка и продажа виртуальных персонажей и атрибуты происходят ежеминутно в различных уголках планеты. Яндекс.Касса и исследовательская фирма Data Insight произвели сбор данных и выявили, что около 18 млн пользователей из России за 2018 г. в сумме потратили на транзакции в онлайн-играх 11,6 млрд руб. [8].

Рассматривая виртуальный объект в качестве предмета хищения по российскому уголовному законодательству, необходимо упомянуть о том, что под хищением, в соответствии с Примечанием 1 к ст. 158 УК РФ, понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества [2]. Отсюда любое незаконное изъятие объекта, совершенное с корыстной целью, а также причинившее ущерб законному владельцу имущества, признается хищением. Однако с точки зрения теории уголовного права к предметам хищения могут быть отнесены только объекты материального мира – движимое и недвижимое имущество [6, с. 270]. Ввиду того что законодательно виртуальные объекты не отнесены к объектам вещного права, при хищении, к примеру, персонажа в онлайн-игре, аккаунта в социальных сетях, деяние не может быть квалифицировано как преступление, предусмотренное ст.ст. 158–162 УК РФ.

Думается, что в настоящее время законодательство нуждается в изменении в части, касающейся признания виртуальных объектов объектами права собственности, поскольку они активно участвуют в экономическом обороте наряду с предметами материального мира, имеющими законодательное закрепление, а также их цифровая составляющая не препятствует традиционному функционированию института права собственности. В современной цивилистике существует и иная позиция, согласно которой виртуальные объекты – самостоятельная категория объектов гражданских прав, функционирующая в киберпространстве зачастую с особенностями отличными от реального мира [7, с. 104–110].

Исходя из законодательной трактовки ст. 141.1 ГК РФ [1], посвященной цифровым правам, виртуальное имущество полностью охватывается понятием «цифровые права». По мнению Б. А. Борисова [5, с. 88–91], законодатель рассматривает категорию виртуальных объектов с точки зрения «права на использование» или «права на право собственности», т. е. на осуществление правомочий собственника в рамках виртуальной реальности. Отсюда, в соответствии с ч. 4 ст. 454 ГК РФ, виртуальные объекты справедливо относить к категории вещных прав и именовать «цифровые вещные права» как новый вид объектов, существующий в цифровом пространстве в качестве предмета.

Тем не менее уголовное законодательство до сих пор не признает виртуальные объекты предметом хищения, что свидетельствует о несоответствии зако-

нодательства современным требованиям научно-технического прогресса. При этом подобные действия злоумышленника могут быть квалифицированы по ст. 272 УК РФ как неправомерный доступ к компьютерной информации, поскольку осуществляется несанкционированный вход в игровой аккаунт пользователя, аккаунт социальной сети и иные, вследствие чего происходит модификация, удаление, блокировка информации, ведущая совершению хищения рассматриваемой категории объектов, который отдельно не квалифицируется в качестве такового. На наш взгляд, в указанном выше случае преступление, предусмотренное ст. 272 УК РФ, является лишь предикатным по отношению к хищению, но не охватывает деяние полностью, ввиду чего имеет место совокупность преступлений. Статьи, входящие в главу 28 УК РФ, по своей конструкции не имеют целью охрану собственности, что, в свою очередь, требует дополнительной квалификации по ст.ст. 158–162 УК РФ.

Таким образом, в настоящее время виртуальные объекты функционируют на основе положений ГК РФ, относящихся к цифровым правам, однако ввиду вехений научно-технического прогресса и требований современности существует необходимость в выделении виртуальных объектов в отдельную категорию объектов вещных прав, существующих в цифровом пространстве, с целью учета специфики рассматриваемой категории объектов.

Помимо прочего, на наш взгляд, для единообразной и правильной квалификации хищений, предметом которых все чаще выступают объекты киберпространства, необходимо дополнить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [3] положением: «К имуществу следует относить цифровые финансовые активы, цифровую валюту, платежные средства, являющиеся эквивалентом национальной и иной валюты внутри веб-сайтов и иных сервисов сети Интернет, а также иные цифровые объекты, реализуемые на платной основе».

Библиографический список

1. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации» (ч. 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
2. Федеральный закон «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // НПП «Гарант-сервис». URL: <http://base.garant.ru/1352873/>.
4. Васильев А. М., Козырин А. А. Уголовно-правовая защита правомерных интересов в отношении виртуальных объектов // Уральский журнал правовых исследований. 2019. № 2.
5. Борисов Б. А. Цифровые объекты гражданских прав: объекты виртуального мира в контексте гражданско-правового регулирования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 4 (119). С. 88–91.

6. Кадников Н. Г. Уголовное право России : учебник : в 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2018.
7. Лисаченко А. В. Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 104–110.
8. Рынок социальной коммерции в России – исследование Яндекс.Кассы и Data Insight // URL: <http://www.datainsight.ru/socialcommerce2018>.

Сафронова С. С.¹,

*слушатель международно-правового факультета
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

Мородумов Р. Н.²,

*заместитель начальника кафедры
гражданского и трудового права, гражданского процесса,
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящее время происходит регулярная информатизация человеческой жизни. Глобальная компьютеризация общественных отношений коснулась практически всех сфер, в том числе и криминальной. Преобладающая часть совершенных преступлений во всем мире опирается на новейшие достижения науки и техники. Такие преступления признаются одними из самых трудно раскрываемых в современных условиях.

В связи с этим сложившаяся ситуация, непосредственно касающаяся информационных технологий, не может и не должна оставаться незамеченной. Это касается не только государственных органов, но и представителей научного сообщества.

Под искусственным интеллектом понимается некая программная система, которая способна отразить на компьютере процесс непосредственного мышления человека.

Необходимо отметить, что в правоохранительной сфере искусственный интеллект – не только современное явление, но и эффективное. Важно понимать, что применение искусственного интеллекта в правоохранительной сфере не является основанием для отказа от физических лиц [1].

Различные аспекты (теоретические, этико-правовые, практические и т. д.) применения искусственного интеллекта в области противодействия преступности раскрываются как в трудах зарубежных авторов, так и отечественных исследователей, которые относительно недавно направили свои усилия на изучение данного явления [2].

Посредством достижения в сфере искусственного интеллекта регулярно создаются новейшие возможности как для правоохранительной, так и для правоприменительной деятельности в целом. Прежде всего данные возможности связаны с идентификацией лиц или транспортных средств, имеющих непосредственную связь с уголовными делами или другими правонарушениями.

Искусственный интеллект может способствовать повышению качества прогнозирования криминальной деятельности. При всех существующих возможностях искусственного интеллекта важно понимать, что это всего лишь инструмент, которым необходимо уметь эффективно пользоваться.

¹ © Сафронова С. С., 2021.

² © Мородумов Р. Н., 2021.

Применение систем искусственного интеллекта в правоохранительной сфере затрагивает довольно широкий круг проблем, касающихся различного характера (этического, демографического, политического и т. д.).

Используя в правоохранительной деятельности искусственный интеллект, можно выделить три основных направления:

1. Цифровые нападения. В данном случае с помощью определенных программ (взлом, вредоносные программы) осуществляется проникновение в защищенные сети, изъятие из них важной информации, разрушение или же перехват управления физическими структурами.

2. Политические нападения. В данном случае речь идет о манипулировании коллективным поведением на основе создания фейковых новостей, запуска фальсифицированных видеороликов и фотографий, дискредитации информации и т. д.

3. Физические нападения. На сегодняшний день зарегистрированы случаи нападения с помощью использования Интернета.

В настоящее время технологии все более активно используются в повседневной жизни сотрудников полиции, среди которых можно выделить:

- распознавание подозрительных или украденных транспортных средств;
- распознавание лиц, которые находятся в розыске, подозреваются в совершении преступлений;
- распознавание голосов на основе сравнительного анализа;
- контент- и латентно-семантический анализ (определение психологическое состояние, а также скрытых смыслов);
- сбор, хранение и анализ информации, целью которых является выявления слабых сигналов, непосредственно указывающих неконтролируемые волнения, беспорядки, акты вандализма и т. д.;
- идентификация граждан, распознавание преступников и обнаружение подозрительного поведения;
- патрульные роботы определенной территории;
- поиск и анализ контента детской порнографии в сети;
- открытая система судебной экспертизы;
- переход к электронному полицейскому офису;
- распознавание необычных колебаний цен на активы;
- осмотр особо опасных объектов;
- боты, используемые для первичных информационных контактов с гражданами или организациями.

Данный перечень не является исчерпывающим.

Использование в правоохранительной деятельности искусственного интеллекта должно соответствовать определенным принципам, среди которых важное место занимают следующие:

1. Справедливость. Это означает, что система не должна нарушать основные права, в частности, свободу слова, презумпцию невиновности и т. д.

2. Преемственность. Подразумевает, что решения должны соответствовать политическим и культурным особенностям и традициям страны.

3. Прозрачность. Означает, что решения должны быть понятны и логичны.

Таким образом, необходимо сказать, система искусственного интеллекта в правоохранительной сфере – это не взаимоисключающее, а взаимодополняющее понятие. На мой взгляд, прогнозирование, предупреждение и противодействие преступности с использованием современных технологий должны стать приоритетной задачей государства.

Развитие новых технических возможностей в правоохранительной сфере, безусловно, является большим шагом вперед. Однако такое развитие сопровождается объемным количеством дискуссионных вопросов. Основная проблема сводится к тому, можем ли мы допустить машину (робота) к принятию каких-либо решений в правовой сфере. Еще одним дискуссионным вопросом, на который нам еще предстоит ответить, является вопрос, касающийся границ допустимости применения работы искусственного интеллекта в праве.

В настоящее время искусственный интеллект выступает в качестве объекта гражданско-правовых отношений. Мы ранее не задумывались, что когда-то машина сможет заменить деятельность человека. Однако, на сегодняшний день это происходит очень быстрыми темпами. Постепенно машина начинает преуспевать за людьми. К примеру, можно привести создание произведений науки, литературы и искусства. Помимо этого, наблюдаются успешные попытки сочинения музыкальных произведений. В связи с этим возникает дискуссионный вопрос: кто будет признан автором? По законодательству Российской Федерации автором может быть исключительно человек. Но по факту в данной ситуации автором является искусственный интеллект. Следовательно, необходимо в законодательстве ввести специальную норму, непосредственно касающаяся результатов деятельности искусственного интеллекта.

Возможности искусственного интеллекта постоянно возрастают. Системы искусственного интеллекта внедряются в медицинскую сферу, появляются автомобили, которые управляются с помощью искусственного интеллекта. В зарубежных странах даже появляется нормативная база, касающаяся внедрения и передвижения таких автомобилей. В связи с этим также возникают дискуссионные вопросы: кто же будет нести ответственность? Возможно ли признать систему искусственного интеллекта субъектом правоотношений? В настоящий момент данные вопросы активно обсуждаются как в России, так и за рубежом. Необходимо отметить, что на данный момент искусственный интеллект нельзя признавать полноценным членом общества. Данная система пока что не может функционировать без вмешательства человека. Однако внедрение этой системы изменяет нашу жизнь. Станет ли данная система благом или проблемой – во многом зависит от людей.

Библиографический список

1. Афанасьев А. Ю. Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений: что победит? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 3 (38). С. 28–34.
2. Суходолов А. П., Бычкова А. М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-protivodeystvii-prestupnosti-ee-prognozirovanii-preduprezhdenii-i-evolyutsii>.

Севостьянов М. В.¹,
*директор Волжского филиала
Волгоградского государственного университета,
кандидат юридических, доцент*

КОНЦЕПТ «КУЛЬТУРА» В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА РОССИИ

В современных условиях гражданского оборота концепт «культура», обладающий творческим характером, представляет собой обязательный элемент различных общественных отношений. При этом «созидательная инициатива» граждан и организаций должна реализовываться с учетом сформировавшихся культурно-исторических традиций [1]. Исследуемый концепт имеет комплексный характер, положенный в основу его изучения методами различных общественных наук. В то же время концепт «культура» в недостаточной степени изучен цивилистической наукой.

Таким образом, целью публикации является исследование гражданско-правовой природы названного концепта. Для достижения цели необходимо решить две научные задачи: дать определение понятия «концепт „культура”» применительно к системе гражданского права России и определить его место в структуре указанной отрасли права.

В качестве методологии исследования следует отметить два обстоятельства. Первое из них обусловлено тем, что основным элементом проводимого исследования будет выступать прием цивилистического толкования терминов, вынесенных в название публикации. Этот метод, предложенный русским юристом Е. В. Васьковским [2, с. 98], в контексте проводимого исследования представляет собой лексическо-правовой анализ и последующий синтез терминов «концепт», «культура», «система». Второе обстоятельство связано с тождественностью терминов «система гражданского права России» и «система Гражданского кодекса РФ». Это обстоятельство базируется на содержании ст. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК), в частности на сущности понятия «гражданское законодательство», представляющего собой совокупность самого ГК и принятых в соответствии с ним федеральных законов, фактически регулирующих всю сферу гражданско-правовых отношений в их официальном толковании чч. 1 и 2 ст. 2 ГК. Таким образом, в силу настоящего обстоятельства система гражданского законодательства является тождественной системе общественных отношений, складывающихся в области гражданского оборота и детализированных законодателем в указанной статье кодекса.

Рассмотрим последовательное решение поставленных задач.

Слово «концепт» происходит от термина «концептуальный», в буквальном смысле означающий «систему взглядов на что-нибудь», а также «основное мнение» [3, с. 294].

В лексическом выражении термин «культура» представляется собой целый набор различного рода объектов и действий. Например, в толковом словаре под

¹ © Севостьянов М. В., 2021.

ним понимается и определенный комплекс различных «достижений людей» в области производства, общественных и духовных отношений, и «разведение, выращивание какого-нибудь растения или животного», и соответствующий уровень развития человеком своих навыков. Дополняет изучаемый термин и содержание производного от него слова «культурный», сущность которого проявляется в достижении определенного итога действий (деятельности) человека, полученного в результате «обработки», «возделывания», «выращивания» различного рода объектов [3, с. 167, 216].

Следовательно, в лексическом значении под «культурой» понимается «действия (деятельность) человека, преследующая своей целью получение, сохранение, развитие, преобразование материальных, духовных и общественных потребностей на определенном историческом этапе».

Термин «система» в своем лексическом выражении понимается как «нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимосвязи частей» [3, с. 717].

Синтезировав полученные результаты, можно дать лексическое определение понятия «концепт культура как система». Под ним понимается «единство взглядов, обусловленных взаимосвязью действий (деятельностью) человека, направленных на получение, сохранение, развитие, преобразование материальных, духовных и общественных потребностей людей на определенном историческом этапе».

В контексте правового толкования исследуемых терминов обратимся к соответствующим источникам правового регулирования, базой для которых является Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [4]. При этом термины «концепт» и «культура» рассмотрим каждый по отдельности, а термин «система» – в привязке к изучаемой отрасли права («система гражданского права»).

Проведенный анализ основного закона государства позволяет сделать вывод о том, что термин «концепт» не содержится среди конституционных норм, а термин «культура» и его производные («культурный», «культурная» и т. п.), напротив, семнадцать раз упоминаются в Конституции РФ. При этом следует обратить внимание на динамику внесения в текст основного закона искомого термина. Так, в результате изменений, одобренных в процессе общероссийского голосования, проведенного 1 июля 2020 г., термин «культура» и его производные были дополнительно внесены в Конституцию РФ еще семь раз, т. е. использование этого понятия фактически увеличилось более чем на 41 %. Безусловно, такой подход свидетельствует об актуальности не только проводимого исследования, но и возросшего интереса российского народа к различным аспектам культуры.

Многократное упоминание термина «культура» в Конституции РФ дает все основания для выявления его правовой сущности и, соответственно, возможности определения его понятия.

Вместе с тем проведенный анализ основного закона государства позволяет сделать вывод о том, что искомый термин не содержится в нормах, определяющих основу конституционного строя России (гл. 1), а среди основных прав

и свобод человека и гражданина (гл. 2) связан с развитием физического состояния человека (ч. 2 ст. 41) или соотносится с различными элементами объектов гражданских прав: «культурная жизнь», «учреждения культуры», «культурные ценности» и др. (ст. 44).

В то же время понятие «культура» в достаточной степени используется и частично раскрывается по отношению к федеративному устройству государства. Например, в ч. 4 ст. 68 подчеркивается, что «культура» в России представляет собой «уникальное наследие» российского народа, что, в свою очередь, требует ее поддержки и охраны со стороны государства. Дополняют сущность понятия такие элементы, как «самобытность» народов, их «этнос» и «идентичность» (чч. 2 и 3 ст. 69).

Характерным для упорядочивания «культурных отношений» является закреплённая в Конституции РФ сущность применяемого при этом метода правового регулирования, сочетающего в себе императивные и диспозитивные начала. Так, согласно п. «е» ст. 71 установление государственной политики и разработка соответствующих программ в сфере культурного развития государства находятся исключительно в ведении Российской Федерации и являются одной из обязанностей Правительства РФ (п. «в» ч. 1 ст. 114). В свою очередь, отдельные аспекты культуры (физической, оздоровительной и др.) обладают диспозитивными элементами, поскольку возникающие при этом отношения могут регулироваться как федеративным законодательством, так и законодательством субъектов России (пп. «е», «ж» ст. 72).

Еще одним элементом, характеризующим понятие «культура», является его способность влиять на динамику движения отдельных объектов гражданских прав (товаров и услуг) в контексте введения ограничений, обусловленных угрозой культурным ценностям (ч. 2 ст. 74).

Новеллой конституционной значимости термина «культура» является его привязка к окружающей природной среде – «экологическая культура» (п. «е» ст. 114).

Таким образом, подводя промежуточные итоги публикации, следует констатировать, что понятие «культура», несмотря на многократное использование в Конституции РФ, все же не раскрывается в должной мере. В то же время отдельные составляющие (физическое состояние, здоровье и жизнь человека, ценности, экология и др.) подчеркивают его многогранный характер, проявляющийся в различных сферах правового регулирования общественных отношений.

В ГК термин «культура» и его производные термины используются 26 раз, например: «культурные ценности» (ч. 5 ст. 1), «культура» как образ жизни различных групп населения страны, в частности казачества (ч. 1 ст. 123.15), малочисленных народов (ст. 123.16) и др. Однако ни в одной из названных и неназванных статей кодекса не дается определение исследуемого понятия.

Таким образом, возникает потребность обратиться к специализированным правовым актам, регулирующим отношения в области культуры.

В Основах законодательства о культуре [5] этот термин носит собирательный характер и раскрывается через «культурную деятельность», «культурные ценности», «культурные блага» и др. Их анализ позволяет сделать вывод о том,

что в правовом значении культура представляет собой систему жизнедеятельности человека, направленную на создание, использование и развитие специфических компонентов (нравственных и эстетических идеалов, правил поведения, языков, диалектов и говоров, традиций и обычаев народов, художественных промыслов, ремесел и др.), используемых в гражданском обороте посредством создания условий и оказания услуг, предоставляемым гражданами и организациями для удовлетворения культурных потребностей людей. Следует отметить и отдельные компоненты культуры, такие как: культура народов и национальных групп, культурные аспекты различного рода программ развития, государственная культурная политика [5].

В другом специализированном правовом акте – ФЗ от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» – также не дается определение понятия «культура». Однако анализ предмета правового регулирования этого закона и закрепленных в нем основных понятий («объекты культурного наследия» и др.) дает возможность выявить критерии, которыми обладает термин «культура». По сути, это система отношений, в том числе и имущественных, складывающихся в сфере сохранения, использования, популяризации, учета, охраны объектов культуры [6].

Поскольку Конституция РФ, ГК и специальные законы не дают определения понятия «концепт культура», то обратимся в диссертационным правовым исследованием, выполненным в изучаемой области.

В докторской диссертации Е. В. Сазонниковой отмечается, что искомое понятие представляет собой один из основополагающих «элементов конституционно-правовой науки», включающий в себя целый комплекс различного рода аспектов: ценностей, верований, художественных достижений, просвещенности, уклада жизни человека, политику органов государственной и муниципальной власти [7, с. 13]. При этом «смысл» рассматриваемого концепта зависит от «предмета конкретного исследования», а содержание представляет собой совокупность «признаков явлений» базирующихся на «рациональной основе, жизненного опыта, интуиции и воображения субъекта познания» [7, с. 13–14]. Таким образом, в юридическом смысле «концепт культура» представляет собой систему взглядов на предмет исследования, обусловленный различными культурными компонентами.

С. Н. Горушкина исследует культурные аспекты посредством анализа культурных услуг, оказываемых учреждениями культуры. Несмотря на отсутствие в этой диссертации определения понятия «культура» все же можно сделать вывод о его сущности через призму оказываемых услуг. Например, под культурой следует рассматривать «творческую деятельность» человека, направленную на создание «культурных ценностей и их интерпретации» [8, с. 11].

Рассматривая определение понятия «система гражданского права», следует обратиться непосредственно к ГК и учебной литературе.

Проведенный анализ кодекса позволяет сделать вывод об отсутствии в нем каких-либо разделов, содержащих в своих названиях рассматриваемый термин. Вместе с тем, базируясь на лексическом толковании термина «система» как совокупности «закономерно расположенных и находящихся во взаимосвязи ча-

стей» можно предложить несколько вариантов изучаемой системы, классифицируемых по различным основаниям. В качестве первого основания можно использовать структуру ГК как совокупность его четырех частей, разделов, подразделов и глав, представляющих собой единство правовых норм, призванных регулировать гражданско-правовые отношений. Вторым основанием может выступать структура предмета гражданского права (правового регулирования) в достаточной степени представленная в чч. 1 и 2 ст. 2 ГК. В контексте этого основания система гражданского права представляет собой совокупность правоотношений, определяющих и регулирующих: 1) правовое положение граждан и организаций; 2) основания возникновения, динамику права собственности и иных вещных прав; 3) результаты интеллектуальной собственности; 4) корпоративные аспекты; 5) договоры и обязательства; 6) иные имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников; 7) предпринимательскую деятельность. В качестве третьего основания рассматриваемой классификации может выступать термин «источники правового регулирования» в его комплексном понимании (ст. 3 ГК). В этом значении система гражданского права представляет собой совокупность: 1) ГК и принятых в соответствии с ним федеральных законов (гражданское законодательство); 2) актов Президента РФ и постановлений Правительства РФ (иные правовые акты); 3) актов федеральных органов исполнительной власти, призванных регулировать гражданско-правовые отношения в установленном ГК порядке (ч. 7 ст. 3 ГК); 4) обычаев (ст. 5 ГК).

Подобный подход к системе гражданского права отмечается и в учебной литературе, с той лишь разницей, что авторы дают свои определения искомому понятию. Например, «система гражданского права» представляет «его внутреннюю конструкцию», основанную на «совокупности правовых норм, связанных едиными принципами и функциями», объединяемые предметом и методом гражданско-правового регулирования, которые «складываются» в подотрасли, правовые институты и субинституты [9, с. 19–20].

Таким образом, на основании проведенного в публикации анализа можно дать следующее определение понятия «концепт культура в системе гражданского права России». Под ним понимается «единство взглядов, обусловленных взаимосвязью действий (деятельностью) человека, направленных на получение, сохранение, развитие, преобразование материальных, духовных и общественных потребностей участников гражданского оборота на современном этапе исторического развития, подлежащих правовому регулированию при помощи совокупности правовых норм, объединенных едиными принципами, предметом и методом гражданско-правового регулирования, закрепленных в источниках правового регулирования».

Сущность решения второй задачи публикации заключается в трансформации содержательных элементов «концепта культура» в структуру ГК как правового акта, отражающего систему гражданского права России.

Однако решение этой задачи требует уточнения методологических приемов, поскольку рассматриваемое понятия в буквальном его выражении не применя-

ется в структуре кодекса. На основании изложенного положения будут проанализированы следующие аспекты: 1) использование термина «культура» в буквальном его понимании; 2) производные от понятия «культура» термины (например, «культурные ценности» и др.); 3) термины, которые по своему моральному, духовному, смысловому содержания тем или иным образом, отображают сущность понятия «культура»; 4) элементы публично-правовой (государственной или муниципальной) политики в изучаемой сфере; 5) элементы правового положения отдельных участников гражданского оборота, обусловленных их культурными компонентами.

На основании изложенных аспектов, «концепт культура» представлен в системе ГК следующим образом.

Во-первых, как один из принципов гражданского права, выступающий основанием для введения ограничений на движение товаров и услуг, в том случае если это создает препятствия для защиты культурных ценности (ч. 5 ст. 1 ГК).

Во-вторых, «концепт культура» непосредственно связан с правовым положением участников гражданского оборота. Так, несмотря на отсутствие на это прямого указания в ст. 19 ГК выбор гражданином составного элемента своего имени (в частности, отчества) в своей основе обусловлен национально-культурными обычаями соответствующих народов России.

«Концепт культура» в различных интерпретациях влияет и на правоспособность некоторых юридических лиц, выступая при этом составным элементом целей их учреждения и деятельности. Например, одной из целей деятельности казачьих обществ, признанных законом, является сохранение «культуры российского казачества» (ст. 123.15 ГК). Защита среды обитания, сохранение традиций, промыслов и культуры выступают основанием для учреждения организаций в виде «община коренных малочисленных народов» (ст. 123.16). С целью реализации различных социально-культурных функций создаются юридические лица в организационно-правовой форме «фонд», «учреждение», «автономная некоммерческая организация» (ст.ст. 123.17, 123. 21, 123.24).

В-третьих, составные аспекты рассматриваемого понятия в различных интерпретациях находят свое отражение в элементах правового режима некоторых объектов гражданских прав. Несмотря на то, что ст. 128 ГК не содержит в своей структуре изучаемого термина, отдельные вещи непосредственно представляют собой компоненты культуры, например «культурные ценности».

В-четвертых, будучи объектами материального мира, культурные ценности (здания культуры, музеи, усадьбы и др.) являются элементом оснований для возникновения и динамики права собственности и других вещных прав. Так, клад (культурная ценность) является основой возникновения права собственности (ст. 233 ГК), а выкуп культурных ценностей представляет собой одно из оснований ее прекращения (ст. 240 ГК). Наличие определенных культурных ценностей (памятники истории и культуры и др.) являются основанием для сноса здания или строения (ч. 2 ст. 272 ГК).

В-пятых, различные аспекты «концепта культура» являются составным элементом предмета договоров, направленных на передачу имущества, выполнение работ или оказание услуг. Посредством названных договоров образуются многие «культурные объекты», передаются культурные ценности и решаются

иные «культурные» задачи. В силу того, что договор представляет собой разновидность сделки и является одним из оснований возникновения обязательств, то можно сделать вывод о взаимодействии рассматриваемого концепта со структурой соответствующих разделов кодекса (гл. 9, 30, 37 и др.).

В-шестых, составные элементы «концепта культура», в частности творческий характер деятельности людей, выступают основой для создания результатов интеллектуальной собственности, отношения которой регулируются четвертой частью ГК.

Подводя итоги публикации, можно сделать следующие выводы.

1. Сформулированное определение понятия «концепт культура» дает возможность участникам гражданского оборота систематизировать свои творческие взгляды и направить свои действия (деятельность) на получение, сохранение, развитие, преобразование материальных, духовных и общественных потребностей участников гражданского оборота на современном этапе исторического развития в соответствии источниками правового регулирования гражданско-правовых отношений.

2. В системе гражданского права России «концепт культура» фактически находит свое отражение во всех составных элементах отрасли, наглядно представленных на примере ГК. Обладая отчетливыми частноправовыми чертами «концепт культура» выступает основой для различного рода действий (деятельности) граждан и юридических лиц, квалифицируемых как процесс осуществления гражданских прав.

Библиографический список

1. Путин В. В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. // Российская газета. 2020. № 7.
2. Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М. : Центр ЮрИнфоР, 2002.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1989.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144 (8198).
5. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1 // Российская газета. 1992. № 248.
6. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Сазонникова Е. В. Наука конституционного права России и концепт «культура»: вопросы теории и практики : автореф. дис. ...д-ра юрид. наук : 12.00.01. М., 2012.
8. Горушкина С. Н. Услуги учреждений культуры как инструмент реализации государственной культурной политики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
9. Фомичева Н. В., Строкова О. Г. Гражданское право. Общая часть : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019.

Семёнова Е. Г.¹,

*доцент кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

ОПТИМИЗАЦИЯ ДОГОВОРНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ В УСЛОВИЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Развитие новейших цифровых технологий, всеобщая цифровизация различных сфер деятельности обуславливают возникновение новых общественных отношений, которые требуют правового регулирования. Интернет уже является не только способом получения информации, коммуникации, но и способом обращения товаров, выраженных в цифровой форме (игры, электронные книги, музыкальные файлы, фильмы, блоги, приложения и иные информационно-развлекательные материалы), предоставления «облачных» сервисов и т. д. Отношения, возникающие в связи с оборотом таких цифровых объектов, затрагивают интересы различных субъектов права, что требует не только четкой регламентации их прав и обязанностей, но и совершенствования механизма регулирования их взаимодействия.

В настоящее время отсутствует четкое и системное нормативно-правовое регулирование оборота цифрового контента, что создает неопределенность при установлении договорных конструкций, которые следует применять при регулировании отношений в данной сфере. В частности, возникают вопросы правового регулирования обязательств по передаче данных, сгенерированных в цифровой форме (как путем предоставления доступа с последующей загрузкой с сервера, так и путем получения доступа без загрузки), предоставления вычислительных мощностей, в том числе программного обеспечения («облачного» хранилища). На практике оборот цифровых объектов опосредуется договорными конструкциями, направленными на передачу материального носителя в собственность, уступку требования, оказание услуг, агентскими соглашениями, а также заключением лицензионного соглашения. В то же время такая квалификация договоров оценивается неоднозначно.

В исследованиях отмечается, что такие свойства цифровых данных как обособляемость, непотребляемость, неистощаемость, количественная определенность, воспроизводимость закодированной в них информации и сходство копий с оригиналом цифровых данных определяют возможность их самостоятельного участия в имущественном обороте без посредства каких-либо носителей [4, с. 12].

Применение конструкции лицензионного договора также не разрешает всех вопросов, поскольку, в основном, субъект, которому принадлежат авторские права на цифровой объект, не является его поставщиком. В соответствии со ст. 1235 ГК РФ лицензиат получает право использования результата интеллек-

¹ © Семёнова Е. Г., 2021.

туальной деятельности, а целью заключения договоров в сфере оборота цифровых объектов является либо передача цифровых данных в собственность, либо предоставление удаленного доступа к данным (функциям программного обеспечения), при котором на поставщика возлагается обязанность на протяжении определенного времени обеспечить доступ к таким объектам.

Относительно понимания использования цифровых данных с точки зрения авторского права целесообразно привести высказывание А.И. Савельева, который отмечает, что в данном случае «использования программы в классическом авторско-правовом смысле со стороны пользователя не осуществляется: он потребляет результаты использования программы другим лицом [6]», соответственно специального разрешения от правообладателя не требуется.

В судебной практике предоставление цифровых объектов, в частности, дополнительного функционала игры за плату (виртуальных артефактов), квалифицируется как договор возмездного оказания услуг [1; 5]. Однако необходимо учитывать, что удовлетворение интереса пользователя происходит за счет его собственных действий, а не действий исполнителя по договору оказания услуг. На поставщика в цифровой сфере могут быть возложены обязанности по оказанию услуг, направленных на обеспечение функционирования цифровых данных. Однако спектр отношений, опосредованных оборотом цифровых объектов, является значительно шире, чем отношения по оказанию услуг.

В некоторых случаях соглашения между поставщиком цифровых объектов и пользователем квалифицируются как смешанные договоры, сочетающие в себе элементы лицензионного договора и договора возмездного оказания услуг, агентского договора. Модель передачи товаров, выраженных в цифровой форме, предполагает заключение соглашения, в котором каждый участник может выполнять определенную самостоятельную функцию, что исключает его рассмотрение как посреднического договора.

Потребность в нормативном и единообразном регулировании договорных отношений, возникающих в цифровой сфере, объясняется необходимостью защиты интересов их участников. Возникает ряд вопросов относительно распоряжения цифровыми объектами лицом, которое на законных основаниях его приобрело, возможности цифрового объекта (его копии) быть предметом последующих сделок.

С точки зрения законодательства цифровой объект является охраняемым результатом интеллектуальной деятельности, что требует соблюдения баланса интересов как его создателей, правообладателей, так и пользователей (потребителей). Так, предоставление доступа к электронным книгам, по сути, разрешает практически неограниченное использование таких произведений. Вместе с тем развитие цифровых технологий не должно отражаться на режиме охраны цифрового продукта от несанкционированного использования третьими лицами (копирования). В отношении конкретного пользователя необходимым является обеспечение свободного и в то же время фиксированного (эксклюзивного) контроля над доступом к цифровым данным.

Поскольку цифровые объекты вводятся в экономический оборот, возникают вопросы относительно механизма защиты прав пользователей в спорах, связан-

ных с качеством предоставляемого цифрового контента (возможностей замены, устранения недостатков цифрового объекта и т. д.), задержками при его поставке, безопасности цифровых данных и т. д. Договоры в сфере оборота цифровых объектов зачастую являются договорами присоединения, когда условия заранее определены поставщиком и требуют лишь определенных действий (акцепта) со стороны пользователя для заключения договора. В большинстве случаев такая форма заключения договора не предоставляет всей информации об условиях договора, правах и обязанностях сторон.

Соответственно, следует согласиться с тем, что наделение цифровых объектов правовым режимом в рамках института интеллектуальной собственности не обеспечивает эффективного правового регулирования [4, с. 11]. Общественные отношения, возникающие в связи с оборотом цифровых объектов, обладают существенной спецификой, обусловленной как природой их объекта, так и субъектным составом, что требует нормативной конкретизации и единообразного гражданско-правового регулирования.

Внесение Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ изменений в ст. 128 ГК РФ относительно регулирования цифровых прав как объектов права не является содержательным в части разрешения дискуссии относительно правового режима цифровых объектов. В исследованиях виртуальные объекты признаются самостоятельным видом имущества [2, с. 141–143]. Отмечается необходимость признания цифровых объектов, способных к обособлению, в качестве новых объектов гражданских прав [4, с. 12].

Разработка правового режима цифровых объектов как новых объектов действительности актуализирует вопрос нормативно-правового регулирования договорных отношений по поставке таких объектов. Предоставление доступа с последующей загрузкой цифровых данных, в том числе на указанный адрес электронной почты потребителя, и возможностью распоряжаться им по собственному усмотрению, сближает такой договор с обязательством по передаче имущества в собственность. Это позволяет исследователям квалифицировать договор, заключаемый между обладателем цифрового объекта и потребителем в соответствии с моделями, получившими закрепление в ГК РФ [4, с. 12]. При этом предлагается расширить предмет действия Закона о защите прав потребителей, включив цифровые данные в понятие «товар» [4, с. 12].

В то же время высказывается предположение о том, что традиционные договорно-правовые модели, регулирующие оборот физических объектов, не могут в полной мере учесть особенностей цифрового контента [7]. Учитывая нематериальность цифровых объектов, обосновывается необходимость отдельного нормативно-правового регулирования поставки товаров с цифровыми элементами, путем включения в законодательство новой договорной конструкции – договора на поставку цифрового контента [3].

Определение договора на поставку цифрового контента содержится в Директиве (ЕС) 2019/770 Европейского Парламента и Совета Европейского Союза от 20 мая 2019 г. «О некоторых аспектах, касающихся контрактов на поставку цифрового контента и цифровых услуг» [8]. В соответствии с ч. 1 ст. 3 данного акта договором поставки цифрового контента является договор, на основании

которого субъект предпринимательской деятельности поставляет, цифровой контент или цифровую услугу или обязуется это сделать, а потребитель, в свою очередь, платит или обязуется заплатить вознаграждение.

Применение технологий оцифровки объектов позволило субъектам вступать в договорные отношения различными способами – загрузкой, потоковой передачей, веб-трансляцией, подпиской, «облачными» сервисами, приложениями и т. д. Появляются различные формы встречного предоставления за получение цифровых объектов, в том числе путем предоставления персональных данных. Соответственно, применение классических договорных конструкций в сфере цифровых технологий связано с трудностями, обусловленными спецификой объекта договора. Следует учитывать и тот факт, что в настоящее время оборот цифровых объектов является достаточно распространенным не только между субъектами предпринимательской деятельности и потребителями, но и между организациями, которые используют возможности «облачной» инфраструктуры, цифровые платформы для обмена корпоративной информации и т. д.

Таким образом, правовые проблемы в регулировании отношений в сфере оборота объектов, выраженных в цифровой форме, нуждаются в тщательном правовом анализе и выработке условий эффективного регулирования договорными конструкциями, которые обеспечат баланс интересов всех сторон, участвующих в таких отношениях.

Библиографический список

1. Апелляционное определение Ленинского районного суда г. Кемерово от 26 апреля 2013 г. по делу № 11-59/2013 // URL: <http://www.sudact.ru>.
2. Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. А. С. Степанова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017.
3. Кузнецова Н. Г. Особенности приобретения мобильных приложений // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 2.
4. Мефодьева К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
5. Решение Арбитражного суда города Москвы от 24 ноября 2014 г. по делу №А40-91072/14-90-176 // URL: <http://www.msk.arbitr.ru>.
6. Савельев А. И. Правовая природа облачных сервисов: Свобода договора, авторское право и высокие технологии // Вестник гражданского права. 2015. Т. 5. № 5.
7. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. М., 2016.
8. Directive (EU) 2019/770 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2019 on certain aspects concerning contracts for the supply of digital content and digital services (Text with EEA relevance) // legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/eudr/2019/770/contents>.

Устимова С. А.¹,

*доцент кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

Рассказова Е. Н.²,

*старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

НОВЕЛЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ

В настоящее время в современном обществе постоянно происходят изменения в цифровой и информационной среде. Совершенствуются и развиваются технологии, а это, в свою очередь, требует внедрения новых норм в законодательство, регулирующие общественные отношения с цифровыми объектами.

В развитии гражданского законодательства в цифровой области права произошли важные и очень актуальные изменения. XXI в. – век информационных технологий, где деятельность почти каждого человека связана с Интернетом, различными социальными сетями и т. п. Граждане могут, не выходя из дома оформить заказ продуктов, оплатить услуги ЖКХ, заключать разного рода сделки. Период пандемии показал, что и работу можно осуществлять в домашних условиях. До недавнего времени регулирование таких общественных отношений происходило традиционными нормами гражданского права, которые, к сожалению, на сегодняшний день, устарели, и не идут в ногу со временем современных технологий.

Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и ст. 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» были внесены актуальные изменения по цифровым объектам, как объектам гражданских правоотношений. Основной целью данных изменений является введение новых положений, которые будут регулировать общественные отношения на рынке новых «цифровых» объектов экономических отношений. В частности, называется новый вид цифровой валюты – криптовалюта.

В Гражданском кодексе появилась отдельная статья, которая посвящена новому объекту гражданских прав – цифровым правам. Цифровыми признаются права, содержание и условия которых определяются по правилам информационной системы, отвечающей установленным законом признакам [6]. Понятие, которое определено в ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, является очень обширным, поэтому в него могут быть включены практически все права, записанные в цифровой форме.

¹ © Устимова С. А., 2021.

² © Рассказова Е. Н., 2021.

Цифровые технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни, поскольку в Интернете на сегодняшний день очень быстро развивается рынок цифровых объектов, к которым можно отнести и торговлю криптовалютами, аккаунтами, накоплением бонусов «Спасибо» от Сбербанка и т. п. Сейчас, нажимая кнопки на телефоне, компьютере или ноутбуке, мы совершаем сделки, получившие свое название «смарт-контакты».

Смарт-контракт («умный контракт») – это определенная компьютерная программа, которая отслеживает и обеспечивает исполнение обязательств между субъектами. Стороны прописывают в нем условия сделок и санкции за их невыполнение, ставят цифровые подписи. Программа самостоятельно определяет, все ли исполнено сторонами, и принимает решение: завершить сделку и выдать требуемое (деньги, ценные бумаги, недвижимое имущество), наложить на участников санкции в виде штрафа, пени или закрыть доступ к активам.

Появление электронной коммерции и иных цифровых возможностей упростили жизнь большинству населения, но так как данные отношения не регулировались законодательством, то они создавали большие риски. Цифровые права в гражданском законодательстве формируют необходимые правовые условия для заключения договоров в интернете и обеспечивают защиту граждан и организаций при совершении сделок с цифровыми активами [5].

Смарт-контакты являются не самостоятельными сделками, а только условиями об автоматическом исполнении какого-либо гражданско-правового договора, например, договора купли-продажи. Так же примером может быть автоматическое списание с банковской карты оплаты телефонной связи по средству режима автоплатежа. Для того, чтобы такие смарт-контакты работали на должном уровне, в Гражданский кодекс внесено правило о том, что сделка может предусматривать исполнение ее сторонами обязательств при наступлении определенных обстоятельств путем применения информационных технологий.

В этом году вступил в силу новый законодательный акт – Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ. Цифровыми финансовыми активами по закону признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы (ст. 1 закона о цифровых финансовых активах). В данном документе дается определение цифровой валюты (криптовалюты), также говорится о запрете ее использования на территории Российской Федерации для оплаты товаров и услуг. Запрещается рекламировать данный способ платежа цифровыми деньгами. Эти правила вступили в силу 1 января 2021 г.

Анатолий Аксаков председатель комитета Госдумы по финансовому рынку пояснил, что «криптовалюта представляет собой цифровой код, который используется как средство платежа и сбережений, как инвестиция. Однако в России его запрещается использовать для оплаты товаров и услуг» [7]. Так, по закону «О цифровых финансовых активах» криптовалюту в России можно покупать, выпускать, продавать, совершать другие сделки, но нельзя платить ей российским резидентам. В этом есть определенное законодательное противоречие, поскольку само понятие цифровой валюты в том же законе предполагает ее использование в качестве средства платежа.

Так, цифровая валюта принимается в качестве инвестиции или средства платежа, перед владельцем которой нет обязанного лица, но в некоторых случаях криптовалюту признают имуществом (в качестве исключения). Так, цифровая валюта будет считаться имуществом в следующих случаях: если начнется дело о банкротстве гражданина, а он все деньги заранее перевел в биткоины (цифровые деньги), то возместить долг кредиторам можно путем продажи криптовалюты.

В настоящее время в Российской Федерации отсутствует нормативный акт, который будет регулировать майнинг, т. е. организацию выпуска и обращения цифровой валюты в России, это, в свою очередь, является необходимым для эффективного функционирования рынка цифровых финансовых услуг.

Таким образом можно сказать, что пока в России цифровое право находится на стадии развития, в законодательстве только закрепляются основные определения цифровых прав. Так же ученые-цивилисты отмечают, что отрасль цифрового права обязана учитывать транснациональное законодательство, в противном случае правовой механизм реализации прав не будет востребован участниками цифровых прав. Важно сказать, вносимые изменения, совершенствование гражданского законодательства тем не менее, на наш взгляд, не позволит полностью урегулировать весь спектр отношений, постоянно зарождающихся в сети Интернет. Все существующие новеллы определяют лишь основы их правового регулирования. Стремительно развивающийся технический прогресс требует постоянного усовершенствования как со стороны законодателя, так и со стороны науки права, которая, в свою очередь, не должна отставать от важных изменений, происходящих в современном обществе.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации» (ч. 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 12. Ст. 1224.

4. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

5. Бажина Е. С. Цифровые права как объекты гражданских прав // URL: https://rusjurist.ru/teoriya_prava/cifrovye-prava-kak-obekty-grazhdanskih-prav/.

6. Поправки в ГК с 1 октября: цифровые права, электронная форма сделок, смарт-контракты и другие изменения // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/news/2/>.

7. Аксаков А. РБК-крипто // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5f16c6379-a794732b6dd31e7>.

Фёдорова Ю. А.¹,
*старший преподаватель
кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Возмещение вреда государством является важнейшим правовым институтом юридической науки и правоприменительной практики, действие которого направленно на всестороннее и полное возмещения вреда, причиненного органами и должностными лицами. Возмещение причиненного гражданам вреда имеет компенсационную функцию, которая в гражданско-правовом аспекте имеет наиболее существенное значение, так как направлена на восстановление имущественного состояния лица, существовавшего до причинения вреда (до его умаления).

Как правило, отношения, связанные с возмещением ущерба, вызванного причинением вреда, рассматриваются в учебной и специальной юридической литературе как отношения юридической ответственности, а причинение вреда – в качестве гражданского правонарушения.

Так, М. М. Агарков утверждает: «Обязательство из причинения вреда имеет совершенно самостоятельную задачу, – задачу, которая не может быть достигнута ни социальным обеспечением, ни государственным социальным страхованием, ни просто государственным страхованием. Это – задача возложения ответственности на определенное ответственное лицо с точки зрения гражданского права» [1, с. 222]. «...Иногда говорят о гражданской ответственности, понимая под этой ответственностью именно ответственность за вред» [2, с. 276– 295].

Е. А. Флейшиц указывает, что «иногда вместо термина «обязательства из причинения вреда» в литературе употребляется термин: «обязательство из правонарушений» [3, с. 31]. Рассмотрение обязательств вследствие причинения вреда в качестве гражданско-правовой ответственности встречается и в других работах.

Складывающиеся гражданско-правовые отношения, в том числе споры, между государством как особым субъектом этих правоотношений и гражданами заставляют последних обращаться за юрисдикционной защитой своих прав.

Взаимодействуя с государством, граждане во многих случаях сталкиваются с представителями органов внутренних дел, исполняющими свои должностные обязанности по защите личности, предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений, выявлению и раскрытию преступлений, обеспечению правопорядка в общественных местах, используя при этом предо-

¹ © Фёдорова Ю. А., 2021.

ставленные им полномочия, что в определенных случаях влечет возможность причинения ими вреда.

Наличие дискуссионных вопросов в доктрине, связанных с понятием причиненного вреда, порядком определения размера вреда, установлению причинно-следственных связей между поведением и неблагоприятными последствиями является актуальными для исследования автором.

В действующем законодательстве до настоящего времени не решены вопросы, связанные с межотраслевыми коллизиями гражданско-правовых и административно-правовых норм, проблемы участия казенного учреждения в гражданских правоотношениях при внедоговорных отношениях.

Существуют проблемы правоприменения, в частности, применение пп. 3, 4 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, свидетельствующих, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно; никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Идея возмещения вреда органами внутренних дел прочно вошла в законодательство Российской Федерации с вступлением в силу Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 302).

В соответствии со ст. 16.1 ГК РФ, в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации.

Ранее ГК РФ предусматривал возмещение убытков, причиненных только незаконными действиями (бездействиями) государственных органов и органов местного самоуправления, и с принятием Закона № 302 деликтные обязательства в отечественном гражданском праве получили новое направление развития – появилась возможность компенсации ущерба, причиненными правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления. Государство несет обязанность по возмещению вреда, связанное с осуществлением государственной деятельности, независимо от того, правомерными или неправомерными действиями причинен такой вред [5, с. 60]. В этом и заключается и новизна указанной нормы.

По смыслу ст.ст. 66 и 125 ГК РФ термин «публично-правовые образования» используется в качестве родового обозначения таких правосубъектных образований, как Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования, которые представляют собой структуру федеральных органов власти, органов государственных власти субъектов РФ и муниципальных органов. Деятельность представителей государственных органов зачастую связана с ограничением прав и свобод граждан и понуждением, поэтому вышеуказанная норма играет важную роль в правовом механизме защиты прав и интересов государства, общества, граждан и организаций. Правомерно причиненный вред подле-

жит возмещению только в случаях, специально предусмотренных законом. Случаев необходимости возмещения вреда, причиненного правомерными действиями, немало, но не все из них закреплены в законе, в связи с чем как раз и возникают трудности такого возмещения.

В Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции) закреплены полномочия сотрудников полиции, которые связаны с большим риском причинения вреда здоровью, имуществу как физическим лицам, так и юридическим лицам, а также закреплена возможность возмещения вреда, причиненного физическим и юридическим лицам противоправными действиями (бездействиями) сотрудника полиции, возмещению при выполнении им служебных обязанностей в соответствии со своими должностными полномочиями. Вред подлежит возмещению в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, и только в случае совершения сотрудниками полиции противоправных действий.

Возникает вопрос о возмещении убытков, причиненных правомерными действиями, так как причинение вреда правомерными действиями не всегда рождает обязательства по его возмещению, в случаях, предусмотренных законом (п. 3. ст. 1064 ГК РФ).

Кроме того, анализ правоприменительной практики показывает противоречивость принимаемых решений, допускающих привлечение к внедоговорной ответственности за нарушение договорных обязательств. Проблемы на практике вызывают установление соотношения понятий реального ущерба и упущенной выгоды.

Сформировавшиеся на практике критерии разделения указанных категорий неверно отражают их специфику, что напрямую отражается на объеме компенсации убытков.

Автор обращает внимание, что зачастую в судебной практике встречаются случаи, когда в установленном порядке судом общей юрисдикции устанавливается не незаконность действий, а необоснованность в действиях сотрудником.

Исходя из смысла ст.ст. 1069, 1070 ГК РФ возмещению подлежит лишь вред, причиненный незаконными действиями, т. е. **действиями, противоречащими конкретной норме закона**. В данных статьях ГК РФ не говорится о «необоснованности», «преждевременности» (что зачастую устанавливают суды в своих актах) и в действиях сотрудников, тем самым подобные решения или постановления судов не являются основанием к удовлетворению требований истцов.

Кроме того, в судебной практики нередки случаи, когда в рассматриваемом деле изначально предмет иска – взыскание неосновательного обогащения, по хранению вещественных доказательств, помещенных на хранение в рамках уголовного дела подвластно распорядительному органу, где основанием иска являются ст.ст. 1102, 1105, 1107 ГК РФ, однако далее – суд, вынося решение самостоятельно меняет предмет иска, изложив его как возмещение вреда причиненного незаконными действиями, а основание иска – ст. 1069 ГК РФ.

Каждый иск, предъявленный в суд, строго индивидуален и имеет свои особенности, в связи с чем для выстраивания полноценной позиции защиты необ-

ходимо все устанавливать детали и рассматривать их как в отдельности, так и в совокупности. Только такой подход позволяет максимально эффективно применять общее правило о деликтном обязательстве установленное ст. 1064 ГК РФ, соединяя в себе теорию и практику.

Библиографический список

1. Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. II. М. : Центр ЮрИнфоР, 2002.
2. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М. : Госюриздат, 1951.
3. Покровский И. А. Обязательства из правонарушений. Проблема ответственности за вред // Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 1998.
4. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М. : Госюриздат, 1951.
5. Дерюгина Т. В. Проблемы определения условий гражданско-правовой ответственности государственных, муниципальных органов, их должностных лиц // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 58–64.

Филиппова А. И.¹,
*преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ГОМЕОСТАЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОСИСТЕМЫ В СФЕРЕ ЗАКУПОК

*Постоянство внутренней среды –
залог свободной и независимой жизни*
К. Бернард

В настоящее время наблюдаем динамику цифровой экосистемы. Акцентируем внимание на гомеостазе, который изучается как принцип любой системы. В контексте гомеостаза правового регулирования целесообразно говорить о праве и общественных отношениях. Гомеостаз правового регулирования позволяет рассматривать единство (целостность) и постоянную воспроизводимость экосистемы [9] за счет составных его элементов, а именно: внешних (стабильные отношения на территории государства) и внутренних (стабильные общественные отношения) характеристик данной взаимосвязи.

Принцип гомеостаза в национальной цифровой экосистеме позволяет выделить ее основные признаки: единство (целостность); информативность; безопасность. Иными словами, имеет место быть прагматический анализ, может ли это сегодня работать. Некоторые аспекты жизнедеятельности и ее правовой регламентации претерпели определенные изменения и возникли вопросы системного и комплексного применения уже существующих явлений. Актуальность темы в том, что создана целая система эффективных закупок исключительно в электронной форме. Правовое регулирование контрактной системы закупок является составной частью финансовой деятельности публично-правового образования [7].

Обратимся к Федеральным законам от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [2] для детализации правового регулирования. В соответствии с данным законом к отдельным видам юридических лиц можно отнести, к примеру, РЖД, Роснефть, Газпромбанк, ГУП, МУП, водоканалы, энергетики, т. е. организации, которые не являются бюджетными, те, кто зарабатывают денежные средства самостоятельно и не получают их из федерального бюджета, но при этом в капитале присутствует государство.

В Федеральном законе от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [2], для детализации правового регулирования не прописаны правила проведения торгов, но указано что каждый заказчик должен разработать свое положение о закупках, разработать виды закупок, сроки их проведения, условия их проведения, опубликовать это положение на официальном сайте и затем заказчики публикуют свои закупки,

¹ © Филиппова А. И., 2021.

ориентируясь на свое же положение о закупках. Прямо указано только его обязанность публиковать эти закупки через ЕИС (публично, открыто).

Важно отметить, на какой электронной площадке проходит закупка, так как заказчики не ограничены федеральными площадками (подходит ли цифровая подпись, интерфейс электронной площадкой). Кроме того, электронная площадка запрашивает специальное разрешение (подпись), и иногда текущая подпись может не подходить, и приходится получать новую цифровую подпись [3]. Помимо этого, электронным сервисам, согласно вышеуказанному закону, присуще платное размещение (плата существенная), размер платы за участие предусмотрен на официальном сайте [8].

Стоит отметить и отличительные черты по Федеральному закону от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1], правовому регулированию подлежат права и обязанности заказчика и поставщика; также прописываются какие требования, документы; на каком сайте размещается заказ; используется ли цифровая подпись; как формируется контракт и прочее, тем самым регулируется деятельность государственных, муниципальных организации, которые расходуют федеральный бюджет. Полученные внебюджетные средства такие организации имеют право расходовать в соответствии с нормами Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [2]. Роль государства будет заключаться в осуществлении контроля и надзора в сфере закупок.

По статистическим данным Федерального казначейства России, уже в 2024 г., для осуществления государственных, муниципальных закупок, в том числе закупок различных юридических лиц, будут окончательно сформированы и внедрены экосистемные цифровые платформы (электронные сервисы, агрегаторы торгов, электронные магазины), предусматривающие: каталог работ, услуг, товаров, обеспечивающие открытость и прозрачность ценообразования в сфере закупок и эффективное взаимодействие поставщиков и заказчиков, а также данные сервисы послужат основой для развития конкуренции [4].

По мнению С. Н. Ярош, единое цифровое пространство важно для государственных заказчиков, так как идея развития системы закупок путем объединения действующих электронных ресурсов позволяет повысить прозрачность и эффективность закупок; снизить коррупционные риски и нарушения в области закупочной деятельности. Но также он отметил и важность для поставщиков, теперь они получают единый вход на закупки на нескольких электронных ресурсах [11].

Безусловно, объективным преимуществом единого цифрового пространства выступает упрощенное взаимодействие между заказчиком и поставщиком с наименьшими потерями для системы на уровне выбора площадки проведения закупок.

В настоящее время на электронных площадках участников зарегистрировано более 250 тыс. заказчиков, аккредитацию прошли более 300 тыс. поставщиков, проведено свыше 2 млн закупочных процедур малого объема на сумму свыше 150 млрд руб.

К примеру, согласно распоряжению Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2018 г. № 824-р [5], с 1 июля 2018 г. создан Единый агрегатор торговли «Березка», для государственных закупок малого объема (осуществляют закупки федеральные органы; подведомственные им казенные учреждения) [13].

Плюсы экосистемы заключаются в минимизации времени и усилий для получения услуги. Можно выделить: субъектный состав; целевую направленность; сам механизм взаимодействия; учитывать правовое регулирование при расчетах. Минус – может отслеживаться в практическом применении, а именно закрытый принцип построения работы данных платформ.

По общему правилу, экосистема представляет объединение нескольких платформ, на которых клиенту предоставляются различные продукты и услуги. Также экосистема может включать офлайн-сервисы, предлагаемые клиенту, например, через офисную сеть.

В. В. Борисова выделяет экосистему государственных закупок, как информационную платформу, осуществляющую государственные закупки [6].

Экосистемы могут развивать свои сервисы не только для физических лиц, но и для клиентов – юридических лиц [10]. Необходимо будет создать личный профиль, где будет аккумулироваться вся информация о действиях в экосистеме.

По оценке экспертов McKinsey, к 2025 г. на экосистемы может прийти около 30 % глобального ВВП (60 трлн долл. США).

Сегодня цифровизация – эффективный инструмент закупок. Закупочная функция преобразовалась в сложную задачу, требующую глубокого понимания и соответствующего программного обеспечения, иными словами, цифровой двигатель. Стоит рассмотреть создание целостного механизма правового обеспечения контрактной системы в сфере закупок.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (в ред. от 24.02.2021) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.
2. Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ (в ред. от 24.02.2021) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4571.
3. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (в ред. от 24.02.2021) «Об электронной подписи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2036.
4. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (в ред. от 17.02.2021) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2018 г. № 824 «О реализации пилотного проекта по созданию единого агрегатора торговли – информационного ресурса для обеспечения государственных и муниципальных нужд малого объема» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/557299415>.

6. Борисова В. В. Экосистема государственных закупок // Известия СПбГЭУ. 2020. № 2 (122). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekosistema-gosudarstvennyh-zakupok>.
7. Гаврицкий А. В., Мирошник С. В. Дискуссионные вопросы правового регулирования контрактной системы в сфере закупок // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskussionnye-voprosy-pravovogo-regulirovaniya-kontraktnoy-sistemy-v-sfere-zakupok>.
8. Дерюгина Т. В. Место принципа свободы договора в системе принципов гражданского права / Актуальные проблемы ведомственной цивилистики (к 50-летию Волгоградской академии МВД России) : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 12 мая 2017 г. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2017.
9. Раменская Л. А. Применение концепции экосистем в экономико-управленческих исследованиях // Управленец. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-kontseptsii-ekosistem-v-ekonomiko-upravlencheskih-issledovaniyah>.
10. Смирнов Е. Н., Лукьянов С. А. Императивы управления глобальными цифровыми платформами // Управленец. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperativy-upravleniya-globalnymi-tsifrovymi-platformami>.
11. URL: <https://www.rbc.ru/finances/02/04/2021/6066bbd79a79473d88391479?>.
12. URL: <https://www.mckinsey.com/ru/our-people#>.
13. URL: <http://duma.gov.ru/news/28698/>.

Фуженкова С. М.¹,

*курсант института-факультета подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования*

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: Филиппова А. И.,

*преподаватель кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета*

МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРАВА ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, НА ЖИЛЬЕ: ПУТИ И СПОСОБЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Актуальностью данной темы являются проблемные вопросы, относящиеся к осуществлению реализации жилищных прав детей, которые остались без родительской защиты, а именно в получении жилого помещения. В Российской Федерации имеется ряд нормативных правовых актов, которые регламентируют обеспечение и порядок выделения жилого помещения льготной категории лиц. Следовательно, с помощью обращения в органы государственной власти, которые уполномочены обеспечивать детей жильем, можно реализовать данные права, предоставляемые от лица государства. Анализируя все предоставляемые льготы и права, указанные в ряде правовых источниках, органами государственной власти, можно отметить, что все условия предоставлены. Все граждане Российской Федерации имеют право на жилище, согласно нормам Конституции Российской Федерации [1]. Отметим, что жилое помещение является важным предметным фактором условий существования на протяжении всей жизни человека, помимо потребности в еде, воде, одежде.

По статистическим данным федеральной службы государственной статистики [13, 11], по состоянию на 10 января 2021 г., количество сирот составило 406 128 человек. Анализируя вопросы попечительства в социальной сфере, сделаем вывод о том, что сироты – это та категория, которая постоянно нуждается в поддержке государства, потому как права сирот охраняются на постоянной основе [4]. Кроме того, статус сироты может быть признан только в законном порядке: по постановлению местной администрации; органы опеки, соцзащиты и иные уполномоченные органы вправе осуществлять данную деятельность [7].

Право реализации на получение жилого помещения наступает с 18-летнего возраста. Сирота, который находился либо под опекой, либо в воспитательной организации, по достижении совершеннолетия, вправе воспользоваться данным правом, при том условии, что он уже был занесен в реестр нуждающихся в жилье. Если данного занесения не было осуществлено, тогда это лицо вправе подать самостоятельно письменное заявление.

Анализ статистических данных Счетной палаты Российской Федерации показал [9], что с каждым годом число сирот, которые нуждаются в получении

¹ © Фуженкова С. М., 2021.

жилья не уменьшается, а, наоборот, только увеличивается. Полагаем, это связано с тем, что данная очередь «стоит» годами, и ничего не происходит. Тем самым отражая проблемные вопросы и пробелы в законодательстве, в жилищных фондах, которые уполномочены на данные действия, процесс чаще всего остается без движений. Возникает спорная ситуация по реализации прав детей-сирот [8, 10]. Для того, чтобы упростить процедуру выдачи жилого помещения, необходимо отметить общеустановленные аналогии в реализации обеспечения сирот жилым помещением, а именно:

1. В то время, пока сирота будет находиться на обучении в другом городе, который территориально находится на большом расстоянии от места проживания, государство в порядке заботы, предполагается, будет выделять временное помещение, которое будет служить «временным домом».

2. В связи с тем, что ожидание получения своего жилья у данной категории лиц затягивается на много лет, необходимо, к примеру, возмещение данного ожидания (условно, в денежном эквиваленте). Тем самым предполагается, что будут установлены выплаты по прожиточному минимуму в том или ином регионе, это послужит хорошей альтернативой временному ожиданию жилья.

3. Предполагается, установление определенного бумажного документа, который будет отражать в себе определенную сумму на покупку жилья сироте. Размер данной суммы будет установлен по ценам, которые установлены нормами предоставления площади жилого помещения (по общему правилу закреплено на одного человека, 33 квадратных метра общей площади жилого помещения) [3, 2].

В качестве информационной справки, отметим, что в 1989 г. было сформировано письмо Госкомтруда СССР № 3764-КД [14, 6], которое отражало порядок наделения комфортным жильем детей сирот и детей, которые остались без заботы, внимания, тепла и любви родителей. В данном письме разрешались проблемы ожидания квартиры, например, сироте предоставляется место в общежитии, которое и являлось временным обеспечением жилой площадью, и это не лишало права данного лица стоять на очереди в получении государственного жилья. К сведению, за период 2018–2021 гг. Россия находится на лидирующей месте среди европейских стран по количеству построенных квартир [12].

Таким образом, анализ данной темы выявил острые вопросы, связанные с осуществлением жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Рекомендуются внесение изменений в законодательную базу Российской Федерации, включая системное предоставление жилищных прав лицам, относящихся к данной льготной категории.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

2. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации» (ч. 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Федеральный закон «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.

4. Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 52. Ст. 5880.

5. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 17. Ст. 1755.

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 июня 2013 г. № 548 «Об утверждении типового договора найма жилого помещения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 28. Ст. 3826.

7. Лаврищева О. А. Современные проблемы реализации жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-realizatsii-zhilischnyh-prav-detey-sirot-i-detey-ostavshihsya-bez-popecheniya-roditeley>.

8. Рабец А. М. Проблемы осуществления и защиты жилищных прав несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей // Вестник МГОУ. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-osuschestvleniya-i-zaschity-zhilischnyh-prav-nesovershennoletnih-ostavshihsya-bez-popecheniya-roditeley>.

9. URL: <https://ach.gov.ru/>.

10. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

11. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/21918>.

12. URL: <https://rg.ru/2020/02/26/pochemu-sirotty-poluchat-zhilishchnyj-sertifikat-na-15-mln-rublej.html>.

13. URL: <https://rosstat.gov.ru/>.

14. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9027866>.

Шаймарданов Т. Р.¹,

*аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградского института управления –
филиала РАНХиГС*

НЕЗАКОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Предпринимательство в российском гражданском обороте сегодня является его фундаментальным составляющим. Каждый субъект гражданских правоотношений так или иначе оказывается вовлечен в сферу предпринимательства: либо в качестве субъекта предпринимательской деятельности, либо в качестве потребителя объектов гражданских прав, предоставляемых субъектами предпринимательской деятельности.

Конституция Российской Федерации [1] в ч. 1 ст. 34 закрепляет право граждан на осуществление предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, а в п. «е3» за Правительством Российской Федерации обязанность по содействию развитию предпринимательства и частной инициативы. Позитивное регулирование предпринимательской деятельности осуществляется посредством гражданского законодательства, в частности понятие предпринимательской деятельности содержится в части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [2].

Вместе с тем Российская Федерация противодействует незаконному предпринимательству посредством публично-правовых норм. Так, глава 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [4] посвящена регулированию ответственности за совершения правонарушений в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций, а Уголовный кодекс Российской Федерации [3] содержит ряд норм, устанавливающих уголовную ответственность за нарушение порядка осуществления предпринимательской деятельности. В рамках данной статьи особое внимание будет обращено на общий состав уголовного правонарушения, закрепленного в ст. 171 УК РФ («Незаконное предпринимательство»).

Согласно абз. 1 п. 1 ст. 2 ГК РФ предпринимательская деятельность – это самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Субъекты предпринимательской деятельности, согласно данной норме, должны быть зарегистрированы в соответствии с законом.

В свою очередь, согласно ч. 1 ст. 171 УК РФ, незаконным предпринимательством, по общему правилу, является осуществление предпринимательской деятельности без регистрации, лицензии либо соответствующей аккредитации, сопряженное с причинением крупного ущерба, либо извлечением дохода в крупном размере.

¹ © Шаймарданов Т. Р., 2021.

В рамках науки гражданского права вопрос об определении предпринимательской деятельности является весьма оживленным [7, 8, 12, 13]. Значимость определения предпринимательской деятельности можно проиллюстрировать следующим образом: «Появление в законе положений, указывающих на различие предпринимательской и приносящей доход деятельности, требует обязательной разработки специфических квалифицирующих признаков. Без их выработки практически невозможно решить вопрос о том, какая деятельность... будет считаться предпринимательской... а какая будет отнесена к приносящей доход деятельности» [9, с. 17]. Тем не менее участники дискуссии признают, что вопрос легальности является для рассмотрения предпринимательской деятельности в рамках гражданского права формальным, а не сущностным.

Однако при межотраслевом анализе ситуация становится прямо противоположной – из всех свойств предпринимательской деятельности именно ответ на вопрос легальности, под которым подразумевается наличие соответствующих регистрационных и иных разрешающих документов, служит способом определения отраслевой природы данного общественного явления.

В случае наличия легальности мы имеем дело с частно-правовым явлением, регулируемым гражданским правом, в случае отсутствия – с публично-правовым деликтом, ответственность за совершение которого устанавливается в соответствии с административным или уголовным законодательством в зависимости от иных квалифицирующих признаков. И следует признать, что вопрос легальности, в частности регистрации, приобрел в последние несколько лет новый оборот.

Так, Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Налог на профессиональный доход”» [5] (далее – ФЗ «О проведении эксперимента») вышел далеко за рамки не только собственного предмета регулирования, но и за рамки всей отрасли налогового права, создав альтернативный способ легализации предпринимательской деятельности. В соответствии с чч. 1–10 ст. 5 ФЗ «О проведении эксперимента» гражданину достаточно встать на учет в налоговый орган, после чего гражданину выдается в электронной виде справка, усиленная электронной подписью налогового органа. Отметим, что в соответствии с отечественным законодательством применение вышеназванного налогового режима физическим не означает приобретения данным гражданином статуса индивидуального предпринимателя, а тем более юридического лица.

Как справедливо отмечают исследователи: «Несмотря на все изложенное выше, признавая доходами и доходы, полученные от незаконной предпринимательской деятельности (в том числе от уголовно наказуемых преступлений), признавая возможность подобных доходов являться объектами налогообложения, законодатель уравнил бы такую деятельность с осуществляемой в рамках закона, т. е. признал бы легальной» [6]. Подобная оценка справедлива, так как в рамках науки уголовного права уже высказываются следующие суждения относительно налога на профессиональный доход: «Такой режим налогообложения предоставляет „самозанятым” гражданам право легализовать свою пред-

принимательскую деятельность с минимальными издержками и вести ее в дальнейшем в наиболее простом и необременительном режиме» [10].

Таким образом, создается ситуация, при которой не просто нарушается «буква закона», но подменяется весь объект преступления, на защиту которого направлена ст. 171 УК РФ, так как контроль за порядком осуществления предпринимательской деятельности подменяется публичным интересом в сфере налогообложения [11]. При этом с точки зрения гражданского права названная выше трактовка об уравнивании легализации предпринимательской деятельности и установления особого налогового режима могут быть оценены как утрата отраслью монопольного контроля над важнейшим экономическим и гражданско-правовым институтом.

Вместе с тем важно отметить, что упрощение процедур регистрации предпринимательской деятельности является крайне важным механизмом создания условий для реализации права граждан на осуществление предпринимательской деятельности. При этом их реализация не должна идти посредством нарушения отраслевой природы реформируемым правовых институтов.

Предпринимательская деятельность на сегодняшний день является фундаментальным экономическим, общественным и, как следствие, правовым институтом в Российской Федерации. Конституцией Российской Федерации закрепляется право на осуществление предпринимательской деятельности, а Правительство Российской Федерации берет на себя обязанность способствовать ее осуществлению.

Гражданское право призвано осуществлять позитивное регулирование, в то время как публичные отрасли права обеспечивают защиту предпринимательства от правонарушений.

Вместе с тем децентрализация регулирования субъектного состава предпринимательской деятельности означает уменьшение роли гражданского права как позитивного регулятора, что является, безусловно, негативным фактором с точки зрения отраслевого единства данного института.

Более того, отсутствие статуса субъекта предпринимательской деятельности порождает вопрос о легальности экономической активности физических лиц, в отношении которых применяется рассматриваемый особый режим налогообложения. Представляется, что для преодоления межотраслевой коллизии, вызванной тем, что нормы налогового права вступают в противоречие с совокупностью норм гражданского и уголовного права, статус «самозанятого» должен быть включен в рамки гражданского права в том или ином виде.

Таким образом, крайне важно дальнейшее рассмотрение «самозанятости» с целью его осмысления для гражданского права и предпринимательской деятельности, в частности.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации» (ч. 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Федеральный закон «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. Федеральный закон «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256.

5. Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Налог на профессиональный доход”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7494.

6. Асанов Р. Ф., Иванютина Е. В. Налогообложение доходов, полученных преступным путем, как деструктивный элемент основ правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogooblozhenie-dohodov-poluchennyh-prestupnym-putem-kak-destruktivnyy-element-osnov-pravovogo-gosudarstva>.

7. Воронцов С. Г. Легальные признаки предпринимательской деятельности: проблемы терминологической определенности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 34. С. 402–412.

8. Гущин В. В., Дмитриев Ю. А. Российское предпринимательское право : учебник. М. : Эксмо, 2005.

9. Дерюгина Т. В. Предпринимательская или приносящая доход деятельность некоммерческих организаций: проблемы гражданско-правового регулирования // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 3. С. 12–17.

10. Жилкин М. Г. Предпринимательская деятельность самозанятых граждан: вопросы ответственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 11 (230). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskaya-deyatelnost-samozanyatyh-grazhdan-voprosy-otvetstvennosti>.

11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. 12-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2012.

12. Предпринимательское право России : учебник / отв. ред. В. С. Белых. М. : Проспект, 2008.

13. Российское предпринимательское право: учебник / отв. ред. И. В. Ершова, Г. Д. Отнюкова. М. : Проспект, 2012.

Шаповалов Я. А.¹,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических
и научных кадров Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ОКАЗАНИЕ УСЛУГ ПО АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЕ ОБЪЕКТОВ КАК ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА

Актуальность темы обусловлена тем, что в цивилистической науке отсутствуют исследования, посвященные договорному регулированию оказания услуг по антитеррористической защите (далее – АТЗ) объектов. Это обусловлено несколькими причинами. Приведем некоторые, на наш взгляд, основные и взаимообусловленные.

Первой причиной являются устоявшиеся на постсоветском пространстве взгляды на публично-правовую природу охранной деятельности и, в частности, деятельности по АТЗ объектов. Просуществовавшая несколько десятилетий социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства в качестве основы экономической системы государства [11], а также отсутствие предпринимательской деятельности в современном ее понимании презюмировали возложение функций по АТЗ объектов на органы государственной власти. Следствием этой исторической данности является распространенный среди субъектов предпринимательства подход к АТЗ, согласно которому данный вид защиты обязаны осуществлять исключительно государственные органы [19, с. 64], специально уполномоченные на то соответствующими нормативными правовыми актами [3, 4].

Второй причиной является относительно небольшое время существования охранной деятельности в качестве предпринимательской – с момента принятия Закона РФ № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» в 1992 г. (далее – Закон о частной охране), и, что более важно, внесением лишь в 2013 г. изменений [7] в Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (далее – Закон о противодействии терроризму), согласно которым на некоторых участников гражданского оборота была возложена обязанность по выполнению требований к АТЗ объектов, принадлежащих им на праве собственности или на ином законном основании.

Актуальность выбранной тематики подтверждается высоким уровнем террористических угроз. Так, лишь за один месячный период 2021 г. ФСБ России было предотвращено несколько планируемых терактов в образовательных учреждениях (3), в местах массового пребывания граждан (2) и на объектах топливно-энергетического комплекса (2) [12], обязанность по выполнению требований к АТЗ которых в силу п. 3.1 ст. 5 Закона о противодействии терроризму возложена на соответствующих физических и юридических лиц. Способом исполнения обозначенной обязанности является привлечение специализированных охранных организаций с целью оказания услуг по АТЗ объектов путем

¹ © Шаповалов Я. А., 2021.

заключения соответствующего договора. Изучение правовой природы указанных услуг в качестве предмета договора и является **целью** настоящей публикации. Для достижения поставленной цели необходимо решить две научные **задачи**: 1) провести анализ составных компонентов изучаемой услуги; 2) дать определение понятия «оказание услуг по АТЗ объектов как предмет договора».

Статья 3 Закона о частной охране предусматривает следующий вид услуги, осуществляемой частными охранными организациями (далее – ЧОО): «охрана объектов и (или) имущества, а также обеспечение внутриобъектового и пропускного режимов на объектах, в отношении которых установлены обязательные для выполнения требования к антитеррористической защищенности». Данный вид услуги не распространяется на объекты государственной охраны, а также на другие объекты, на которые не распространяется частная охранная деятельность [5, 8].

Из анализа упомянутого закона становится понятно, что услуга по АТЗ объектов – вид охранной услуги, которая осуществляется на возмездной договорной основе. Следует обратить внимание на динамику правового регулирования рассматриваемых отношений. До внесения изменений в законодательство по АТЗ, в субъектах РФ действовали антитеррористические комиссии, возглавляемые руководителями таких субъектов, акты которых фактически являлись единственным источником правового регулирования отношений по АТЗ объектов, расположенных на территории соответствующего субъекта РФ. Еще 15 лет назад исследователи впервые обратили внимание на влияние региональных актов на отношения между заказчиком и исполнителем договора оказания охранных услуг [16, с. 98–100], сейчас же данная услуга установлена Законом о частной охране, а требования к АТЗ объектов устанавливает Правительство РФ. Вместе с тем до настоящего времени не разработан единый перечень объектов, в отношении которых устанавливаются обязательные требования к АТЗ, а также законодательно не определено единое понимание кем и каким образом должны выполняться данные требования, что подчеркивает актуальность темы для последующих исследований.

Договору оказания охранных услуг уже были посвящены работы отечественных цивилистов, и в некоторых из них отмечалась антитеррористическая функция данного договора [17, с. 522–523; 14, с. 54]. Однако под функцией понимается направление правового воздействия на общественные отношения, а исследования, посвященные услуге по АТЗ объектов в качестве предмета договора, отсутствуют.

Для решения **первой задачи** необходимо выделить и проанализировать составные компоненты услуги по АТЗ объектов: 1) охрана объектов; 2) обеспечение внутриобъектового и пропускного режимов.

Следует напомнить, что как такового перечня объектов, на которые распространяется частная охранная деятельность, не существует. Однако, подвергнув анализу соответствующие нормативные правовые акты, ограничивающие деятельность ЧОО [5, 8], можно выделить следующие объекты охраны: места массового пребывания людей, торговые объекты, гостиницы и иные средства размещения, объекты водоснабжения и водоотведения, некоторые категории

опасных производственных объектов, объекты религиозных организаций, объекты в сфере культуры, объекты Министерств здравоохранения, науки и высшего образования, просвещения и др. В отношении всех этих объектов приняты специальные подзаконные акты, устанавливающие комплекс мероприятий, направленных на обеспечение их АТЗ, и к обеспечению выполнения которых могут быть привлечены ЧОО.

Объекты охраны, подлежащие защите частными охранными организациями, в Законе о частной охране определяются как недвижимые и движимые вещи. Исходя из анализа положений ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» следует заключить, что под объектами законодатель понимает предприятие в его гражданско-правовом смысле, т. е. имущественный комплекс [1]. Однако согласно ст. 132 ГК РФ в состав предприятия входят все виды имущества, что наталкивает на мысль о нарушении законодателем логики в формулировке изучаемой услуги – «охрана объектов и (или) имущества». Из теории гражданского права известно, что имущество включает в себя материальные вещи, а все, что относится к нематериальному имуществу («бестелесные вещи»), являются имущественными правами. Поэтому можно признать выбранную законодателем формулировку неудачной.

Представляется возможным определить услугу по АТЗ объектов как «охрана имущества, а также защита жизни и здоровья граждан...» в совокупности, разных с точки зрения Закона о частной охране, услуг. С точки зрения закона видится возможным заключение договора по оказанию услуги охраны объектов, к которым предъявляются требования к АТЗ, без услуги по защите жизни и здоровья граждан, но такой договор нам представляется абсурдным и нарушающим формальную логику. Аргументируем это тем, что устанавливаемые специализированными нормативными актами требования к АТЗ включают в себя не только охрану имущества и обеспечение специальных режимов, но, более того, направлены прежде всего на защиту высших человеческих ценностей – жизни и здоровья граждан. Подтверждается это тем, что в подзаконных актах об утверждении требований к АТЗ категоризация объектов осуществляется в первую очередь из расчета прогнозируемого количества пострадавших, а также тем, что АТЗ в обязательном порядке обеспечивается проведением организационных и других мероприятий, направленных на проведение учений с работниками объекта, разработку плана эвакуации и иных действий лиц при угрозе совершения террористического акта. Таким образом, оказание услуг по АТЗ объекта невозможно без обеспечения защиты жизни и здоровья граждан.

Так что же такое «охрана» и «защита» указанных объектов гражданских прав? Справедливо будет обратиться к уже имеющимся исследованиям. Так, С. А. Шаронов определяет охрану в качестве исходной предпосылки охранной деятельности как «фактические действия субъектов, направленные на защиту объектов от противоправных посягательств, осуществляемые на основе правовых средств» [20, с. 141–142]. Как видим, понятие «охрана» проявляется через понятие «защита», последнее, в свою очередь, образуется от глагола «защитить» и, согласно толковому словарю русского языка, означает «охраняя, ограждать от посягательств, от враждебных действий, от опасности» [13, с. 800]. Та-

ким образом, и охрана, и защита представляют собой действия, направленные на недопущение осуществления противоправных посягательств на объекты гражданских прав.

Далее рассмотрим такой компонент изучаемой услуги, как «обеспечение внутриобъектового и пропускного режимов». Согласно легальному определению внутриобъектовый режим – это порядок, который обладает законностью, устанавливается клиентом или заказчиком, доводится до сведений работников и посетителей объекта, обеспечивается совокупностью мероприятий и правил, выполняемых находящимися на объекте лицами, в соответствии с правилами внутреннего трудового распорядка и требованиями пожарной безопасности [2]. Пропускной режим – это такой же порядок, но обеспечиваемый мероприятиями и правилами, которые исключают возможность бесконтрольного входа (выхода), въезда (выезда) транспортных средств, вноса (выноса), ввоза (вывоза) имущества на объекты охраны или с них. Обеспечение указанных режимов существует как отдельный вид охранных услуг, но применительно к услуге по АТЗ объектов он обладает специфическими свойствами, которые обусловлены требованиями к АТЗ объектов. К комплексу мер по реализации данных режимов можно отнести: воспрепятствование неправомерному проникновению на объект (осуществление осмотра, оборудование контрольно-пропускными пунктами, противотаранными устройствами, системами контроля и управления доступом), оснащение инженерно-техническими средствами и системами охраны (установка ограждений, систем видеонаблюдения, систем оповещения, датчиков обнаружения, систем досмотра), охранные мероприятия (обход и осмотр зданий, сооружений и участков, воспрепятствование бесконтрольному нахождению людей и транспортных средств, своевременное реагирование на угрозы), организационно-правовые и трудовые мероприятия (разработка плана эвакуации, действий сотрудников, проведение инструктажей и учений, информационное оснащение, назначение ответственных лиц). Таким образом, данные мероприятия должны обеспечивать состояние защищенности объекта, препятствующее совершению террористического акта [3].

В контексте решения **второй задачи** публикации следует отметить, что как договор оказания охранных услуг является непоименованным договором, так и оказание услуг по АТЗ не имеет легального определения, однако может быть раскрыто через закрепленное в ст. 779 ГК РФ определение понятия «возмездное оказание услуг». Из этого определения следует, что услуги – это определенные действия или деятельность. В цивилистических исследованиях отмечается, что такая деятельность исполнителя не приводит к какому-либо овеществленному результату [15, с. 12], к тому же является неразрывно связанной с исполнителем. Таким же образом трактуют понятие «услуга» и органы правосудия [10], из чего можно сделать вывод, что суть услуги именно в определенных действиях или деятельности.

Как объект гражданских прав существует именно термин «оказание услуг». В научной среде уже имеются работы, посвященные определению понятия «оказание охранных услуг как объект гражданских прав». Так, С. А. Шаронов определяет это как «совершение охранной организацией (услугодателем) дей-

ствий (осуществление охранной деятельности) в пользу другого лица (услугополучателя), направленных на достижение полезного эффекта, не имеющего овеществленного результата (поглощенного материального результата) и неотделимых от услугодателя, преследующих своей целью защиту материальных и нематериальных благ (объектов охраны) от противоправных посягательств» [18, с. 128].

Оказание услуг по АТЗ объектов как один из видов охранных услуг является предметом соответствующего договора и, следовательно, его существенным условием (ст. 432 ГК РФ). Именно поэтому так важно безошибочно установить правильный предмет договора, а также его содержание.

Классифицировав изучаемую услугу, следует отметить, что она является: 1) комплексной, так как сочетает в себе несколько видов услуг (о чем было упомянуто выше); 2) оказывается по поводу защиты материальных и нематериальных благ (аргументировано в контексте решения первой задачи публикации); 3) оказывается в пользу заказчика; 4) частной (оказывается ЧОО на основании гражданско-правового договора); 5) предпринимательской (осуществляется ЧОО, образованными в форме общества с ограниченной ответственностью и, следовательно, имеющее основной целью своей деятельности получение прибыли).

Таким образом, объединив правовые свойства и признаки изучаемой услуги, автор дает следующее определение понятия: «оказание услуг по АТЗ объектов как объект гражданских прав – совершение не имеющих овеществленного результата (поглощенного материального результата) и неотделимых от услугодателя действий (деятельности) охранной организацией в пользу другого лица, направленных на обеспечение состояния защищенности объекта, препятствующее совершению террористического акта».

В свою очередь, «оказание услуг по АТЗ объектов как предмет договора – совершение охранной организацией действий (деятельности) по охране имущества, защите жизни и здоровья граждан, а также по обеспечению внутриобъектового и пропускного режимов на объектах, в отношении которых установлены обязательные для выполнения требования к антитеррористической защищенности».

Подводя итоги публикации, следует резюмировать:

1. Услуга по АТЗ объектов является комплексной услугой и включает в себя такие виды охранных услуг как «охрана объектов и имущества» и «обеспечение внутриобъектового и пропускного режимов на объектах».

2. Аргументировано, что изучаемая услуга неразрывно связана с «защитой жизни и здоровья граждан» и, следовательно, должна содержать в себе и данный вид охранной услуги.

3. Дано определение понятия «оказание услуг по АТЗ объектов как объект гражданских прав», под которым понимается «совершение не имеющих овеществленного результата (поглощенного материального результата) и неотделимых от услугодателя действий (деятельности) охранной организацией в пользу другого лица, направленных на обеспечение состояния защищенности объекта, препятствующее совершению террористического акта».

4. Предложено авторское определение понятия «оказание услуг по АТЗ объектов как предмет договора», под которым понимается «совершение охранной организацией действий (деятельности) по охране имущества, защите жизни и здоровья граждан, а также по обеспечению внутриобъектового и пропускного режимов на объектах, в отношении которых установлены обязательные для выполнения требования к антитеррористической защищенности».

Библиографический список

1. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации» (ч. 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 27.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

4. Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (ред. от 09.11.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 15. Ст. 1269.

5. Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» (ред. от 01.04.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 22. Ст. 2594.

6. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 30. Ст. 3588.

7. Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 208-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам антитеррористической защищенности объектов» (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 30. Ст. 4041.

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 14 августа 1992 г. № 587 «Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности» (ред. от 10.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. № 1244 «Об антитеррористической защищенности объектов (территорий)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 52 (ч. II). Ст. 7220.

10. О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29 сентября 1999 г. № 48 // Вестник ВАС РФ. 1999. № 11.

11. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

12. Официальный сайт Национального антитеррористического комитета // URL: <http://nac.gov.ru/>.
13. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Оникс, 2010.
14. Севостьянов В. В. Договорное регулирование предпринимательского отношения по эксплуатации опасных производственных объектов : дис. ...канд. юрид. наук. Грозный, 2019.
15. Степанов Д. И. Услуги как объект гражданских прав : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2004.
16. Шаронов С. А. Договор на оказание услуг частной охранной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006.
17. Шаронов С. А. Концепция гражданско-правового регулирования охранной деятельности в Российской Федерации : монография. М. : Юстицинформ, 2014.
18. Шаронов С. А. Понятие, правовая природа и классификация оказания охранных услуг как объекта гражданских прав в контексте осуществления предпринимательской охранной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2. С. 126–130.
19. Шаронов С. А. Антитеррористическая защищенность опасных производств как условие осуществления предпринимательской деятельности в преддверии Чемпионата мира по футболу 2018 года // Власть закона. 2018. № 1. С. 61–84.
20. Шаронов С. А. Проблемы правового регулирования охранной деятельности как разновидности предпринимательства // Власть закона. 2019. № 4. С. 137–155.

Яготинцева Т. Ю.¹,
*аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградского института управления –
филиала РАНХиГС*

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА МЕХАНИЗМА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО КОРРУПЦИОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

На сегодняшний день противодействие коррупции перестало быть задачей исключительно публично-правовых отраслей права. Активное развитие в данной сфере получили меры гражданско-правового характера. Использование частно-правового регулирования в противодействии коррупции обусловлено многогранностью последствий коррупционных правонарушений. Однако в теоретическом плане, рассматриваемые механизмы остаются малоосмысленными, поскольку, как показывает практика, отсутствует четко сформулированная позиция об охраняемом таким образом объекте гражданского права.

В качестве примера можно привести постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 26-П [3]. Согласно ему рассмотрение вопроса об обращении в доход государства имущества, в отношении которого государственным гражданским служащим не предоставлены сведения, подтверждающие его приобретение на законные доходы, или суммы, эквивалентной стоимости такого имущества, происходит в рамках гражданского судопроизводства по причине установления Гражданским кодексом Российской Федерации [1] основания прекращения права собственности на указанное имущество.

Однако не совсем понятно, с какой целью законодатель установил именно гражданско-правовое регулирование данного механизма. В научных работах также отсутствует теоретическая определенность по данному вопросу. В частности, Н. И. Снегирева, О. Б. Новрузова и П. Е. Снегирева отмечают, что «на основании ст.ст. 16, 1069, ч. 3 ст. 1081 ГК РФ государственный служащий, виновный в совершении коррупционного деяния, подлежит привлечению к гражданско-правовой ответственности в связи с нарушением установленных законом запретов и получением коррупционных доходов. В таком случае государственный служащий причинил ущерб государству, который оценивается и высчитывается пропорционально стоимости коррупционных доходов» [7, с. 27]. М. Н. Илюшина [6, с. 5] предлагает, казалось бы, очевидное объяснение, согласно которому данный механизм направлен исключительно на борьбу с коррупционными правонарушениями.

Вместе с тем подобная трактовка сущности рассматриваемого механизма представляется ошибочной, так как не дает понимания всей глубины и, соответственно, его важности для защиты прав и законных интересов государства.

Одним из условий наступления гражданско-правовой ответственности является причинение вреда какому-либо определенному субъективному праву в отличие от публично-правовых деликтов, где наличие конкретного пострадавшего

¹ © Яготинцева Т. Ю., 2021.

необязательно и ответственность наступает за нарушение норм объективного права [5, с. 55]. Таким образом, презумпция, согласно которой доход, законность получения которого не подтверждена, рассматривается как противоправный, является не более, чем реализацией конструкции генерального деликта, закрепленной в ст. 1064 ГК РФ [2].

В соответствии с гражданским законодательством Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, а также муниципальные образования выступают равноправными субъектами гражданских правоотношений наряду с физическими и юридическими лицами. Следовательно, они обладают схожими правами и обязанностями.

Согласно п. 11 ст. 152 ГК РФ, правила о защите деловой репутации распространяются и на юридических лиц. При этом буквальное прочтение указанной нормы позволяет сделать вывод о том, что юридические лица также обладают деловой репутацией, как и отдельные граждане. При этом, согласно п. 2 ст. 124 ГК РФ к публично-правовым образованиям как субъектам гражданского права применяются положения, регулирующие участие юридических лиц в гражданском обороте.

Безусловно, проводить прямую аналогию будет неправильно, потому нельзя утверждать, что публично-правовые субъекты обладают деловой репутацией. Вместе с тем также ошибочно утверждать, что публично-правовые субъекты не обладают подобным деловой репутации свойством, хоть его содержание носит несравненно более широкий характер в силу осуществления публично-правовых функций.

Для обозначения данного свойства, на наш взгляд, наиболее корректно использовать термин «легитимность». Согласно Большому юридическому словарю «легитимность» происходит от латинского слова *legitimus* – согласный с законами, законный, правомерный. Это политико-правовое понятие, означающее положительное отношение жителей страны, больших групп, общественного мнения (в том числе и зарубежного) к действующим в конкретном государстве институтам власти, признание их правомерности [4]. В том случае, если органы государственной власти не обладают достаточным уровнем легитимности в глазах граждан, исполнение возложенных на них функций становится затруднительным, поскольку взаимодействие с общественностью является одним из важных факторов эффективного государственного управления и осуществления тех публично-правовых задач Российской Федерации.

В том случае, когда государственный гражданский служащий не может предоставить сведения, подтверждающие законность источника получения средств, на которые приобретено имущество, т. е. не может опровергнуть названную выше презумпцию, создается впечатление о неправомерном характере источника средств. Таким образом, причиняется вред легитимности публично-правовых субъектов.

Применение гражданско-правовых мер воздействия в подобных ситуациях является наиболее правильным решением, поскольку бремя доказывания законности источника получения доходов возлагается на государственного граж-

данского служащего в силу «генерального деликта». Таким образом, соблюдаются положения о доказывании в рамках отрасли права.

В том случае, если бы такое перераспределение бремени доказывания было реализовано в рамках публично-правовых отраслей, следовало бы признать факт нарушения конституционного положения о презумпции невиновности.

Подводя итог, еще раз отметим, что в рамках теории гражданского права не сформировано представление о том, какое именно гражданско-правовое благо является объектом защиты при применении норм об обращении в доход государства имущества, в отношении которого государственным гражданским служащим не предоставлены сведения, подтверждающие его приобретение на законные доходы, или суммы, эквивалентной стоимости такого имущества.

Правоприменитель ограничивается ссылкой на нормы ГК РФ, однако остается неясным, с какой целью законодателем установлено именно гражданско-правовое регулирование данного механизма.

Существующая позиция, согласно которой обращение в доход государства такого имущества направлено исключительно на борьбу с коррупционными правонарушениями представляется поверхностной и не позволяющей в полной мере понять значимость данного механизма.

Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования являются субъектами гражданского права, следовательно, они обладают схожим с другими субъектами гражданских правоотношений перечнем прав, имеющих собственное наполнение, обусловленное публично-правовой природой данных субъектов.

Одним из таких благ является легитимность, которая выражается в положительном отношении жителей страны, больших групп, общественного мнения (в том числе и зарубежного) к действующим в конкретном государстве институтам власти, признание их правомерности.

Установление факта приобретения государственным гражданским служащим имущества на незаконные доходы подрывает доверие граждан к органам государственной власти, что, в свою очередь, причиняет вред легитимности публично-правовых субъектов.

Полагаем, что именно для возмещения такого вреда и создан рассматриваемый в данной статье механизм. При этом посредством конструкции «генерального деликта» бремя доказывания возлагается на государственного гражданского служащего без нарушения презумпции невиновности.

Подобное распределение обязанностей доказывания представляется справедливым в силу степени вреда, причиняемого легитимности публично-правовых субъектов, а также природы данного правового блага.

Библиографический список

1. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации» (ч. 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации» (ч. 2) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона „О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам” в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Большой юридический словарь. // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/15831>.

5. Дерюгина Т. В. Возмещение вреда, причиненного субъектам предпринимательской деятельности, при осуществлении государственного, муниципального контроля // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России : монография : в 4 т. Т. 1 / отв. ред. С. Д. Могилевский [и др.]. М. : Проспект, 2020.

6. Илюшина М. Н. Гражданско-правовые элементы механизма контроля за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам // Гражданское право. 2019. № 6. С. 3–7.

7. Снегирева Н. И., Новрузова О. Б., Снегирева П. Е. Гражданско-правовые меры противодействия коррупции // Мировой судья. 2020. № 3. С. 25–29.

Ягунова Е. Е.¹,

доцент кафедры правового обеспечения

экономической и инновационной деятельности

Института экономики и предпринимательства

Национального исследовательского

Нижегородского государственного университета

имени Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВОГО РУБЛЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Развитие цифровых технологий последнего десятилетия оказало существенное влияние на многие сферы жизнедеятельности человека и повлекло за собой их кардинальные изменения. Активное использование мобильных и технических устройств повлияло и на сферу денежного оборота. Наряду с наличными деньгами все большее число физических лиц использует для оплаты товаров и услуг, осуществления платежей и переводов безналичные денежные средства. Наряду с этим активно расширяется применение цифровых финансовых технологий банками, предприятиями, государством. При этом участники гражданского оборота все более заинтересованы в повышении скорости проводимых операций, удобстве, безопасности и снижении комиссий, что возможно с применением самых передовых технологий. Это делает необходимым изучение вопроса о целесообразности выпуска в России цифровой валюты центрального банка как дополнительной формы денег, способной ответить на стоящие перед финансовым рынком вызовы.

Концепция цифрового рубля, представляющего собой новую форму российской национальной валюты, впервые была представлена в Докладе Банка России 13 октября 2020 г. [4]. Согласно изложенным положениям цифровой рубль будет эмитироваться Центральным банком Российской Федерации (далее – Банк России) в цифровой форме и выступит частным случаем цифровой валюты, платежным инструментом с дополнительными возможностями для граждан и бизнеса. Он призван объединить в себе пользовательские свойства уже существующих объектов – наличных денег и безналичных денежных средств. Как и наличные деньги, представленные в обороте банкнотами с уникальными номерами, цифровой рубль будет иметь форму уникального цифрового кода – токена, который будет храниться на специальном электронном кошельке. Передача цифрового рубля от одного пользователя к другому будет происходить в виде перемещения цифрового кода с одного электронного кошелька на другой, в том числе в режиме офлайн, т. е. при отсутствии доступа к сети Интернет и мобильной связи. Это указывает на то, что от наличных денег цифровой рубль наследует и возможность находиться в прямом постоянном доступе у владельца. В отличие от банковского счета, электронный кошелек владельца не будет привязан к конкретному банку, а потому может быть доступен через приложения любых финансовых посредников, клиентом которых является вла-

¹ © Ягунова Е. Е., 2021.

делец электронного кошелька. С безналичными денежными средствами цифровой рубль роднит удобство хранения и использования, а также способность осуществлять расчеты дистанционно.

Предполагаемыми преимуществами включения в оборот цифрового рубля следует считать: во-первых, снижение издержек для граждан и бизнеса, связанных с выполнением платежей и взаиморасчетов, посредством предоставления альтернативной платежной технологии; во-вторых, прозрачность платежей, позволит контролировать расходование средств, не только государственными органами, выделяющими целевые субсидии, субвенции и дотаций, но и физическими лицами: например, родители будут иметь возможность контроля за расходованием денежных средств детьми; в-третьих, являясь равно доступной для всех участников платежных отношений, новая инфраструктура повысит конкуренцию сервисов, приложений и платформ. После введения в обращение цифровой рубль будет обязателен к приему в качестве средства платежа на всей территории Российской Федерации и будет трансформироваться в другие формы российского рубля в соотношении один к одному.

Апеллируя к международному опыту, следует отметить, что отношение центральных банков мира к цифровым деньгам всего за несколько последних лет прошло путь от неприятия самой идеи до пилотных проектов национальной цифровой валюты. В 2020 г., наряду с Банком России, работу по теме цифровых валют центральных банков значительно активизировал Европейский ЦБ, а также банк Англии и банк Канады. Наибольший прогресс по данному вопросу достигнут банками Китая, Южной Кореи и Швеции, начавшими эксперименты с внедрением цифровой национальной валюты.

В рамках экспертного обсуждения доклада Банка России о цифровом рубле, организованного в формате круглого стола Исследовательским центром частного права, заместитель Председателя Банка России А. Б. Заботкин отметил, что «в ходе проводимых общественных консультаций целесообразность введения национальной цифровой валюты не ставилась под сомнение. Напротив, высказывались суждения о необходимости дальнейших разработок темы и движения в направлении прототипирования и тестирования одной из предложенных моделей реализации цифрового рубля, по итогам которых можно будет принимать окончательное решение о введении в оборот дополнительной формы российской национальной валюты» [2]. Вместе с тем для обслуживания цифрового рубля потребуются создание надежной, производительной, отказоустойчивой и защищенной от киберугроз технологической платформы, а также разработка нормативно-правовой базы, которая позволит избежать предполагаемых рисков при имплементации в оборот новых цифровых технологий.

Таким образом, понимая неизбежность внедрения цифровых технологий в экономику и соглашаясь с тем, что представленное Банком России техническое решение является благом для дальнейшего развития имущественных отношений, важно понять, каким образом с помощью права и законодательства можно обеспечить это внедрение в российскую действительность наиболее приемлемым способом.

На сегодняшний день положения шестого раздела доклада, посвященные законодательным и регуляторным изменениям для внедрения цифрового рубля, занявшие по объему менее страницы, вызывают у юридического сообщества много дискуссионных вопросов, носящих комплексный характер и затрагивающих нормы различных отраслей права: конституционного права (достаточность полномочий Центрального Банка); информационного права (функционирование новой платформы как информационной системы; требования информационной безопасности); уголовного права (ответственность лиц, посягающих на функционирование системы); налогового права (возможность использования цифрового рубля в качестве способа исполнения публичных обязанностей, связанных с налогами); гражданского права (признание цифрового рубля правомерным объектом гражданских прав; отнесение цифрового рубля к объектам права собственности).

Говоря о создании системы правового регулирования цифрового рубля, в первую очередь необходимо уяснить его место в системе объектов гражданских прав с целью определения правового режима на него распространяющегося. Соотнося определение цифрового рубля с положениями гражданского права, следует отметить, что описанная в докладе модель, не предполагает существования объекта в натуральной форме, в виде вещи, а представляет собой обязательство Банка России. Названные свойства позволяют признать цифровой рубль записью по счету, правомерно рассматривая его в качестве разновидности безналичных денежных средств и опровергая мнение о зарождении третьего вида денег.

В связи со сказанным выше, внесение изменений в ст.ст. 128 и 140 Гражданского кодекса Российской Федерации [1], закрепляющие нормы об объектах гражданских прав в целом и о рубле в частности, не потребуются, поскольку универсальность терминологии действующего ГК РФ, позволит реализовать концепцию о цифровом рубле в рамках положений о безналичных денежных средствах. Внесенные ранее в ст. 128 ГК РФ изменения, включившие в перечень объектов гражданских прав безналичные денежные средства, были продиктованы кардинальными различиями между наличными деньгами как вещами, в отношении которых применялись положения о вещном праве, и безналичными денежными средствами, являющимися нематериальными объектами, записью по счетам, с их особым правовым режимом, к числу каковых и следует отнести цифровой рубль. Вместе с тем из проведенного анализа норм ГК РФ можно сделать вывод, что существует немало положений, в которых словосочетание «безналичные денежные средства» сопрягается с понятием банковского счета и в этой связи потребуются доработка ст.ст. 316, 810 и глав 45 и 46 ГК РФ, с помощью корректировки понятия счета.

Определяя правовой режим цифрового рубля как объекта гражданских прав, видится интересным сопоставление понятия цифрового рубля с понятиями цифровых финансовых активов и цифровой валюты, закрепленными в п. 2 и п. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3]. Анализ названных положений

позволяет высказать предположение о том, что цифровой рубль может обладать не только правовым режимом безналичных денежных средств, но и правовым режимом цифровых прав, под которыми законодатель понимает обязательственные и иные права на различные виды цифровых активов. Однако в данном случае речь идет об узкоспециализированном, цивилистическом определении, к которому на данный момент относить что-либо достаточно спорно, так как правила информационной системы в настоящее время не разработаны.

Таким образом, отталкиваясь от природы нового феномена предлагается не размножать универсальное юридическое понятие «деньги» внутри нормативных актов. Это позволит произвести минимальную корректировку действующего законодательства, упростив процесс адаптации различных отраслей права и сохранив у субъектов четкое понимание, что цифровой рубль – это деньги. Вместе с тем, учитывая специфику цифрового объекта, необходимо выстроить правовое регулирование системы платежей с его использованием, определив круг обязанностей банков, их ответственность и возможные риски, а также момент, с которого денежное обязательство следует считать исполненным.

В заключение следует отметить, что на данном этапе модель цифрового рубля еще только обсуждается, ее нельзя назвать окончательно определенной, однако очевиден тот факт, что цифровой рубль со временем обязательно войдет в гражданский оборот, а потому для исключения всевозможных рисков его оборота видится необходимым создание рабочей группы для выяснения негативных последствий и предотвращения их при помощи правовых механизмов и гарантий восстановления нарушенных прав и законных интересов. Таким образом, обозначенные в статье вопросы требуют дальнейшей детальной проработки и исследования с выходом на решение поставленных задач.

Библиографический список

1. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации» (ч. 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Круглый стол Исследовательского центра частного права по обсуждению доклада ЦБ о цифровом рубле // URL: <http://privlaw.ru/131-47/>.
3. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2020. № 173.
4. Цифровой рубль – доклад для общественных консультаций // URL: http://www.cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/.